

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (40) 2021

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (40) 2021

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2021
© Tomsk State University, 2021

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (40) 2021

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2021
© Томский государственный университет, 2021

CONTENTS

No 1 (40) 2021

Natalia A. Zevakhina, Daria V. Gornshteyn, Anastasia D. Egorova. The factors influencing the projection of presuppositions in Chuvash: an experimental study	7
Maria A. Klyucheva. Verb morphology in the monument of Mari writing “The beginnings of Christian doctrine...” (1839 / 1841)	31
Polina I. Li. The graphic analysis of the first syllable vowel system in Nenets dictionaries from A. M. Sjögren’s archive	47
Fedor I. Rozhanskiy. Votic-Ingrian convergence and intra-idiolectal continuum (a case study of a chain rune).....	62
Alexander V. Savelyev. A pre-standard Chuvash text with a dative-accusative distinction	77
Anna Yu. Urmanchieva. Phonetic features of Nenets loanwords in the Ob-Ugric languages	101
Style sheet	124

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (40) 2021

Н. А. Зевахина, Д. В. Горнштейн, А. Д. Егорова. Факторы, влияющие на проекцию пресуппозиций в чувашском языке: экспериментальное исследование	7
М. А. Ключева. Глагольная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841)	31
П. И. Ли. Графический анализ вокализма первого слога в ненецких словарях из архива А. М. Шёгрена	47
Ф. И. Рожанский. О водско-ижорской конвергенции и внутриидиолектном континууме (на примере одной кумулятивной руны)	61
А. В. Савельев. Старочувашский памятник с различием датива и аккузатива	77
А. Ю. Урманчиева. Фонетические особенности ненецких заимствований в обско-угорских языках.....	101
Требования к оформлению статей.....	124

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Факторы, влияющие на проекцию пресуппозиций в чувашском языке: экспериментальное исследование

Зевахина Наталья Александровна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); nzevakhina@hse.ru

Горнштейн Дарья Владимировна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); dvgormshteyn@edu.hse.ru

Егорова Анастасия Дмитриевна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; asty28@mail.ru

Статья посвящена экспериментальному исследованию, в котором тестируются следующие лексические единицы литературного чувашского языка на предмет проекции пресуппозиции в утвердительном контексте, в контексте отрицания и в контексте условия: наречие *калlex* ‘опять’, союз *та* ‘тоже’, ментальные фактивные глаголы *манса кай* ‘забыть’ и *пӗл* ‘знать/узнать’, фазовый глагол *пӗтер* ‘закончить/заканчивать’. Согласно выдвинутой в работе [Abusch 2002] гипотезе о делении триггеров пресуппозиций на жесткие и мягкие в зависимости от проекции пресуппозиции в различных контекстах, первые две лексические единицы литературного чувашского языка относятся к жестким триггерам, а последние три — к мягким. В работах [Xue and Onea 2012; Smith and Hall 2012] и др. были получены экспериментальные данные, которые подтверждают предполагаемое деление триггеров пресуппозиций на два вида в нескольких западноевропейских языках. В статье предположение о делении триггеров пресуппозиций на жесткие и мягкие было проверено на материале неиндоевропейского языка и подразумевает использование верификационного метода: участникам эксперимента необходимо выбрать одно из значений пятибалльной шкалы Ликерта, ответив на предлагаемый вопрос в соответствии с заданным контекстом. Результаты проведенного эксперимента только отчасти подтверждают деление триггеров на жесткие и мягкие. При этом, как и в работе [Xue and Onea 2012], мягкие триггеры представляют собой более разнородную группу, чем жесткие триггеры. Кроме того, в отличие от работы [Tonhauser et al. 2018], более дробного различия как внутри каждой группы, так и между единицами, принадлежащими разным группам, практически не наблюдается. Возможные причины этого — линейное предшествование и синтаксический статус первой клаузы, содержащей отмененную пресуппозицию.

Ключевые слова: пресуппозиция, презумпция, проекция, пресуппозитивный триггер, литературный чувашский язык

THE FACTORS INFLUENCING THE PROJECTION OF PRESUPPOSITIONS IN CHUVASH: AN EXPERIMENTAL STUDY

Natalia A. Zevakhina, National Research University Higher School of Economics (Moscow); nzevakhina@hse.ru

Daria V. Gornshhteyn, National Research University Higher School of Economics (Moscow); dvgormshteyn@edu.hse.ru

Anastasia D. Egorova, Lomonosov Moscow State University; asty28@mail.ru

The current paper experimentally studies the projection diversity of the following presupposition triggers in the Standard Chuvash language in assertive sentences, in negated assertive sentences and in conditional sentences: *kalllex* ‘again’ (adverbial), *ta* ‘too’ (conjunction), *mansa kaj* ‘forget’ and *pəl* ‘know/find out’ (mental factive verbs), and *pəter* ‘finish’ (aspectual verb). Relying upon the presupposition projection in various contexts, [Abusch 2002] suggested to distinguish between hard vs. soft presupposition triggers. According to this view, the former two Chuvash items belong to hard triggers, whereas the latter three items represent soft triggers. The papers by [Xue and Onea 2012; Smith and Hall 2012] among others experimentally confirmed the distinction between hard vs. soft triggers in several West-European languages. The current paper verifies the hypothesis about the distinction between hard vs. soft triggers on the basis of a non-Indo-European language and suggests using a verification task: participants have to choose one of the values on the five-point Likert scale while answering a given question with respect to a given context. The paper only partially confirms the distinction between hard vs. soft triggers. As in [Xue and Onea 2012], the paper shows that soft triggers exhibit a more heterogeneous group than hard triggers. Moreover, contrary to the recent paper by [Tonhauser et al. 2018], the paper does not reveal further distinctions either within each of the presupposition trigger groups or between the presupposition trigger groups. The paper gives two plausible interrelated reasons for the obtained results that are a linear position and a syntactic status (independent vs. embedded) of the first clause in a question that contains the denied presupposition.

Keywords: presupposition, presumption, projection, presupposition trigger, Standard Chuvash

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-312-70009 «Грамматические особенности тюркских языков Поволжья».

1. Введение

Работа Питера Ф. Стросона “On referring” [Strawson 1950] стала ключевой в области изучения пресуппозиций (или презумпций, см. [Падучева 1977, 2011]). В этой работе впервые предлагалось вывести пресуппозицию в отдельный план содержания высказывания, противопоставив ее ассерции. Так, в знаменитом примере *Король Франции лыс* существование короля Франции формирует фоновое знание и относится к пресуппозиции высказывания. Пропозиция ‘х лыс’ утверждается в предложении и относится к ассерции. Если пресуппозиция выполняется (satisfied), то можно определить условия истинности пропозиции, относящейся к ассерции. Если же пресуппозиция не выполняется, то определить условия истинности ассертивной пропозиции не представляется возможным: эта пропозиция является бессмысленной.

Это классическое определение пресуппозиции со временем претерпело некоторые изменения. Во-первых, был расширен список лексических единиц и синтаксических конструкций, которые вызывают пресуппозицию. Такие единицы и конструкции называются *триггерами пресуппозиций*, или *триггерами презумпций*, см. [Падучева 2011], ср. presupposition triggers. Помимо определенных выражений (таких, как *король Франции*), к триггерам пресуппозиций относятся фактивные глаголы (например, *знать*, *узнать*, *понять*, *обнаружить*), фазовые глаголы (*начать*, *продолжить*, *кончить*) и многие другие. Однако само наличие в предложении триггера пресуппозиции не означает, что предложение обязательно будет содержать пресуппозицию. Немаловажную роль играет и контекст. Задолго до работы [Strawson 1950] Готлоб Фреге в знаменитой работе [Frege 1892] предложил следующее определение пресуппозиции, ставшее классическим. Мы приведем русскоязычную версию из работы [Падучева 2011]: предложение *P* является презумпцией предложения *S*, если из истинности *S* следует *P* и из ложности *S* следует *P*; или, иначе: если из *S* следует *P* и из отрицания *S* следует *P*. Контекст отрицания — это первый замеченный контекст, в котором пресуппозиции проецируются (ср. project out, survive, также говорят: сохраняются, наследуются). Позднее авторы работ [Morgan 1969; Langendoen and Savin 1971] обобщили это наблюдение. Пресуппозиции проецируются в контекстах с различными семантическими операторами, например: в сфере действия оператора отрицания (под отрицанием, см. (1)), в сфере действия синтаксического модального оператора (см. (2)), в протазисе/антецеденте¹ условного предложения (см. (3)), в вопросительном предложении (см. (4)). Такие контексты получили название *контексты проекции* (ср. projection contexts, survival contexts), или *семейство предложений* (ср. Family of Sentences, или сокращенно FoS) в работе [Chierchia and McConnell-Ginet 1990].

- (1) *Петя не узнал, что концерт отменился.*
- (2) *Возможно, Петя узнал, что концерт отменился.*
- (3) *Если Петя узнает, что концерт отменился, то он огорчится.*
- (4) *Петя узнал, что концерт отменился?*

Однако в действительности, при более внимательном изучении, не все контексты проекции в одинаковой степени проецируют пресуппозиции. Во многом это зависит от триггера пресуппозиции. В работе [Abusch 2002] было показано, что триггеры пресуппозиций распадаются на две группы: жесткие (hard) и мягкие (soft) триггеры. Основанием для разграничения послужило то, что жесткие триггеры (например, такие как *too* ‘тоже’, *again* ‘опять’) проецируют пресуппозицию во всех контекстах, в то время как мягкие триггеры (например, *know* ‘знать’, *discover* ‘узнать/открыть’) проецируют пресуппозицию не во всех контекстах (например, не проецируют в протазисе условных предложений). Ср. (5)—(7).

- (5) *I have no idea if Mary is cheating on John. But if he discovers he will be sad.* [Abrusán 2016]
‘Я не знаю, обманывает ли Мария Джона. Но если он это обнаружит, он очень расстроится’.
- (6) *I have no idea whether John read the proposal. # But if Bill read too, let’s ask them to confer and simply give us a yes/no response².* [Abusch 2010]
‘Я не знаю, прочитал ли Джон план. # Но если Билл его тоже прочитал, попроси их сообщить об этом и кратко ответить да/нет’.
- (7) *I have no idea whether Jane ever rented “Manhattan”, # but perhaps she is renting it again.* [Simons 2001]
‘Я не знаю, брала ли напрокат когда-нибудь Джейн фильм «Манхэттен», # но возможно, она снова берет его напрокат’.

¹ В зависимости от традиции клауза, вводимая подчинительным союзом *если*, называется протазисом (термин, принятый в функциональной литературе) или антецедентом (термин, принятый в логико-семантической литературе). Не следует путать этот термин с термином *антецедент* в синтаксисе.

² Здесь и далее обозначение # указывает на то, что последующий контекст семантически неприемлем.

С экспериментальной точки зрения, были получены данные, которые, в целом, можно считать подтверждением предполагаемого деления триггеров пресуппозиций на два вида, см. работы [Xue and Onea 2012; Smith and Hall 2012; Jayez and Mongelli 2012; Jayez et al. 2015]. В них исследовались следующие триггеры, см. таблицу 1.

Таблица 1. Жесткие и мягкие триггеры пресуппозиций, исследуемые в литературе по экспериментальной прагматике

Тип триггера	Лексические единицы	Язык	Источники
мягкие	<i>win</i> ‘выиграть’ <i>know</i> ‘знать’	Английский	[Smith and Hall 2012]
жесткие	<i>it</i> -клефт (например, <i>it is John who...</i>)		
мягкие	<i>wissen</i> ‘знать’ <i>erfahren</i> ‘узнать’	Немецкий	[Xue and Onea 2012]
жесткие	<i>auch</i> ‘тоже’ <i>wieder</i> ‘снова’		
мягкие	<i>gagner</i> ‘выиграть’	Французский	[Jayez and Mongelli 2012]
жесткие	<i>c'est</i> -клефт <i>aussi</i> ‘также’ <i>regretter</i> ‘сожалеть’		[Jayez et al. 2015]

Что касается контекстов, в работе [Xue and Onea 2012] тестировался только контекст условия, в то время как в работе [Smith and Hall 2012] — утвердительный контекст, контекст отрицания и контекст условия, а в работе [Jayez and Mongelli 2012] — два контекста условия с анафорическим местоимением в предшествующем контексте или без него.

Методы исследований также были различными. В работе [Xue and Onea 2012] испытуемым были предъявлены пары: предложение (контекст условия) и вопрос, содержащий отрицание того, что утверждалось в предложении, — и испытуемые должны были выбрать один из возможных ответов: «да», «нет» или «не знаю». В работе [Smith and Hall 2012] испытуемым также были предъявлены предложения (в контекстах утверждения, отрицания и условия) и по три вопроса к каждому из них. Из этих вопросов только один было стимульным (два других были отвлекающими). После прочтения каждого из вопросов испытуемые должны были оценить степень своего удивления на пятибалльной шкале. В работе [Jayez and Mongelli 2012] испытуемые должны были оценить, насколько естественно звучит предъявленное предложение, по семибалльной шкале.

Результаты исследований показали следующее. В работе [Smith and Hall 2012] не было выявлено статистически значимого различия между мягкими триггерами, однако было выявлено статистически значимое различие между, с одной стороны, мягкими триггерами, а с другой стороны, жестким триггером. В работе [Xue and Onea 2012] испытуемым предъявлялось сначала предложение, содержащее триггер (например, *Если Томас снова приготовит суши, Майко будет ему помогать*), а затем вопрос (например, *Может ли такое быть, что Томас никогда не готовил суши?*). Задача испытуемых заключалась в том, чтобы выбрать один из ответов «да», «нет», «не знаю». Ответ «нет» означал проекцию пресуппозиций. Результаты показали, что, во-первых, мягкие триггеры проецируются далеко не всегда (приблизительно 38% для *wissen* и 52% для *erfahren*), а во-вторых, существует статистически значимое различие между мягкими триггерами *wissen* и *erfahren*, а также между мягким триггером *erfahren* и жесткими триггерами *auch* и *wieder* (87% для *auch* и 99% для *wieder*), но не между жесткими триггерами. В работе [Jayez and Mongelli 2012] поведение мягкого триггера *win* существенно отличалось от поведения жестких триггеров *too* и *it*-клефта. В целом, полученные результаты подтверждали деление триггеров на жесткие и мягкие.

В ряде других работ было отмечено, что триггеры пресуппозиций формируют неоднородный класс в отношении того, какой вклад они вносят в пропозициональное (at-issue) vs. непропозициональное (или фоновое, non-at-issue) содержание высказывания, см. [Xue and Onea 2012, эксперимент 2; Amaral et al. 2012; Cummins et al. 2012; Tonhauser et al. 2018]³. В этих работах также тестировалось различие между мягкими и жесткими триггерами, однако не в контекстах семейства предложений. Испытуемым предлагались диалоги (с различными модификациями), состоящие из некоторых утверждений с триггерами

³ См. также работу [Tonhauser et al. 2019] о влиянии информационной структуры на проекцию пресуппозиций.

пресуппозиций и последующих реплик другого собеседника, которые подтверждали или опровергали утверждения. В работе [Tonhauser et al. 2018] была выдвинута гипотеза о том, что проекция пресуппозиции зависит от того, входит ли триггер пресуппозиции в (не)пропозициональное содержание высказывания. В [Tonhauser et al. 2018] был сформулирован Принцип градуальной проективности (Gradient Projection Principle): если триггер пресуппозиции входит в пропозициональное содержание высказывания, то пресуппозиция, скорее всего, не будет проецироваться; напротив, если триггер пресуппозиции входит в непропозициональное содержание высказывания, то пресуппозиция, скорее всего, будет проецироваться. Таким образом, оказывается, что проекция регулируется не только лексико-семантическим потенциалом того или иного триггера, но и по крайней мере одним из дискурсивных факторов — тем, что называется Обсуждаемым вопросом (ср. Question under discussion). С помощью такого вопроса можно определить, что находится в фокусе, а что в бэкграунде высказывания. Помимо этого, в [Tonhauser et al. 2018] тестировалась степень проективности того или иного триггера. Чтобы проиллюстрировать то, как был построен один из экспериментов, рассмотрим следующий пример (8а—в).

(8а) *Иван спрашивает: Маша вчера опять поздно пришла домой?*

(8б) *Иван уверен[↑], что Маша до этого поздно приходила домой?*

(8в) *Иван спрашивает о том, приходила ли Маша до этого поздно домой?*

Вопрос (8б) нацелен на проверку проекции пресуппозиции ‘Маша до этого поздно приходила домой’ исходной реплики Ивана, представленной в (8а): если ответ «да», то пресуппозиция проецируется; если ответ «нет» — то не проецируется. В вопросе (8в) проверяется, что входит в (не)пропозициональное содержание высказывания: если ответ «да», то подчиненное предложение относится к пропозициональному содержанию высказывания (8а), а если «нет», то предложение относится к непропозициональному содержанию высказывания (8а). Так, естественный ответ на вопрос (8б) — «да», в то время как естественный ответ на вопрос (8в) — «нет».

Помимо подтверждения Принципа градуальной проективности, в исследовании была выявлена не только межгрупповая вариативность между триггерами пресуппозиций, но и внутригрупповая вариативность, а также вариативность между триггерами, принадлежащими разным группам.

Подтверждаемая с помощью опосредованных (offline) методик вариативность между триггерами, принадлежащими разным или одинаковым классам, однако, не находит подтверждения в исследованиях, в которых применяются непосредственные (online) методики⁴. Так, в работе [Schwarz 2014] не было выявлено различий в скорости обработки высказываний⁵, содержащих мягкие и жесткие триггеры.

Обратимся теперь к методологии. Предлагаемое исследование включает в себя задание на верификацию (verification task, верификационный метод): участникам эксперимента необходимо ответить на предлагаемый вопрос в соответствии с заданным контекстом. Например, как мы рассматривали выше, с помощью ответов «да», «нет», «не знаю» испытуемые могут оценить, согласуется ли содержание вопроса *Может ли такое быть, что Томас никогда не готовил суши?* с заданным условным предложением *Если Томас снова приготовит суши, Майко будет ему помогать*. В этом мы следуем за работами [Xue and Onea 2012; Smith and Hall 2012], которые также использовали задание на верификацию.

Кроме того, в нашей работе тестируется большее количество контекстов проекции и большее количество лексических единиц, чем в предыдущих исследованиях. Более полное исследование служило бы более весомым аргументом в пользу существования предполагаемого деления триггеров на две группы или, напротив, служило бы более весомым аргументом против существования подобного деления. Поскольку в предлагаемом исследовании тестируются контексты проекции, оно встраивается в один ряд со следующими работами: [Xue and Onea 2012; Smith and Hall 2012; Jayez and Mongelli 2012]. Если говорить более точно, наше исследование отталкивается от работы [Xue and Onea 2012] — главным образом в силу того, что мы заимствовали из этой работы модальный вопрос «Возможно ли...», содержащий отмену пресуппозиции, которая вводится в исходном утвердительном предложении, однако увеличили количество вариантов ответов. Увеличение количества ответов позволяет выявить более дробную градуацию между предложениями в отношении их прагматико-семантической приемлемости.

В настоящем исследовании предположение о делении триггеров пресуппозиций на жесткие и мягкие было проверено на материале неиндоевропейского языка. Этот факт примечателен тем, что работ по пресуппозициям и, шире, по лингвистической прагматике за пределами индоевропейских языков практически нет. Исключение составляет работа [Tonhauser et al. 2013], которая посвящена исследованию

⁴ Подробнее о непосредственных и опосредованных методиках см. [Фёдорова 2008].

⁵ Обработка (ср. processing) — это то, как носители языка анализируют какое-либо языковое выражение в режиме реального времени. Подробнее см. [Фёдорова 2008].

пресуппозиций в парагвайском гуарани и в которой делается акцент на важности проведения полевых работ в области пресуппозиций, а также предлагаются полевые методики для работы в области прагматики малознакомых или незнакомых языков.

Настоящее исследование проведено на материале литературного чувашского языка⁶, к носителям которого у одного из авторов статьи был доступ, и примечательно тем, что в нем впервые исследуются пресуппозиции в чувашском языке. Подчеркнем, что чувашский, как и другие тюркские языки и в отличие от немецкого (на материале которого было проведено исследование [Xue and Onea 2012]), представляет собой левоветвящийся язык. Это означает, что если вопросительное предложение в нашем эксперименте оформляется как сложноподчиненное предложение, то в нем сначала идет подчиненная клауза, в которой отменяется пресуппозиция, вводимая в исходном утвердительном предложении, и за ней следует главная вопросительная клауза. Насколько нам известно, подобное следование клауз и, что важно, подобная подача информации в предложении раньше нигде не проверялись и заслуживают отдельного изучения.

2. Эксперимент

2.1. Гипотезы

Первая гипотеза состоит в том, что наблюдается существенное различие между двумя группами триггеров (жесткими и мягкими) во всех следующих контекстах: в контексте утверждения, отрицания и условия. Вторая гипотеза заключается в том, что различие наблюдается между отдельными триггерами, принадлежащими двум группам, то есть наблюдается как более детальная межгрупповая вариативность, так и внутригрупповая вариативность в указанных выше контекстах. Основанием для выдвижения этих гипотез послужили данные, полученные ранее в литературе (см., например, [Xue and Onea 2012; Smith and Hall 2012; Jayez and Mongelli 2012; Tonhauser et al. 2018]).

2.2. Материал и метод

Для проверки этих гипотез мы включили в наше исследование пять лексических единиц чувашского языка, которые, как мы предполагали, вызывают пресуппозиции, то есть относятся к триггерам пресуппозиций: наречие *калlex* ‘опять’ [Скворцов, Скворцова 1999: 44], союз *та* (и его вариант *те*)⁷ ‘тоже’⁸ [там же: 127], ментальные глаголы *ман-са кай* ‘забыть’⁹ и *пёл* ‘знать / узнать’ [там же: 83], фазовый глагол *пёттер* ‘закончить / заканчивать’ [там же: 85].

Согласно теории, разработанной в [Abusch 2002], первые две лексических единицы относятся к жестким триггерам, а последние три — к мягким.

Каждая из пяти лексических единиц была помещена в каждый из следующих трех контекстов, предположительно проецирующих пресуппозиции, а именно: утвердительный контекст, контекст сферы действия оператора отрицания, контекст протазиса/антецедента условного предложения. На каждую единицу в каждом контексте было составлено по три предложения. Составленные таким образом 45 предложений (= 5 лексических единиц × 3 контекста × 3 варианта предложений) послужили экспериментальными стимулами.

После каждого из таких предложений следовало вопросительное предложение, содержащее модальный оператор со значением возможности, и предложение, нарушающее предполагаемую пресуппозицию, которая могла проецироваться в первом предложении. Выбранная нами разновидность задания на верификацию, то есть использование подобного вопросительного предложения, объясняет, почему два вида контекста, которые были упомянуты в разделе 1, а именно контекст сферы действия сентенциального модального оператора и контекст вопросительного предложения, не были учтены в этом эксперименте.

Как первое предложение, так и последующее вопросительное предложение были сформулированы на чувашском языке, см. (9a)—(11b).

⁶ Здесь и далее для краткости мы будем называть литературный чувашский язык просто чувашским языком, хотя, разумеется, существуют и другие разновидности чувашского языка.

⁷ Это случай сингармонизма. Вариант *та* присоединяется к слову с твердой основой, а вариант *те* — к слову с мягкой основой.

⁸ Это слово также имеет значение ‘и’.

⁹ *ман-са кай* глоссируется как «забывать-CV_SIM идти», где *кай* анализируется как вспомогательный глагол в [Лебедев 2004: 16].

- (9а) *Анне атте-не сурал-нӑ кун яч-ӗ-пе каллех кӗпе ил-се па-ч-ӗ.*
 мать отец-OBJ рождаться-PC_PST день имя-Р_3-INS опять рубашка брать-CV_SIM давать-PST-3SG
 ‘Мама опять подарила папе рубашку на день рождения’.
- (9б) *Анне ни-хӑсан=та кунччен атте-не кӗпе парнеле-ме-н, ҫакӑ пул-ай-ать=и?*¹⁰
 мать ни-когда=EMPH1 до.этого отец-OBJ рубашка дарить-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что мама никогда раньше не дарила папе рубашку?’
- (10а) *Даша ку анкетӑ-на тултар-са пӗтер-ей-ме-р-ӗ.*
 Даша этот анкета-OBJ заполнять-CV_SIM закончить-POT-NEG-PST-3SG¹¹
 ‘Даша не закончила заполнять эту анкету’.
- (10б) *Даша ку анкетӑ-на тултар-ма-н, ҫакӑ пул-ай-ать=и?*
 Даша этот анкета-OBJ заполнять-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Даша не заполняла эту анкету?’
- (11а) *Енчен=те Миша кӗнеке кам-а кивҫен па-н-ин-е ман-са*
 если=EMPH1 Миша книга кто-OBJ займы давать-PC_PST-Р_3-OBJ забывать-CV_SIM
*кай-сан, вӑл хӑй-ӗ-н пӗрле вӗренекен*¹² *юлташ-ӗ-сем патне шӑнкӑравл-ӗ.*
 идти-CV_ANT он сам-Р_3-GEN вместе учащийся друг-Р_3-PL к звонить-FUT.3SG
 ‘Если Миша забудет, кому он одолжил книгу, он позвонит своим одноклассникам’.
- (11б) *Миша хӑй-ӗ-н кӗнек-ин-е ни-кам-а=та кивҫен па-ма-н, ҫакӑ пул-ай-ать=и?*
 Миша сам-Р_3-GEN книга-Р_3-OBJ ни-кто-OBJ=EMPH1 займы давать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Миша никому не одалживал свою книгу?’

Все предложения (как стимулы, так и филлеры)¹³ были изначально составлены в виде лингвистической анкеты на русском языке и предъявлены трем носителям чувашского языка (точнее, чувашско-русским билингвам; все женщины, около 60 лет, с высшим образованием, школьные или университетские педагоги) для перевода на чувашский язык. Как только первые переводы были получены, они были уточнены, т. е. носителям были заданы дополнительные вопросы о естественности и грамматичности всех возможных вариантов. Далее, пилотные версии всех предложений были протестированы — также на предмет естественности и грамматичности — еще у трех носителей чувашского языка (точнее, чувашско-русских билингвов; все женщины; 73 года, начальное образование; 77 лет, высшее образование; 18 лет, студент). Только после этого, с учетом замечаний всех носителей, опрошенных на подготовительной стадии, предложения были разнесены по экспериментальным листам и предъявлены испытуемым.

Задание испытуемых заключалось в том, чтобы на основе информации из первого предложения ответить на вопрос, сформулированный во втором предложении, выбрав на пятибалльной шкале Ликерта, следующей после вопроса, одно из значений от 1 до 5. Значение «1» интерпретировалось как *Чӑнах пулма пултараймасть* (‘Такое точно невозможно’), значение «5» — *Чӑнах пулма пултарать* (‘Такое точно возможно’)¹⁴, см. рис. 1 и (12а—г).

- (12а) *Миша Катя симӗс чей юрат-н-ин-е пӗл-ме-н.*
 Миша Катя зеленый чай любить-PC_PST-Р_3-OBJ знать-NEG-PC_PST
 ‘Миша не знал, что Катя любит зеленый чай’.
- (12б) *Катя симӗс чей юрат-масть, ҫакӑ пул-ай-ать=и?*
 Катя зеленый чай любить-NEG.NPST.3SG этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Катя не любит зеленый чай?’

¹⁰ Для удобства глоссирования здесь и в некоторых других формах мы передаем сочетание <j>+гласный на стыке морфем (когда <j> морфологически относится к первой морфеме, а гласный — ко второй) двумя отдельными буквами, а не буквами *я, е, ю*, как принято в чувашской орфографии. Уточним, что носителям были представлены предложения в литературной орфографии.

¹¹ Для простоты здесь и далее мы оставляем в глоссах только один вариант перевода ‘закончить’ — как кажется, наиболее естественный.

¹² Здесь и в ряде других случаев, в которых морфологическое членение, на наш взгляд, не является ключевым в понимании примеров, мы намеренно упрощаем глоссы.

¹³ Филлеры — это отвлекающий материал. Он используется для того, чтобы испытуемые не догадались об истинной цели эксперимента. Стимулы — это материал, который отвечает целям эксперимента.

¹⁴ Остальные значения на шкале Ликерта обычно не сопровождаются комментариями.

Рис. 1. Пример стимульного контекста, используемого в эксперименте

- (12в) *Чáн-ах пул-ма пул-тар-ай-масть*
 правда-EMPH2 быть-INF быть-CAUS-POT-NEG.NPST.3SG
 ‘Такое точно невозможно’.
- (12г) *Чáн-ах пул-ма пул-тар-ать*
 правда-EMPH2 быть-INF быть-CAUS-NPST.3SG
 ‘Такое точно возможно’.

Использование пятибалльной шкалы Ликерта (см., например, [Likert 1932; Culbertson and Gross 2009]) в данном эксперименте нуждается в небольшом комментарии. Эта шкала позволяет выявить вариативность в ответах испытуемых, в отличие от выбора одного из двух ответов — «да» и «нет». Кроме того, она исключает эксплицитный вариант «не знаю», хотя, конечно, значение «3» и может его подразумевать.

Филлерами послужили два вида контекстов. Первый содержал как визуальную, так и вербальную информацию, а именно фотографию, иллюстрирующую некоторый завершённый процесс, и описание этой фотографии. Испытуемые должны были кратко (желательно одним предложением) описать на чувашском языке, что предшествовало событию, которое они видят на изображении, см. рис. 2 и (13а—б). Всего подобных отвлекающих контекстов было 11 из 19.

Рис. 2. Пример отвлекающего контекста, используемого в эксперименте

- (13а) *Ўкерчэк синче событи кáртарт-нá (событи вёсленёв-ё, пёлтерёш-ё).*
 рисунок на событие показывать-PC_PST событие конец-Р_3 значение-Р_3
 ‘На картинке изображено некое событие (конец события, результат)’.
- (13б) *Ун умён мён пул-н-ин-е пёр предложени-не сыр-са*
 этот.GEN перед что быть-PC_PST-Р_3-OBJ один предложение-INS писать-CV_SIM
па-ма хáтлан-са пáх-áр.
 давать-INF пытаться-CV_SIM смотреть-IMP.2PL
 ‘Попробуйте описать одним предложением: что произошло перед этим?’

Остальные 8 из 19 отвлекающих контекстов представляли собой предложения, состоявшие из двух клауз: главная и подчиненная. Каждое такое предложение описывало последовательность двух событий.

Как и в случае со стимульными предложениями, испытуемые выбирали ответ на пятибалльной шкале Ликерта, только в этот раз вопрос был сформулирован одним из следующих двух способов: «Возможно ли такое, что сначала произошло *p*, а затем *q*?» или «Возможно ли такое, что сначала произошло *q*, а затем *p*?», где *p* и *q* — пропозиции. В 4 вопросах пропозиции следовали в том же порядке, что и в первом предложении, в остальных 4 вопросах — в обратном порядке. Это было сделано с целью уравновесить ответы: руководствуясь все время одной логикой, испытуемые могли бы заметить, что подавляющая часть ответов, которые кажутся им правильными, лежит на одном конце пятибалльной шкалы. Важно было этого не допустить. Пример (14а—б) иллюстрирует обратный порядок пропозиций.

(14а) *Асатте пенсий-е тух-сан, вӑл дачӑ-ра сурт ту-са ларт-нӑ.*
 дедушка пенсия-OBJ выходить-CV_ANT он дача-LOC дом делать-CV_SIM ставить-PC_PST
 ‘Когда дедушка вышел на пенсию, он построил дачный домик’.

(14б) *Асатте пенсий-е тух-иччен дачӑ-ра сурт ту-са ларт-нӑ,*
 дедушка пенсия-OBJ выходить-CV_POST дача-LOC дом делать-CV_SIM ставить-PC_PST
сав-ӑн пек пул-ма пул-тар-ать=и?
 тот-GEN подобно быть-INF быть-CAUS-NPST.3SG=Q
 ‘Может ли быть такое, что дедушка построил домик раньше, чем вышел на пенсию?’

Причина выбора двух видов филлеров заключается в том, что стимульные предложения содержали довольно сложную для восприятия информацию (утверждение и вопросы), и поэтому, чтобы немного облегчить испытуемым прохождение эксперимента, было принято решение включить не только вербальные, но и визуальные филлеры.

Финальный вариант одного экспериментального листа состоял из 15 стимулов (= 5 триггеров × 3 контекста) и 19 отвлекающих контекстов (11 контекстов первого вида и 8 контекстов второго вида)¹⁵. В целях повышения валидности исследования было сформировано 3 экспериментальных листа. Листы различались только предложениями, но виды стимулов были одинаковыми в каждом листе. Филлеры во всех листах были одинаковыми. Стимульные пары предложений были представлены в произвольном порядке, в то время как порядок филлеров был одинаковым во всех листах. Испытуемые могли выполнять задание без ограничения по времени. Каждый из трех экспериментальных листов видели 10 и более испытуемых, а именно: первый лист — 17 человек, второй лист — 10, третий лист — 11 человек. Эксперимент был оформлен как онлайн-опрос, созданный с помощью Google форм (ссылка на эксперимент приведена в Приложении). Перед началом эксперимента испытуемым была показана следующая инструкция:

В этой анкете не может быть правильных или неправильных ответов. Нас интересует только ваше мнение как носителей чувашского языка. Прочитайте, пожалуйста, предложение. Основываясь на его смысле, ответьте на вопрос. Ответить нужно следующим образом: в вопросе сделано некое допущение, а вы должны по 5-балльной шкале оценить, насколько такое возможно. 1 — такое совершенно точно невозможно; 2 — такое скорее невозможно; 4 — такое скорее возможно; 5 — такое совершенно точно возможно. Иногда вам будут попадаться изображения, их нужно будет очень кратко описать в соответствии с заданием. Вы можете копировать чувашские буквы из поля над изображением либо писать совсем без них. Например, вместо *чӳрече* вы можете написать *чурече*.

Если испытуемый выбирает значения «4» или «5» на пятибалльной шкале, пресуппозиция, по его мнению, не проецируется в данном контексте. И наоборот: если испытуемый выбирает значения «1» или «2» на пятибалльной шкале, видимо, он полагает, что пресуппозиция проецируется в данном контексте.

2.3. Испытуемые (респонденты)

Ниже приведена социолингвистическая информация, а именно информация об испытуемых, точнее, в социолингвистическом контексте — о респондентах.

Всего в эксперименте безвозмездно приняли участие 38 билингов, носителей чувашского и русского языка, в возрасте от 17 до 77 лет (средний возраст составлял 32 года, 22 женщины). Можно выделить следующие возрастные группы: 23 человека в возрасте от 17 до 28 лет, 9 человек в возрасте от 30 до 46 лет и 6 человек в возрасте от 51 года до 77 лет.

¹⁵ Распределение 11 и 8 было произвольным. Что касается общего количества филлеров, оно должно было быть больше количества стимулов в одном листе.

Помимо пола и возраста, исследовались следующие социолингвистические параметры: (i) где респондент родился и жил в детстве; (ii) с какого возраста говорит на чувашском языке; (iii) какими языками владеет, кроме чувашского; (iv) уровень образования респондента; (v) места и ситуации, в которых респондент говорит на чувашском языке. Данные вопросы были подобраны на основе статьи [Anderson et al. 2018]. Ниже представлены результаты социолингвистического опроса.

На вопрос, где респонденты родились и жили в детстве, почти все ответили, что в Чувашии, кроме одного человека: он указал город Ялта.

На вопрос, с какого возраста респонденты говорят на чувашском языке, 32 человека (~84%) указывали «с рождения», «с детства» или выбирали различные возраста (до 5 лет), 6 человек (~16%) указывали возраст в интервале с 7 до 10 лет (то есть школьный возраст).

Все 38 респондентов — чувашско-русские билингвы. Кроме того, 23 человека (~60.5%) владеют английским, 4 человека (~10.5%) — немецким, 1 человек (~2.6%) — татарским, 1 человек (~2.6%) — турецким и 1 человек (~2.6%) — гагаузским.

Что касается уровня образования респондентов, 24 человека (~63%) имеют высшее образование (окончили бакалавриат, магистратуру или специалитет), 9 человек (~23.7%) имеют неоконченное высшее образование, 4 человека (~10.5%) имеют среднее образование, и 1 человек (~2.6%) — начальное.

Наконец, на вопрос, в каких местах и в каких ситуациях респонденты говорят на чувашском, были получены следующие ответы: дома, с родными — 33 человека (~86.8%); в магазине и на рынке — 26 человек (~68%); в государственных учреждениях — 15 человек (~39%); на работе — 11 человек (~29%); в школе (но не на уроке чувашского языка) — 7 человек (~18.4%); в церкви или ином месте, имеющем отношение к религии, — 7 человек (~18.4%). По 1 человеку ответили, что используют чувашский при встрече с другими носителями языка; в ситуации, когда собеседник задает вопрос на чувашском; не используют по причине переезда в другой город.

Составим среднестатистический портрет респондента, который принял участие в нашем эксперименте: это достаточно молодой, образованный билингв (с образованием не ниже среднего, знающий английский), владеющий чувашским с раннего детства, использующий чувашский не только дома, но и в магазинах и в государственных учреждениях.

2.4. Результаты

Результаты исследования представлены на рисунках 3—5 в виде нормированных гистограмм с накоплением (значения от 1 до 5 соответствуют значениям пятибалльной шкалы Ликерта, которая использовалась в эксперименте) по каждому из трех контекстов, по каждому из пяти триггеров, а также по трем контекстам и пяти триграммам. В сумме пять столбцов на каждой гистограмме составляют 100%.

На основании гистограмм рис. 3—5 можно сказать, что распределение ответов варьируется в значительной степени. Вместе с тем видно, что почти по всем триграммам и почти по всем контекстам наибольшую долю ответов составляет ответ со значением «1» на пятибалльной шкале. Другими словами, вопросительное предложение с модальным предикатом и с клаузой, содержащей отмену пресуппозиции, было оценено как неудачное. Это означает, что в исходном утвердительном высказывании проецировалась пресуппозиция. Среди гистограмм рис. 3—5 есть три нестандартных случая: поведение предиката ‘знать/узнать’ в контексте условия, ‘закончить/заканчивать’ в контексте отрицания и ‘забыть’ в контексте утверждения. Мы рассмотрим их в следующем разделе при обсуждении всех данных.

Приводимые ниже статистические подсчеты подтверждают наши наблюдения, сделанные на основе гистограмм, а также выявляют некоторые новые факты.

Все статистические подсчеты были получены в программе R (версия 0.98.507, R Core Team 2012). С помощью кумулятивной модели со связью смешанных эффектов с аппроксимацией Лапласа (Cumulative Link Mixed Model fitted with the Laplace approximation, пакет ordinal — см. [Christensen 2013]) были выявлены основные эффекты (main effects) независимых переменных Контекст и Триггер (в обоих случаях $p < 0.05$)¹⁶. Кроме того, наблюдалось статистически значимое взаимодействие независимых переменных Контекст и Триггер ($p < 0.05$). Это означает, что как вид контекста, так и вид триггера влияют на распределение ответов.

Применение той же модели выявило квази значимое различие между жесткими и мягкими триграммами по всем контекстам ($p = 0.0846$). Наконец, применение этой модели к каждому из трех контекстов выявляет следующую картину: различие между мягкими и жесткими триграммами в утвердительных и от-

¹⁶ Если значение $p < 0.05$, то говорят, что различие значимо; в противном случае — незначимо. См., например, [Baayen 2008].

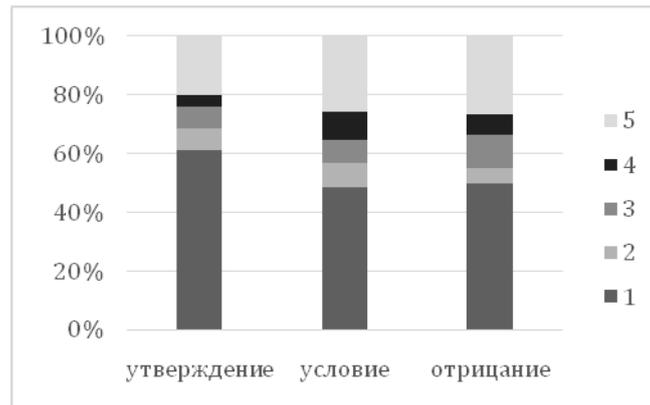

Рис. 3. Распределение ответов на пятибалльной шкале по контекстам в эксперименте

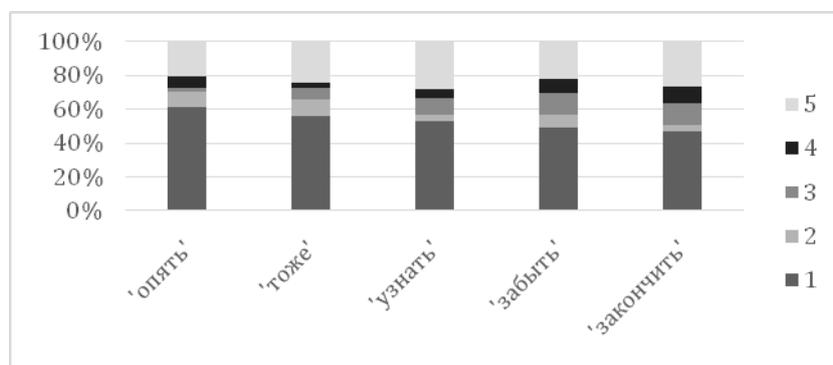

Рис. 4. Распределение ответов на пятибалльной шкале по триггерам в эксперименте

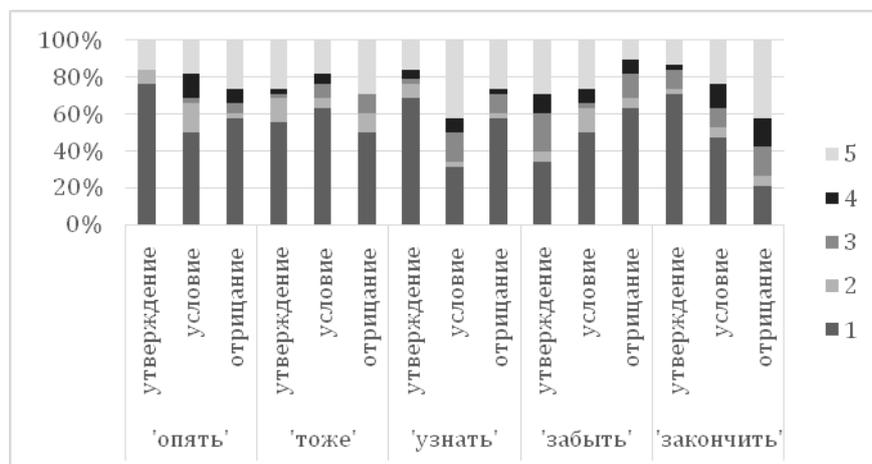

Рис. 5. Распределение ответов на пятибалльной шкале по триггерам и контекстам в эксперименте

рицательных контекстах незначимо ($p = 0.437$ и $p = 0.565$ соответственно), однако это различие значимо в контекстах условия ($p = 0.0199$). Последний результат согласуется с данными, представленными в работе [Xue and Orea 2012]: там различие между жесткими и мягкими триггерами было также значимо в контексте условия. Вместе с тем эти результаты только частично подтверждают первую гипотезу, выдвинутую в разделе 2.1.

Результаты применения критерия Дарбина-Коновера попарных множественных сравнений (Durbin-Conover test, пакет pairwiseComparisons) триггеров в каждом из трех контекстов представлены в следующих таблицах.

Таблица 2. Результаты попарных множественных сравнений триггеров для утвердительных контекстов (приведены *p*-значения; н.з. — сравнение не значимо, * — сравнение значимо на уровне 0.05, ** — сравнение значимо на уровне 0.01)

	‘тоже’	‘опять’	‘знать/узнать’	‘забыть’
‘тоже’	—	—	—	—
‘опять’	0.516 (н.з.)	—	—	—
‘знать/узнать’	0.708 (н.з.)	1 (н.з.)	—	—
‘забыть’	0.331 (н.з.)	0.00775 (**)	0.00892 (**)	—
‘закончить’	0.731 (н.з.)	1 (н.з.)	1 (н.з.)	0.00892 (**)

Таблица 3. Результаты попарных множественных сравнений триггеров для отрицательных контекстов (приведены *p*-значения; н.з. — сравнение не значимо, * — сравнение значимо на уровне 0.05, ** — сравнение значимо на уровне 0.01, *** — сравнение значимо на уровне 0.001)

	‘тоже’	‘опять’	‘знать/узнать’	‘забыть’
‘тоже’	—	—	—	—
‘опять’	1 (н.з.)	—	—	—
‘знать/узнать’	1 (н.з.)	1 (н.з.)	—	—
‘забыть’	1 (н.з.)	1 (н.з.)	1 (н.з.)	—
‘закончить’	0.00858 (**)	0.00694 (**)	0.00521 (**)	0.000219 (***)

Таблица 4. Результаты попарных множественных сравнений триггеров для условных контекстов (приведены *p*-значения; н.з. — сравнение не значимо, . — сравнение квазизначимо на уровне 0.1, * — сравнение значимо на уровне 0.05)

	‘тоже’	‘опять’	‘знать/узнать’	‘забыть’
‘тоже’	—	—	—	—
‘опять’	1 (н.з.)	—	—	—
‘знать/узнать’	0.0265 (*)	0.0793 (.)	—	—
‘забыть’	1 (н.з.)	1 (н.з.)	0.279 (н.з.)	—
‘закончить’	0.542 (н.з.)	1 (н.з.)	0.542 (н.з.)	1 (н.з.)

На основании результатов, представленных в таблицах 2—4, можно сделать следующие выводы. С одной стороны, мы видим, что наблюдается вариативность проекции пресуппозиций в зависимости от контекста. Этот факт согласуется с данными [Tonhauser et al. 2018]. С другой стороны, вариативность не столь хорошо прослеживается, как в работе [Tonhauser et al. 2018]. В этом отношении вторая гипотеза, выдвинутая в разделе 2.1, только частично подтверждается.

Далее, если рассматривать внутригрупповые различия между триггерами, то они проявляются только между мягкими, но не между жесткими триггерами. Это согласуется с данными [Xue and Onea 2012].

Наконец, сравнение контекстов по каждому из триггеров представлено в таблице 5.

Таблица 5. Результаты попарных множественных сравнений контекстов для триггеров (приведены *p*-значения; н.з. — сравнение не значимо, . — сравнение квази-значимо, * — сравнение значимо на уровне 0.05, ** — сравнение значимо на уровне 0.001, *** — сравнение значимо на уровне 0.0001)

	‘опять’	‘тоже’	‘забыть’	‘знать/узнать’	‘закончить/заканчивать’
утверждение vs. отрицание	0.161 (н.з.)	1 (н.з.)	0.0178 (*)	0.0681 (.)	0.00000774 (***)
утверждение vs. условие	0.161 (н.з.)	1 (н.з.)	0.305 (н.з.)	0.000345 (***)	0.129 (н.з.)
отрицание vs. условие	1 (н.з.)	1 (н.з.)	0.287 (н.з.)	0.0681 (.)	0.00288 (**)

Как мы видим из таблицы 5, различий между контекстами больше для мягких триггеров, чем для жестких. Этот факт сам по себе примечателен и отчасти согласуется с предыдущим.

2.5. Обсуждение результатов

Результаты эксперимента лишь отчасти подтверждают деление триггеров на жесткие и мягкие, предложенное в работе [Abusch 2002]. Из тех контекстов, которые мы рассматриваем, это деление особенно ярко проявляется в контекстах условия (и эти результаты согласуются с данными работы [Xue and Onea 2012], в которых также тестируется именно этот контекст). Надо сказать, что контекст условия сложен тем, что он допускает аккомодацию пресуппозиции как в глобальном, так и в локальном контексте (см. [Heim 1983]). В качестве примера рассмотрим предложение (15а).

(15а) *Если Маша узнает, что ее любимый актер женился, она не будет больше смотреть его фильмы.*

Аккомодация пресуппозиции ‘Машин любимый актер женился’ в глобальном контексте и в локальном контексте представлена в (15б) и (15в) соответственно.

(15б) *Машин любимый актер женился. Если Маша узнает об этом, она не будет больше смотреть его фильмы.*

(15в) *Если Машин любимый актер женился и если Маша узнает об этом, она не будет больше смотреть его фильмы.*

Как отмечается в работе [Heim 1983], аккомодация пресуппозиции в глобальном контексте предпочтительна, однако аккомодация в локальном контексте также возможна. Кроме того, как отмечается в [Abusch 2010], мягкие триггеры (например, ментальные фактивные глаголы — со значениями ‘знать’, ‘узнать’) в большей степени допускают локальную аккомодацию, чем жесткие триггеры, такие как триггер со значением ‘тоже’, ср. предложение (16а).

(16а) *Если Катя тоже прочитает «Войну и мир», Маше будет интересно обсуждать с ней это произведение.*

Аккомодация пресуппозиции ‘Маша прочитала «Войну и мир»’ в глобальном и локальном контексте выглядит как (16б) и (16в) соответственно.

(16б) *Маша прочитала «Войну и мир». Если Катя тоже прочитает, Маше будет интересно обсуждать с ней это произведение.*

(16в) *Если Маша прочитала «Войну и мир» и если Катя тоже прочитает, Маше будет интересно обсуждать с ней это произведение.*

Различие между мягкими и жесткими триггерами, согласно [Abrusán 2016], объясняется еще и тем, что жесткие триггеры, в отличие от мягких, являются анафорическими: жесткий триггер со значением ‘опять’ отсылает к ситуации p , которая уже имела место в прошлом, в то время как жесткий триггер со значением ‘тоже’ отсылает к другим членам некоторого множества Y , которому принадлежит и элемент u , о котором идет речь. Ничего подобного с мягкими триггерами не происходит: большая часть таких глаголов — это фактивные глаголы (например, со значениями ‘забыть’, ‘узнать’), которые не имеют анафорической семантики; то же касается фазовых предикатов (например, со значением ‘закончить/заканчивать’).

Наконец, в [Tonhauser et al. 2018] приводится другая причина различий между высказываниями с триггерами, а именно Принцип градуальной проективности (Gradient Projection Principle), который мы обсуждали в разделе 1. Этот принцип позволяет увидеть не только различия между жесткими и мягкими триггерами, но и межгрупповые и внутригрупповые различия между отдельными триггерами. В нашем эксперименте также видны межгрупповые различия. Вместе с тем в нашем эксперименте можно проследить и внутригрупповую вариативность. Отметим, что, согласно таблицам 2—4, внутригрупповая вариативность прослеживается только в отношении мягких триггеров, но не в отношении жестких триггеров. Похожее наблюдение было сделано в работе [Xue and Onea 2012], однако не прокомментировано. На наш взгляд, этот факт заслуживает внимания, поскольку он говорит о том, что жесткие триггеры проявляют большую однородность, чем мягкие триггеры. Связано ли это как-то с наличием общего признака (анафоричности) у жестких триггеров, остается неясным.

Обратимся теперь к трем нестандартным случаям, результаты которых даже визуально выделяются на фоне остальных результатов (см. рис. 3—5). Во-первых, это поведение предиката ‘закончить/заканчивать’ в контекстах отрицания. В отличие от других гистограмм, в этой гистограмме мы видим, что доля ответов «5» на пятибалльной шкале превышает долю ответов «1». С чем это может быть связано? Согласно [Серебренников 1958: 181—185; Андреев 1961: 105], в чувашском языке у причастия прошед-

шего времени возможны различные интерпретации: хабитуальная, перфективная и актуально-длительная (имперфективная). Это означает, что вопросы в примерах с предикатом ‘закончить/заканчивать’ (с исходными предложениями: ‘Петя не закончил вязать шарф для собаки’ и ‘Даша не закончила заполнять эту анкету’) могли быть интерпретированы не как имперфективные (т. е. ‘Возможно ли такое, что Петя не вязал шарф для своей собаки?’ и ‘Возможно ли такое, что Даша не заполняла эту анкету?’), а как перфективные (т. е. ‘Возможно ли такое, что Петя не связал шарф для своей собаки’ и ‘Возможно ли такое, что Даша не заполнила эту анкету?’ соответственно). Если испытуемыми были выбраны вторые, перфективные варианты, тогда, учитывая исходные предложения, вполне уместен ответ «5» («Да, такое возможно»). Это означало, что пресуппозиции в первых клаузах вопросительных предложений не менялись.

Во-вторых, это поведение предиката ‘забыть’ в контекстах утверждения. Мы не исключаем, что два стимульных предложения с интерпретациями ‘Вася забыл, что сегодня утром гулял с собакой’ и ‘Аня забыла, что купила подарки к Новому году’ на самом деле могли интерпретироваться как ‘Вася забыл сегодня утром погулять с собакой’ (буквально ‘Вася забыл о гулянии с собакой’) и ‘Аня забыла купить подарки к Новому году’ (буквально ‘Аня забыла о покупке подарков к Новому году’). Если хотя бы некоторые испытуемые интерпретировали эти стимульные предложения именно таким образом, становится понятным, почему довольно большая доля ответов приходится на значение «5» (т. е. «да»), ср. соответствующие вопросы: *Возможно ли такое, что Вася сегодня утром не гулял с собакой?* и *Возможно ли такое, что Аня не купила подарки к Новому году?*

Вместе с тем по результатам нашего эксперимента деление триггеров на жесткие и мягкие в чувашском языке квазизначимо, поскольку p -значение находится в интервале от 0.05 до 0.1. Если мы посмотрим на средние значения триггеров, то они оказываются очень близко расположены относительно друг друга: 2.6 для ‘забыть’, 2.5 для ‘закончить/заканчивать’, 2.4 для ‘знать/узнать’; 2.2 для ‘опять’, 2.3 для ‘тоже’. В этом смысле они почти однородны. На однородность триггеров пресуппозиций указывалось в таких работах, как [Abrusán 2016] и [Tonhauser et al. 2018]. Триггеры однородны в том смысле, что все они вызывают пресуппозиции (ср. “fundamentally the same type”, [Abrusán 2016: 168]). Эта, казалось бы, довольно тривиальная мысль утратила свою тривиальность и, наоборот, стала актуальной в связи с обсуждаемым в литературе делением на жесткие и мягкие триггеры. Возникает вопрос: если считать, что в других языках, обсуждаемых в литературе, триггеры тоже в каком-то смысле однородны, но при этом различия проявляются более ярко, тогда как мы можем объяснить меньшую степень вариативности между триггерами в чувашском языке?

Одна из возможных причин заключается в том, что клауза, в которой содержалась отмена пресуппозиции, предшествует главной клаузе. Это означает, что испытуемые сначала читали клаузу с отменой пресуппозиции, а потом читали модальный вопрос. Как кажется, восприятие клауз именно в такой последовательности могло повлиять на выбор более категоричного ответа для мягких триггеров, которые таким образом «приблизились» к жестким триггерам.

Категоричность ответа могла усилиться еще и тем, что неясен синтаксический статус первой клаузы: какая она — подчиненная или независимая? Сначала поясним наши сомнения относительно синтаксического статуса первой клаузы, а затем вернемся к вопросу о том, почему синтаксический статус мог повлиять на категоричность ответа.

Дело в том, что первая клауза, строго говоря, не имеет маркеров подчиненности. Во-первых, очевидно, что в этой клаузе отсутствует подчинительный союз. Во-вторых, что менее очевидно, вершина настоящего (т. е. прототипического) сентенциального актанта помимо причастного показателя оформляется посессивным показателем и падежом в соответствии с моделью управления матричного предиката (см. подробнее [Иванова 2011], а также примеры с предикатом ‘забыть’ в утвердительных контекстах, которые приведены в Приложении). При этом причастиями в чувашском языке могут оформляться не только сентенциальные актанты, то есть разновидность подчиненных клауз, но и независимые клаузы, см. подробнее [Серебренников 1958: 181; Андреев 1961: 104]. Когда независимые клаузы оформляются причастиями, в них нет посессивного показателя и падежа, в отличие от обсуждаемых выше настоящих сентенциальных актантов. Если рассмотреть модальные вопросы в стимульных предложениях, приведенных в Приложении, можно заметить, что они оформлены или как причастные клаузы (без посессивного показателя и падежа), или без причастия. Поэтому остается два возможных варианта анализа: или это подчиненная клауза (и в таком случае мы признаем бессоюзную связь между главной и подчиненной клаузами), или это независимая клауза. Какой вариант лучше? С одной стороны, наш исследовательский выбор между подчиненной и независимой клаузой затрудняется тем, что неясно, есть ли у матричного модального предиката обязательная валентность, которую заполнял бы сентенциальный актант. С другой стороны, возможно, даже многоэтапность проверки предложений на естественность (см. раздел 2.2)

могла не удалить эффект перевода окончательно: сама идея оформления вопросительного предложения как сложноподчиненного могла переключаться из русского в чувашский язык.

Почему синтаксический статус первой клаузы вопросительного предложения мог повлиять на категоричность ответа? Как кажется, отмена пресуппозиции в синтаксически независимой утвердительной клаузе должна быть более явной, чем отмена пресуппозиции в синтаксически подчиненной клаузе. Это связано с тем, что если аккомодация пресуппозиции в глобальном контексте более предпочтительна, чем в локальном контексте, то ожидается, что отмена пресуппозиции в глобальном контексте менее предпочтительна, чем в локальном контексте.

3. Заключение

Результаты проведенного исследования лишь отчасти подтверждают деление триггеров пресуппозиций на жесткие и мягкие, выдвинутое в [Abusch 2002]. При этом, с одной стороны, вариативность между мягкими триггерами больше, чем вариативность между жесткими триггерами, что согласуется с данными [Xue and Onea 2012]. Но, с другой стороны, количество более дробных межгрупповых и внутргрупповых различий между отдельными триггерами незначительно, в отличие от [Tonhauser et al. 2018]. Возможные причины отсутствия различий между отдельными триггерами мы видим в порядке клауз в вопросительных предложениях: клаузы с отмененными пресуппозициями линейно предшествуют вопросительным клаузам. Кроме того, неясен их синтаксический статус: являются ли они подчиненными или независимыми. Возможно, линейный порядок клауз и синтаксический статус первой клаузы способствовали большему количеству ответов «нет» для мягких триггеров, которые таким образом «приблизилась» к жестким триггерам.

Приложение

Ссылка на эксперимент

https://docs.google.com/forms/d/1t-9ANozHQWnoJwm1B31zNmkaOcVW5pADJ2lkaLwAuAQ/edit?urp=gmail_link

Список стимульных материалов

‘опять’ + утверждение

Ача-сем Христос сурал-нӑ кун-ра каллех пельмень ту-нӑ.
ребенок-PL Христос родиться-PC_PST день-LOC опять пельмень делать-PC_PST
‘На Рождество дети опять сделали пельмени’.

Ача-сем ни-хӑсан=та кунччен пельмень ту-ма-н, сакӑ пул-ай-ать=и?
ребенок-PL ни-когда=EMPH1 до.этого пельмень делать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
‘Возможно ли такое, что дети никогда раньше не делали пельмени?’

Анне атте-не сурал-нӑ кун яч-ӗ-не каллех кӗпе ил-се па-ч-ӗ.
мать отец-OBJ родиться-PC_PST день имя-P_3-INS опять рубашка брать-CV_SIM давать-PST-3SG
‘Мама опять подарила папе рубашку на день рождения’.

Анне ни-хӑсан=та кунччен атте-не кӗпе парнеле-ме-н, сакӑ пул-ай-ать=и?
мать ни-когда=EMPH1 до.этого отец-OBJ рубашка дарить-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
‘Возможно ли такое, что мама никогда раньше не дарила папе рубашку?’

Ваçук каллех ишул-а вылямалли эрешмен ил-се кил-нӗ (кил-ч-ӗ).
Вася опять школа-OBJ игрушечный паук брать-CV_SIM прийти-PC_PST прийти-PST-3SG
‘Вася опять принес в школу игрушечного паука’.

Ваçук ни-хӑсан=та ишул-а вылямалли эрешмен ил-се
Вася ни-когда=EMPH1 школа-OBJ игрушечный паук брать-CV_SIM
кил-ме-н, сакӑ пул-ай-ать=и?
приходить-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
‘Возможно ли такое, что Вася никогда не приносил в школу игрушечного паука?’

‘опять’ + отрицание

Аня каллех хай юратнй юрйс-ан концерт-н-е кай-ма-н.
 Аня опять сам.Р_3 любимый певец-GEN концерт-Р_3-OBJ идти-NEG-PC_PST
 ‘Аня опять не пошла на концерт своего любимого певца’.

Аня кунччен юратнй юрйс концерт-н-е сиктер-ме-н, сакй пул-ай-ать=и?
 Аня до.этого любимый певец концерт-Р_3-OBJ пропускать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Аня никогда раньше не пропускала концерты любимого певца?’

Вася каллех вайхит-ра тёл пулав-а кил-ме-н (кил-ме-р-ё)
 Вася опять время-LOC встреча-OBJ приходит-NEG-PC_PST приходит-NEG-PST-3SG
 ‘Вася опять не пришел на встречу вовремя’.

Вася кунччен ялан-ах тёл пулав-а вайхит-ра килнё, сакй пул-ай-ать=и?
 Вася до.этого всегда-EMPH2 встреча-OBJ время-LOC прийти-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Вася до этого всегда приходил на встречу вовремя?’

Петя каллех хай-не пёрле Санкт-Петербург-а зонтик ил-ме-н.
 Петя опять сам-INS вместе Санкт-Петербург-OBJ зонтик брать-NEG-PC_PST
 ‘Петя опять не взял с собой в Петербург зонтик’.

Петя кунччен ялан-ах хай-не пёрле Санкт-Петербург-а зонтик ил-нё,
 Петя до.этого всегда-EMPH2 сам-INS вместе Санкт-Петербург-OBJ зонтик брать-PC_PST
сакй пул-ай-ать=и?
 этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Петя раньше всегда брал с собой в Санкт-Петербург зонтик?’

‘опять’ + условие

Енчен=те Соня каллех ман-а валли хура чей вырйн-н-е симёс чей
 если=EMPH1 Соня опять я-OBJ для черный чай место-Р_3-OBJ зеленый чай
ту-сан, эфир хирёс-се кай-й-пёр.
 делать-CV_ANT мы ругаться-CV_SIM идти-FUT-1PL
 ‘Если Соня опять сделает мне зеленый чай вместо черного, мы поссоримся’.

Соня ни-хйсан=та ман-а валли симёс чей ту-ма-н, сакй пул-ай-ать=и?
 Соня ни-когда=EMPH1 я-OBJ для зеленый чай делать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Соня никогда не делала мне зеленый чай?’

Енчен=те Вася футбол-ра каллех сёнтер-сен, ан-а пётёмёшле
 если=EMPH1 Вася футбол-LOC опять побеждать-CV_ANT он-OBJ общий
ушкйн-а ил-ё-с (ил-еççё).
 группа-OBJ брать-FUT-3PL брать-NPST.3SG
 ‘Если Вася опять выиграет в футбол, его возьмут в общую группу’.

Вася ни-хйсан=та футбол-ра сёнтер-ме-н, сакй пул-ай-ать=и?
 Вася ни-когда=EMPH1 футбол-LOC побеждать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Вася никогда не выигрывал в футболе?’

Енчен=те Мишук каллех савй-сем сыр-сан, вай вёсен-е Мишук-а
 если=EMPH1 Миша опять стих-PL писать-CV_ANT он они-OBJ Маша-OBJ
вула-са пар-ё (пар-ать).
 читать-CV_SIM давать-FUT.3SG давать-NPST.3SG
 ‘Если Миша опять напишет стихи, он прочитает их Маше’.

Мишук ни-хйсан=та савй сыр-ма-н, сакй пул-ай-ать=и?
 Миша ни-когда=EMPH1 стих писать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Миша никогда не писал стихов?’

‘тоже’ + утверждение

Вася=та гитара ил-нѣ (ил-ч-ѣ).
 Вася=и гитара брать-PC_PST брать-PST-3SG
 ‘Вася тоже купил гитару’.

Вася кѣна гитара туян-нѣ, сакѣ пул-ай-ать=и?
 Вася только гитара покупать-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что только Вася купил гитару?’

Лиза=та икул-а кѣнтѣр апачѣ пѣрле ил-нѣ.
 Лиза=и школа-OBJ полдень еда.P_3 вместе брать-PC_PST
 ‘Лиза тоже взяла в школу обед’.

Лиза-сѣр пуѣне икул-а ни-кам=та апат ил-се кил-ме-н,
 Лиза-SAR кроме школа-OBJ ни-кто=EMPH1 еда брать-CV_SIM приходить-NEG-PC_PST
сакѣ пул-ай-ать=и?
 этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что кроме Лизы никто не взял в школу еду?’

Коля=та килти ѣс-е пѣрле вѣренекен-рен сыр-са ил-нѣ.
 Коля=и домашний работа-OBJ вместе учащийся-AVL писать-CV_SIM брать-PC_PST
 ‘Коля тоже списал у одноклассника домашнее задание’.

Коля кѣна пѣрле вѣренекен юлташ-ѣн-чен килти ѣс-е сыр-са
 Коля только вместе учащийся друг-P_3-AVL домашний работа-OBJ писать-CV_SIM
ил-нѣ, сакѣ пул-ай-ать=и?
 брать-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что только Коля списал у одноклассника домашнее задание?’

‘тоже’ + отрицание

Соня=та икул-т-и юлашки каѣ валли кѣне ил-ме-н.
 Соня=и школа-LOC-P_3 последний вечер для платье брать-NEG-PC_PST
 ‘Соня тоже не купила платье на выпускной в школе’.

Сонюк-ѣн пѣрле вѣренекен хѣр тантѣш-ѣ-сем пурте сывпулашу каѣ-ѣ
 Соня-GEN вместе учащийся девочка ровесник-P_3-PL все прощание вечер-P_3
валли кѣне ил-нѣ, сакѣ пул-ай-ать=и?
 для платье брать-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что все Сонины одноклассницы купили платье на выпускной?’

Ира=та лекций-е куѣлѣх ил-ме-н.
 Ира=и лекция-OBJ очки брать-NEG-PC_PST
 ‘Ира тоже не взяла на лекцию очки’.

Ира кѣна куѣлѣх ил-ме-н, сакѣ пул-ай-ать=и?
 Ира только очки брать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что только Ира не взяла очки?’

Миша=та каѣхи апат хыѣѣн тирѣк-чаиѣк су-ма-н.
 Миша=и вечерний еда после посуда мыть-NEG-PC_PST
 ‘Миша тоже не вымыл после ужина посуду’.

Миша кѣна савѣт-сапа су-ма-н, сакѣ пул-ай-ать=и?
 Миша только посуда мыть-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что только Миша не вымыл посуду?’

‘тоже’ + условие

Енчен=те Катя=та “Вăрçă тата туслăх-а” вула-са тух-сан,
 если=EMPH1 Катя=и война и дружба-OBJ читать-CV_SIM выходить-CV_ANT
Машук-а ун-па ку произведений-е сÿт-се яв-ма кăсăклă пул-ĕ.
 Маша-OBJ он-INS этот произведение-OBJ разматывать-CV_SIM вить-INF интересный быть-FUT.3SG
 ‘Если Катя тоже прочитает «Войну и мир», Маше будет интересно обсуждать с ней это произведение’.

Катюк-ăн юлташ-ĕсен-чен ни-хăшĕ=те “Вăрçă тата туслăх-а”
 Катя-GEN друг-P_3-PL-AVL ни-который=EMPH1 война и дружба-OBJ
вула-ма-н, çакă пул-ай-ать=и?
 читать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что никто из Катиных друзей не читал «Войну и мир»?’

Енчен=те Саша=та торт ил-сен, кил-те пылак ытлашии нумай пул-ĕ.
 если=EMPH1 Саша=и торт брат-CV_ANT дом-LOC сладкое слишком много быть-FUT.3SG
 ‘Если Саша тоже купит торт, дома будет слишком много сладкого’.

Сашă-н çемй-ин-чен ни-кам=та торт ил-ме-н, çакă пул-ай-ать=и?
 Саша-GEN семья-P_3-AVL ни-кто=EMPH1 торт брат-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что никто из Сашиной семьи не купил торт?’

Енчен=те Наташа=та ам-ăшн-е шарф çых-са пар-сан, вĕсем ăн-а
 если=EMPH1 Наташа=и мать-P_3-OBJ шарф вязать-CV_SIM давать-CV_ANT они он-OBJ
пĕр пек парне парнел-ĕ-ç.
 один подобно подарок дарить-FUT-3PL
 ‘Если Наташа тоже свяжет для мамы шарф, они подарят ей одинаковый подарок’.

Наташă-н палланă çынн-и-сен-чен ни-кам=та шарф çых-ма-н çакă пул-ай-ать=и?
 Наташа-GEN знакомый человек-P_3-PL-AVL ни-кто=EMPH1 шарф вязать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что никто из Наташиных знакомых не вязал шарф?’

‘забыть’ + утверждение

Вася паян ирхине йытă-на уçăл-са сÿре-н-и çинчен ман-са
 Вася сегодня утром собака-INS гулять-CV_SIM ходить-PC_PST-P_3 о забывать-CV_SIM
кай-нă (кай-р-ĕ)
 идти-PC_PST идти-PST-3SG
 ‘Вася забыл, что сегодня утром гулял с собакой’.

Вася паян ирхине йытă-на уçăл-ма тух-ма-н, çакă пул-ай-ать=и?
 Вася сегодня утром собака-INS гулять-INF выходить-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Вася сегодня утром не гулял с собакой?’

Катя ача чухне кашни кун пылак çи-н-ин-е манса кай-нă.
 Катя ребенок во.время каждый день сладкое есть-PC_PST-P_3-OBJ забывать-CV_SIM идти-PC_PST
 ‘Катя забыла, что в детстве ела сладкое каждый день’.

Катя ача чухне кашни кун пылак çи-ме-н, çакă пул-ай-ать=и?
 Катя ребенок во.время каждый день сладкое есть-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что в детстве Катя не ела сладкое каждый день?’

Аня Çĕнĕ Çул тĕлне парне-сем ил-н-ин-е ман-са кай-нă.
 Аня новый год к подарок-PL брат-PC_PST-P_3-OBJ забывать-CV_SIM идти-PC_PST
 ‘Аня забыла, что купила подарки к Новому году’.

Аня Çĕнĕ Çул тĕлне парне-сем ил-ме-н, çакă пул-ай-ать=и?
 Аня новый год к подарок-PL брат-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Аня не купила подарки к Новому году?’

‘забыть’ + отрицание

Аня хъруиш тёлёк кур-н-ин-е ман-са кай-ма-н.
 Аня страшный сон видеть-PC_PST-P_3-OBJ забывать-CV_SIM идти-NEG-PC_PST
 ‘Аня не забыла, что ей приснился страшный сон’.

Анюк-а хъруиш тёлёк кур-н-ин-е, сак-а пул-ай-ать=и?
 Аня-OBJ страшный сон видется-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Ане не снился страшный сон?’

Мишук канмалли кун-сен-че Вацук хана-на чён-н-ин-е ман-са кай-ма-н.
 Миша выходной день-PL-LOC Вася гость-OBJ звать-PC_PST-P_3-OBJ забывать-CV_SIM идти-NEG-PC_PST
 ‘Миша не забыл, что Вася пригласил его в гости на выходных’.

Вацук Мишук-а канмалли кун-сен-че хана-на чён-ме-н, сак-а пул-ай-ать=и?
 Вася Миша-OBJ выходной день-PL-LOC гость-OBJ звать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Вася не приглашал Мишу в гости на выходных?’

Петя театр-а ытлашии билет ил-н-ин-е ман-са кай-ма-н.
 Петя театр-OBJ лишний билет брать-PC_PST-P_3-OBJ забывать-CV_SIM идти-NEG-PC_PST
 ‘Петя не забыл, что он купил лишний билет в театр’.

Петя театр-а ытлашии билет ил-ме-н, сак-а пул-ай-ать=и?
 Петя театр-OBJ лишний билет брать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Петя не покупал лишний билет в театр?’

‘забыть’ + условие

Енчен=те Соня шёлл-ё ун-ён пирожайн-н-е си-се я-н-ин-е ман-са
 если=EMPH1 Соня брат-P_3 он-GEN пирожное-P_3-OBJ есть-CV_SIM пускать-PC_PST-P_3-OBJ забывать-CV_SIM
кай-сан, вёл ён-а кино-на хай-не пёрле ил-ё (ил-ем)¹⁷.
 идти-CV_ANT он он-OBJ кино-OBJ сам-P_3-INS вместе брать-FUT.3SG брать-NPST[3SG]
 ‘Если Соня забудет, что брат съел ее пирожное, она возьмет его с собой в кино’.

Шёлл-ё Сонюк-ён пирожайн-н-е си-ме-н, сак-а пул-ай-ать=и?
 брат-P_3 Соня-GEN пирожное-P_3-OBJ есть-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Сонин брат не ел ее пирожное?’

Енчен=те Миша кёнеке кам-а кивсен па-н-ин-е ман-са кай-сан,
 если=EMPH1 Миша книга кто-OBJ займы давать-PC_PST-P_3-OBJ забывать-CV_SIM идти-CV_ANT
вёл хай-ё-н пёрле вёренекен юташ-ё-сем патне шайнкяр-авл-ё (шайнкяр-авл-ать).
 он сам-P_3-GEN вместе учащийся друг-P_3-PL к звонить-FUT.3SG звонить-NPST.3SG
 ‘Если Миша забудет, кому он одолжил книгу, он позвонит своим одноклассникам’.

Миша хай-ё-н кёнек-ин-е ни-кам-а=та кивсен па-ма-н, сак-а пул-ай-ать=и?
 Миша сам-P_3-GEN книга-P_3-OBJ ни-кто-OBJ=EMPH1 займы давать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Миша никому не одалживал свою книгу?’

Енчен=те Петя майшар урок-сен-е шямат куна кусар-н-ин-е
 если=EMPH1 Петя пара урок-PL-OBJ суббота день перемещать-PC_PST-P_3-OBJ
ман-са кай-сан, вёсен-е вёл сиктер-ет.
 забывать-CV_SIM идти-CV_ANT они-OBJ он пропускать-NPST.3SG
 ‘Если Петя забудет, что пары перенесли на субботу, он их пропустит’.

Майшар урок-сен-е шямат кун-а кусар-ма-н, сак-а пул-ай-ать=и?
 пара урок-PL-OBJ суббота день-OBJ перемещать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что пары не переносили на субботу?’

¹⁷ Испытуемым были предложены обе глагольные формы. Предварительно они были оценены консультантами как корректные.

‘знать/узнать’ + утверждение

Маша хай-ё-н пичч-ёшĕ вăрттан авлан-н-ин-е пĕл-нĕ (пĕл-ч-ё).
 Маша сам-Р_3-GEN брат-Р_3 тайно жениться-PC_PST-Р_3-OBJ знать-PC_PST знать-PST-3SG
 ‘Маша узнала, что ее брат тайно женился’.

Машă-н пичч-ёшĕ авлан-ма-н, çакă пул-ай-ать=и?
 Маша-GEN брат-Р_3 жениться-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Машин брат не женился?’

Миша Катя симĕс чей юрат-ма-нн-ин-е пĕл-ч-ё.
 Миша Катя зеленый чай любить-NEG-PC_PST-Р_3-OBJ знать-PST-3SG
 ‘Миша узнал, что Катя не любит зеленый чай’.

Катя симĕс чей юрат-ать, çакă пул-ай-ать=и?
 Катя зеленый чай любить-NPST.3SG этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Катя любит зеленый чай?’

Вася хай-ё-н юратнă фильм-н-е Шупашикар-та ўкер-н-и çинчен
 Вася сам-Р_3-GEN любимый фильм-Р_3-OBJ Чебоксары-LOC снимать-PC_PST-Р_3 о
пĕл-нĕ (пĕл-ч-ё).
 знать-PC_PST знать-PST-3SG
 ‘Вася узнал, что его любимый фильм снят в Чебоксарах’.

Васук-ăн юратнă фильм-н-е Шупашикар-та ўкер-ме-н, çакă пул-ай-ать=и?
 Вася-GEN любимый фильм-Р_3-OBJ Чебоксары-LOC снимать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Васин любимый фильм не снимали в Чебоксарах?’

‘знать/узнать’ + отрицание

Миша Катя симĕс чей юрат-н-ин-е пĕл-ме-н.
 Миша Катя зеленый чай любить-PC_PST-Р_3-OBJ знать-NEG-PC_PST
 ‘Миша не знал, что Катя любит зеленый чай’.

Катя симĕс чей юрат-масть, çакă пул-ай-ать=и?
 Катя зеленый чай любить-NEG.NPST.3SG этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Катя не любит зеленый чай?’

Вася хай-ё-н юратнă фильм-н-е Шупашикар-та ўкер-н-и çинчен пĕл-ме-н.
 Вася сам-Р_3-GEN любимый фильм-Р_3-OBJ Чебоксары-LOC снимать-PC_PST-Р_3 о знать-NEG-PC_PST
 ‘Вася не знал, что его любимый фильм снят в Чебоксарах’.

Васук-ăн юратнă фильм-н-е Шупашикар-та ўкер-ме-н, çакă пул-ай-ать=и?
 Вася-GEN любимый фильм-Р_3-OBJ Чебоксары-LOC снимать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Васин любимый фильм не снимали в Чебоксарах?’

Маша хай-ё-н пиччĕ-шĕ вăрттан авлан-н-ин-е пĕл-ме-н.
 Маша сам-Р_3-GEN брат-Р_3 тайно жениться-PC_PST-Р_3-OBJ знать-NEG-PC_PST
 ‘Маша не знала, что ее брат тайно женился’.

Машă-н пиччĕ-шĕ авлан-ма-н, çакă пул-ай-ать=и?
 Маша-GEN брат-Р_3 жениться-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Машин брат не женился?’

‘знать/узнать’ + условие

Енчен=те Маша хай-ё-н юратнă актер-ё авлан-н-ин-е
 если=EMPH1 Маша сам-Р_3-GEN любимый актер-Р_3 жениться-PC_PST-Р_3-OBJ
пĕл-сен, вăл урăх ун-ăн фильм-ё-сен-е пăх-м-ё.
 знать-CV_ANT он больше он-GEN фильм-Р_3-PL-OBJ смотреть-NEG-FUT.3SG
 ‘Если Маша узнает, что ее любимый актер женился, она не будет больше смотреть его фильмы’.

Машай-н юратнй актер-ё авлан-ма-н, çакй пул-ай-ать=и?
 Маша-GEN любимый актер-Р_3 жениться-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Машин любимый актер не женился?’

Енчен=те Вася Твер-е билет-сем хаклй марр-и-не пёлсен,
 если=EMPH1 Вася Тверь-OBJ билет-PL дорогой NEG_ASCR-Р_3-OBJ знать-CV_ANT
вйл ун-та пёр тйхта-са тй-ма-сйр кай-ё.
 он он-LOC один ждать-CV_SIM стоять-INF-CAR идти-FUT.3SG
 ‘Если Вася узнает, что билеты в Тверь дорогие, он сразу же туда поедет’.

Твер-е билет-сем хаклй, çакй пул-ай-ать=и?
 Тверь-OBJ билеты-PL дорогой этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что билеты в Тверь дорогие?’

Енчен=те Катя ыран заняти-сем пул-ма-нн-ин-е пёл-сен, вйл хйна-на кай-ать.
 если=EMPH1 Катя завтра занятие-PL быть-NEG-PC_PST-Р_3-OBJ знать-CV_ANT он гость-OBJ идти-NPST.3SG
 ‘Если Катя узнает, что завтра не будет занятий, она пойдет в гости’.

Ыран заняти-сем пул-аççё, çакй пул-ай-ать=и?
 завтра занятие-PL быть-NPST.3PL этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что завтра будут занятия?’

‘ закончить/заканчивать ’ + утверждение

Маша Аня çуç-н-е сйрла-са пётер-ч-ё.
 Маша Аня волосы-Р_3-OBJ красить-CV_SIM закончить-PST-3SG
 ‘Маша закончила красить Ане волосы’.

Маша Аня-ан çуç-н-е сйрла-ма-н, çакй пул-ай-ать=и?
 Маша Аня-GEN волосы-Р_3-OBJ красить-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Маша не красила Ане волосы?’

Вася кёл чечек-сен-е шйвар-са пётер-ч-ё.
 Вася роза цветок-PL-OBJ поливать-CV_SIM закончить-PST-3SG
 ‘Вася закончил поливать розы’.

Вася роза-сен-е шйвар-ма-н, çакй пул-ай-ать=и?
 Вася роза-PL-OBJ поливать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Вася не поливал розы?’

Ира “Вилнё чун-сем” кёнке вула-са пётер-ч-ё.
 Ира мертвый душа-PL книга читать-CV_SIM закончить-PST-3SG
 ‘Ира закончила читать книгу «Мертвые души»’.

Ира “Вилнё чун-сен-е” вула-ма-н, çакй пул-ай-ать=и?
 Ира мертвый душа-PL-OBJ читать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Ира не читала «Мертвые души»?’

‘ закончить/заканчивать ’ + отрицание

Аня гитарй-на ёнер-се пётер-ей-ме-р-ё.
 Аня гитара-OBJ настраивать-CV_SIM закончить-POT-NEG-PST-3SG
 ‘Аня не закончила настраивать гитару’.

Аня гитарй-на тёрлет-ме-н, çакй пул-ай-ать=и?
 Аня гитара-OBJ исправлять-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Аня не настраивала гитару?’¹⁸

¹⁸ Согласно результатам исследования, в этом примере возможна вторая интерпретация: ‘Возможно ли такое, что Аня не настроила гитару?’.

Петя йытт-и валли шарф сых-са пётер-ей-ме-р-ё.
 Петя собака-Р_3 для шарф вязать-CV_SIM закончить-POT-NEG-PST-3SG
 ‘Петя не закончил вязать шарф для собаки’.

Петя хай-ё-н йытт-и валли шарф сых-ма-н сакă пул-ай-ать=и?
 Петя сам-Р_3-GEN собака-Р_3 для шарф вязать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Петя не вязал для своей собаки шарф?’¹⁹

Даша ку анкетă-на тултар-са пётер-ей-ме-р-ё.
 Даша этот анкета-OBJ заполнять-CV_SIM закончить-POT-NEG-PST-3SG
 ‘Даша не закончила заполнять эту анкету’.

Даша ку анкетă-на тултар-ма-н, сакă пул-ай-ать=и?
 Даша этот анкета-OBJ заполнять-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Даша не заполняла эту анкету?’²⁰

‘закончить/заканчивать’ + условие

Юля обой суйла-са пётер-сен, вăл кил-ён-че ремонт тăв-ай-ать.
 Юля обои выбирать-CV_SIM закончить-CV_ANT он дом-Р_3-LOC ремонт делать-POT-NPST.3SG
 ‘Если Юля закончит выбирать обои, она сделает в доме ремонт’.

Юля обой-сем суйла-ма-н, сакă пул-ай-ать=и?
 Юля обои-PL выбирать-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Юля не выбирала обои?’

Петя килти ёç ту-са пётер-сен, вăл футбол-ла выля-ма кай-ать.
 Петя домашний работа делать-CV_SIM закончить-CV_ANT он футбол-ADV играть-INF идти-NPST.3SG
 ‘Если Петя закончит делать домашнюю работу, он пойдет играть в футбол’.

Петя килти ёç-е пурнăçла-ма-н, сакă пул-ай-ать=и?
 Петя домашний работа-OBJ выполнять-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Петя не выполнял домашнюю работу?’

Лиза печени пёсер-се пётер-сен, сётел хатёрл-ет (анат хатёрл-ет).
 Лиза печеньё печь-CV_SIM закончить-CV_ANT стол готовить-NPST.3SG еда готовить-NPST.3SG
 ‘Если Лиза закончит печь печеньё, она накроет на стол’.

Лиза печени пёсер-ме-н, сакă пул-ай-ать=и?
 Лиза печеньё печь-NEG-PC_PST этот быть-POT-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что Лиза не пекла печеньё?’

Список филлеров (отвлекающих материалов)

Вася чўрече-рен пăх-нă=та сұмър су-ма пуçла-нă.
 Вася окно-AVL смотреть-PC_PST=и дождь идти.об.осадках-INF начинать-PC_PST
 ‘Когда Вася посмотрел в окно, пошел дождь’.

Малтан сұмър су-ма пуçла-нă кайран Вася чўрече-рен
 раньше дождь идти.об.осадках-INF начинать-PC_PST потом Вася окно-AVL
пăх-нă, сав-ăн нек пул-ма пул-тар-ать=и?
 смотреть-PC_PST тот-GEN подобно быть-INF быть-CAUS-NPST.3SG=Q
 ‘Может ли быть такое, что сначала пошел дождь, затем Вася посмотрел в окно?’

¹⁹ Согласно результатам исследования, в этом примере возможна вторая интерпретация: ‘Возможно ли такое, что Петя не связал для своей собаки шарф?’.

²⁰ Согласно результатам исследования, в этом примере возможна вторая интерпретация: ‘Возможно ли такое, что Даша не заполнила эту анкету?’.

Васили-не бухгалтер ёс-ё килёш-ме пйрах-сан,
 Василий-OBJ бухгалтер работа-P_3 нравиться-INF бросать-CV_ANT
вйл ёс-рен тух-са кай-са фотограф пул-нй.
 он работа-AVL выходить-CV_SIM идти-CV_SIM фотограф быть-PC_PST
 ‘Когда Василий разочаровался в работе бухгалтера, он уволился и стал фотографом’.

Василий малтан фотограф пул-нй, кайран бухгалтер
 Василий раньше фотограф быть-PC_PST потом бухгалтер
ёс-ё килёш-ме пйрах-нй, сав-йн пек пул-ма пул-тар-ать=и?
 работа-P_3 нравиться-INF бросать-PC_PST тот-GEN подобно быть-INF быть-CAUS-NPST.3SG=Q
 ‘Может ли быть такое, что Василий сначала стал фотографом, а позже разочаровался в работе бухгалтера?’

Коля дневник сухат-сан, вйл школ-а кай-ма-н.
 Коля дневник терять-CV_ANT он школа-OBJ идти-NEG-PC_PST
 ‘Когда Коля потерял дневник, он не пошел в школу’.

Малтан Коля школ-а кай-ма-н, кайран дневник-н-е
 Раньше Коля школа-OBJ идти-NEG-PC_PST потом дневник-P_3-OBJ
сухат-нй, сав-йн пек пул-ма пул-тар-ать=и?
 терять-PC_PST тот-GEN подобно быть-INF быть-CAUS- NPST.3SG=Q
 ‘Может ли быть такое, что Коля сначала не пошёл в школу, а потом потерял дневник?’

Вася Мускав-а сит-сен, ёлёкхи юлташ-н-е шйнкйравла-нй.
 Вася Москва-OBJ достигать-CV_ANT старый друг-P_3-OBJ звонить-PC_PST
 ‘Когда Вася приехал в Москву, он позвонил старому другу’.

Вася Мускав-а сит-иччен ёлёкхи юлташ-н-е
 Вася Москва-OBJ достигать-CV_POST старый друг-P_3-OBJ
шйнкйравла-нй, сав-йн пек пул-ма пул-тар-ать=и?
 звонить-PC_PST тот-GEN подобно быть-INF быть-CAUS-NPST.3SG=Q
 ‘Может ли быть такое, что Вася позвонил другу раньше, чем приехал в Москву?’

Машй-н сёт ййёс-сен, вйл ун-ран пёлём пёсер-нё.
 Маша-GEN молоко киснуть-CV_ANT он он-AVL блин печь-PC_PST
 ‘Когда у Маши испортилось молоко, она испекла из него блины’.

Малтан Маша пёлём пёсер-нё, кайран ун-йн сёч-ё
 раньше Маша блин печь-PC_PST потом он-GEN молоко-P_3
ййёс-нё, сав-йн пек пул-ма пул-тар-ать=и?
 киснуть-PC_PST тот-GEN подобно быть-INF быть-CAUS-NPST.3SG=Q
 ‘Возможно ли такое, что сначала Маша испекла блины, а потом у нее испортилось молоко?’

Вася фильм-а пйх-нй хысёйн, ун-йн режиссёр пул-ас кил-нё.
 Вася фильм-OBJ смотреть-PC_PST после он-GEN режиссер быть-PC_FUT прийти-PC_PST
 ‘Когда Вася посмотрел фильм, он захотел стать режиссером’.

Васук-йн малтан режиссёр пул-ас кил-нё, кайран
 Вася-GEN раньше режиссер быть-PC_FUT прийти-PC_PST потом
фильм пйх-нй, сав-йн пек пул-ма пул-тар-ать=и?
 фильм смотреть-PC_PST тот-GEN подобно быть-INF быть-CAUS-NPST.3SG=Q
 ‘Может ли быть такое, что Вася сначала захотел стать режиссером, а потом посмотрел фильм?’

Хёвел тух-сан Игорь пулй тыт-ма кай-нй.
 солнце выходить-CV_ANT Игорь рыба ловить-INF идти-PC_PST
 ‘Когда солнце взошло, Игорь отправился на рыбалку’.

Игорь малтан пулй тыт-ма кай-нй, кайран хёвел
 Игорь раньше рыба ловить-INF идти-PC_PST потом солнце
тух-нй, сав-йн пек пул-ма пул-тар-ать=и?
 выходить-PC_PST тот-GEN подобно быть-INF быть-CAUS-NPST.3SG=Q
 ‘Может ли быть такое, что Игорь отправился на рыбалку раньше, чем взошло солнце?’

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	LOC — локатив
ABL — аблатив	NEG — отрицание
ADV — адвербиализатор	NEG_ASCR — аскриптивное отрицание
CAR — каритив	NPST — непрошедшее время
CAUS — каузатив	OBJ — объектный падеж
CV_ANT — деепричастие с anteriорным значением	P_3 — посессивность 3-го лица
CV_POST — деепричастие с posteriорным значением	PC_FUT — причастие будущего времени
CV_SIM — деепричастие со значением одновременности	PC_PST — причастие прошедшего времени
EMPH1, EMPH2 — эмфатические частицы	PL — множественное число
FUT — будущее время	POT — потенциалис
GEN — генитив	PST — прошедшее время
IMP — императив	Q — вопросительная частица
INF — инфинитив	SG — единственное число
INS — инструменталис	

Литература

- Андреев 1961 — *Андреев И. А.* Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961. {*Andreyev I. A.* Participle in the Chuvash language. Cheboksary, 1961.}
- Иванова 2011 — *Иванова А. М.* Функциональность падежных аффиксов в сложноподчиненном предложении чувашского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011, 3. С. 235—243. {*Ivanova A. M.* Functionality of case affixes in a complex sentence of the Chuvash language // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2011, 3. P. 235—243.}
- Лебедев 2004 — *Лебедев Э. Е.* Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском и турецком языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004. {*Lebedev E. Ye.* Aktionsart meanings of complex verbal analytical forms in the Chuvash and Turkish languages. Summary of a PhD thesis. Cheboksary, 2004.}
- Падучева 1977 — *Падучева Е. В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977. {*Paducheva Ye. V.* The concept of a presumption in linguistic semantics // Semiotics and informatics. Vol. 8. Moscow, 1977.}
- Падучева 2011 — *Падучева Е. В.* Презумпция // Сайт «Русская корпусная грамматика», 2011. {*Paducheva Ye. V.* Presumption // Website “Russian Corpus Grammar”, 2011.} URL: <http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BC%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F>
- Серебренников 1958 — *Серебренников Б. А.* О значениях прошедших времен в чувашском языке // Ученые записки НИИЯЛИЭ ЧАССР. Вып. XVI. Чебоксары, 1958. С. 177—188. {*Serebrennikov B. A.* About the meanings of the past tenses in the Chuvash language // Memoirs of the Research Institute of Language, Literature, History and Economics of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. Cheboksary, 1958. P. 177—188.}
- Скворцов, Скворцова 1999 — *Скворцов М. И., Скворцова А. В.* Чувашско-русский и русско-чувашский словарь. Чебоксары, 1999. {*Skvortsov M. I., Skvortsova A. V.* Chuvash-Russian and Russian-Chuvash dictionary. Cheboksary, 1999.}
- Фёдорова 2008 — *Фёдорова О. В.* Основы экспериментальной психолингвистики: принципы организации эксперимента. М., 2008. {*Fyodorova O. V.* Fundamentals of experimental psycholinguistics: Principles of the organization of an experiment. Moscow, 2008.}
- Abrusán 2016 — *Abrusán M.* Presupposition cancellation: explaining the ‘soft—hard’ trigger distinction // Natural Language Semantics. 2016, 24. P. 165—202.
- Abusch 2002 — *Abusch D.* Lexical alternatives as a source of pragmatic presuppositions // Ed. *Jackson B.* Proceedings of SALT XII. Ithaca, NY, 2002. P. 1—20.
- Abusch 2010 — *Abusch D.* Presupposition triggering from alternatives // Journal of Semantics. 2010, 27. P. 37—80.
- Amaral et al. 2012 — *Amaral P., Cummins C., Katsos N.* Experimental Evidence on the Distinction Between Foregrounded and Backgrounded Meaning // Eds. *C. Roberts, J. Tonhauser, G. Kierstead.* Proceedings of ESSLLI 2011: Workshop on Projective Content. Ljubljana, Slovenia, 2012. P. 1—7.
- Anderson et al. 2018 — *Anderson J. A. E., Mak L., Keyvani Chahi A., Bialystok E.* The language and social background questionnaire: Assessing degree of bilingualism in a diverse population // Behavior Research Methods. 2018, 50. P. 250—263.
- Baayen 2008 — *Baayen R. H.* Analyzing linguistic data: A practical introduction to statistics using R. Cambridge, 2008.
- Chierchia and McConnell-Ginet 1990 — *Chierchia G., McConnell-Ginet S.* Meaning and grammar: An introduction to semantics. Cambridge, MA, 1990.

- Christensen 2013 — *Christensen R.* “ordinal”: Regression models for ordinal data. R package. Version ordinal 2012.09-11.
- Culbertson, Gross 2009 — *Culbertson J., Gross S.* Are linguists better subjects? // *The British Journal for the Philosophy of Science.* 2009, 60 (4). P. 721—736.
- Cummins et al. 2012 — *Cummins C., Amaral P., Katsos N.* Backgrounding and Accommodation of Presuppositions: an Experimental Approach // Eds. *E. Chemla, V. Homer, G. Winterstein.* Proceedings of Sinn und Bedeutung. 2012, 17. P. 201—218.
- Frege 1892 — *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik.* 1892, 100. P. 25—50.
- Heim 1983 — *Heim I.* On the projection problem for presuppositions // Eds. *M. Barlow, D. Flickinger, M. Westcoat.* Second Annual West Coast Conference on Formal Linguistics. Stanford, 1983. P. 114—126.
- Jayez and Mongelli 2012 — *Jayez J., Mongelli V.* How Hard are Hard Triggers? // Eds. *E. Chemla, V. Homer, G. Winterstein.* Proceedings of Sinn und Bedeutung. 2012, 17. P. 307—324.
- Jayez et al. 2015 — *Jayez J., Mongelli V., Reboul A., van der Henst J.-B.* Weak and Strong Triggers // Ed. *F. Schwarz.* Experimental Perspectives on Presuppositions. Cham, 2015. P. 173—194.
- Langendoen and Savin 1971 — *Langendoen D. T., Savin H.* The projection problem for presuppositions // Eds. *C. Fillmore, D. T. Langendoen.* Studies in Linguistic Semantics. New York, 1971. P. 373—388
- Likert 1932 — *Likert R.* A technique for the measurement of attitudes // *Archives of Psychology.* 1932, 140. P. 1—55.
- Morgan 1969 — *Morgan J.* On the Treatment of Presupposition in Transformational Grammar // *Papers from the Fifth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society.* University of Chicago, 1969. P. 167—177.
- R Core Team 2012 — *RStudio: Integrated Development for R.* RStudio, Inc., Boston, MA, 2012. URL: <http://www.rstudio.com/>
- Schwarz 2014 — *Schwarz F.* Presuppositions are fast, whether hard or soft — evidence from the visual world // *Proceedings of SALT.* 2014, 24. P. 1—22.
- Simons 2001 — *Simons M.* On the Conversational Basis of some Presuppositions // Eds. *R. Hasting, B. Jackson, S. Zvolenzky.* Proceedings of SALT. 2001, 11. CLC publications, Cornell University. P. 431—448.
- Smith and Hall 2012 — *Smith E. A., Hall K.* Projection Diversity: Experimental Evidence // Eds. *C. Roberts, J. Tonhauser, G. Kierstead.* Proceedings of ESSLLI 2011: Workshop on Projective Content. Ljubljana, Slovenia, 2012. P. 156—170.
- Strawson 1950 — *Strawson P.* On referring // *Mind.* 1950, 59. P. 320—344.
- Tonhauser et al. 2013 — *Tonhauser J., Beaver D., Roberts C., and Simons M.* Toward a taxonomy of projective content // *Language.* 2013, 89. P. 66—109.
- Tonhauser et al. 2018 — *Tonhauser J., Beaver D., Degen J.* How projective is projective content? Gradiance in projectivity and at-issueness // *Journal of Semantics.* 2018, 35. P. 495—542.
- Tonhauser et al. 2019 — *Tonhauser J., de Marnaffe M.-C., Speer S., Stevens J.* On the information structure sensitivity of projective content // *Sinn und Bedeutung.* Universitat Autònoma de Barcelona. 2019, 23. P. 923—949.
- Xue and Onea 2012 — *Xue J., Onea E.* Correlation between Presupposition Projection and At-issueness: An Empirical Study // Eds. *C. Roberts, J. Tonhauser, G. Kierstead.* Proceedings of ESSLLI 2011: Workshop on Projective Content. Ljubljana, Slovenia, 2012. P. 171—184.

Глагольная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841)

Ключева Мария Аркадьевна,
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева,
Марийский государственный университет (Йошкар-Ола),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); keymachine@yandex.ru

В статье рассматривается система спряжения глагола в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (издан в Казани в 1841 г.). Среди ранних публикаций на марийском языке это один из самых объемных текстов, включающий Священную историю и Катехизис. Диалектная основа исследуемого текста — луговое наречие, при этом глагольная морфология (главным образом в формах множественного числа) значительно отличается от литературной нормы современной марийского (лугово-восточного) языка. В результате сопоставления с диалектологическими данными выявляется соответствие глагольной морфологии в памятнике системе спряжения в западных говорах лугового наречия (волжском, йошкар-олинском), которые оказались периферийными при формировании литературного лугово-восточного марийского языка в XX веке. (В основе глагольной морфологии последнего — моркинско-сернурский говор лугового наречия и говоры восточного наречия марийского языка.) При этом обнаруженные в памятнике и описанные в статье специфические глагольные формы западных говоров лугового наречия в значительной степени соответствуют системе спряжения в западных наречиях марийского языка (горном и северо-западном), в том числе литературной норме современного горномарийского языка. В целом, проведенный анализ глагольных форм (с предварительным учетом данных фонетики и лексики) позволяет определить «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841) как важнейший ранний письменный памятник волжского говора лугового наречия и ценный источник по исторической диалектологии марийского языка.

Ключевые слова: финно-угорские языки, марийский язык, волжский говор марийского языка, памятники письменности, глагольная морфология, историческая диалектология

VERB MORPHOLOGY IN THE MONUMENT OF MARI WRITING “THE BEGINNINGS OF CHRISTIAN DOCTRINE...” (1839 / 1841)

Maria A. Klyucheva,
Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev,
Mari State University (Yoshkar-Ola),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); keymachine@yandex.ru

The article deals with the verbal morphology in the monument of Mari writing “The Beginnings of Christian doctrine...” (published in Kazan in 1841). Among the earliest publications in the Mari language, this is one of the most voluminous texts, including Concise Sacred History and Catechism. The dialectal basis of the considered text is a Meadow dialect, at the same time the verbal morphology (mainly in the plural forms) differs significantly from the literary norm of the contemporary Mari (Meadow-Eastern) language. As a result of comparison with dialectological data, the correspondence of the verbal morphology in the monument to the conjugation in the western subdialects (Volga, Yoshkar-Ola) of the Meadow dialect is revealed. (These dialects turned out to be peripheral during the formation of the literary Meadow-Eastern Mari language in the 20th century. The verbal morphology of the literary language is based on the Morki-Sernur subdialect of the Meadow dialect and the Eastern dialect of the Mari language.) At the same time, the specific verb forms of Western subdialects of the Meadow dialect revealed in the monument and described in the article largely correlate with the conjugation in Western Mari dialects (Hill and North-Western), including the literary norm of the Hill Mari language. In general, the analysis of the verbal forms (with preliminary consideration of phonetic and vocabulary data) allows us to define the “The Beginnings of Christian Doctrine...” (1839 / 1841) as a most important early written monument of the Volga subdialect of the Meadow dialect and a valuable source on the historical dialectology of the Mari language.

Keywords: Finno-Ugric languages, Mari language, Volga dialect of the Mari language, written monuments, verbal morphology, historical dialectology

Одним из первых значительных памятников марийской письменности является книга «Начатки христианского учения или Краткая священная история и краткий катихизисъ, на черемиский языкъ лугового нарѣчія переведенные въ Казани 1839 года», изданная в 1841 г. в типографии Казанского университета. Она включает три части: *Кючикъ святой каласэмашъ* ‘Краткая священная история’ (с. 1—97), *Кючикъ тыниктэмашъ юмо вѣремъ (нергѣнь)* ‘Сокращенный катихизисъ’ (с. 98—141), *Тыниктэмашъ у-тэнѣшь нуриш марй-шамычъ-дѣкъ рушь вѣра вѣремъ (нергѣнь)* ‘Поучение къ ново-крещенымъ черемисамъ о вѣрѣ христианской’ (с. 142—160), *Кючикъ молитва-шамычъ* ‘Краткія молитвы’ (с. 160—162). Марийский перевод на всем протяжении книги идет с параллельным русским текстом. Интерес представляет диалектная основа данного памятника письменности. Авторы стремились, чтобы их текст был понятен всем луговым черемисам, о чем свидетельствует предисловие в начале книги: «Въ сей книжкѣ помѣщены въ строкахъ нѣкоторыя слова вдвойнѣ, т. е. на нарѣчій Казанскихъ и Вятскихъ Черемисъ; а потому при чтеніи оной Черемисамъ Вятской Губерніи должно читать слова, между знакомъ вмѣстительнымъ писанныя, а при чтеніи Черемисамъ Казанской Губерніи оныхъ употреблять не должно. Равнымъ образомъ при чтеніи Черемисамъ Царевококшайского уѣзда въ приходяхъ: Азановскомъ, Акашевскомъ, Кузнецовскомъ, Цибикурскомъ и Нурминскомъ въ словахъ множественнаго числа, кончающихся на *шамычъ*, вмѣсто буквы *ч* надлежитъ употреблять букву *ц*. Напримѣръ: вмѣсто паша-шамычъ дѣла эргэ-шамычимъ сыновъ, должно читать: паша-шамыць, эргэ-шамыцымъ» [Начатки]²¹. Таким образом, авторы книги старались отразить разницу в лексике диалектов лугового наречия: волжского, йошкар-олинского и моркинского (в Казанской губернии) и сернурского и уржумского (в Уржумском уезде Вятской губернии), а также указали на цоканье, присущее йошкар-олинскому говору (в северо-западной части Царевококшайского уезда Казанской губернии).

Цель нашего исследования — выявить диалектную основу рассматриваемого памятника²². В качестве инструмента исследования и для удобства читателей нами был составлен и размещен в Интернете словарь исследуемого памятника в системе ЛингвоДок: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/418/3/perspective/418/4/view> [Ключева 2016]. В данной статье мы опишем особенности глагольной морфологии в «Начатках христианского учения...», оставив за ее рамками описание графики и фонетики, поскольку морфологические особенности памятников марийской письменности еще не получали системного описания, тем более с использованием возможностей платформы ЛингвоДок²³.

В завершение вводного раздела остановимся на вопросе **авторства марийского текста** изучаемого памятника.

Автор марийского перевода в книге не указан. В существующей литературе по истории марийского языка и письменности на основании косвенных данных высказывается предположение, что им мог быть священник с. Параты П. Вишневецкий или А. Канцеровский, учитель марийского языка в Казанской духовной семинарии [Эман 1939: 62; Иванов 1975: 23]. Алексей Канцеровский (даты жизни неизвестны, скончался не позднее 1875 г.) является автором «Краткого руководства к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям». Этот рукописный памятник, написанный в Казани в 1858 г., остался неопубликованным и в настоящее время хранится в Архиве Санкт-Петербургского отделения РАН (Фонд III. Опись I. № 213), как сообщает об этом О. А. Сергеев, составивший его краткое описание [Сергеев 1994: 100—101]. А. Г. Канцеровский упоминается в записке Н. И. Ильминского от 1875 г. «Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках» в контексте положительного отзыва о книге А. А. Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка», изданной в Казани в 1849 г.: «Эту же книгу я давал прочитать покойному Алексею Гавриловичу Канцеровскому, который отлично говорил по-черемисски, но существа черемисского языка не понимал, написал черемисскую грамматику по системе русской грамматики Греча: прочитавши внимательно грамматику Бобровникова, он стал совсем иначе смотреть на черемисский язык» [Ильминский 2015: 150].

Паратский священник П. Вишневецкий, известный по другим источникам как Павел Иванович Вишневецкий (1812 или 1813 — 1869), — сын образованного священника Ивана Васильевича Коршунова, выпускник Казанской духовной семинарии, был рукоположен в священники церкви святого великому-

²¹ На этой странице книги номер отсутствует.

²² Ранее на эту тему был сделан доклад [Ключева 2017а].

²³ Чаще всего предметом исследования в работах, посвященных памятникам марийской письменности, становится графика, орфография, лексика, см. из последних публикаций такого рода статьи [Эрцикова 2020: 6—13; Пекшеева, Федосеева 2020: 271—274; Ключева 2020: 98—113]. Вопросы морфологии (словообразовательные аффиксы имен и глаголов) затрагиваются в [Сергеев 2016: 81—84]. По фонетике памятников марийской письменности ранее нами были опубликованы статьи, посвященные первым марийским букварям лугового наречия [Ключева, Норманская 2015: 18—63; Ключева 2017б: 113—137].

ченика Дмитрия Солунского с. Новые Параты Казанского уезда Казанской губернии (ныне Волжский р-н Республики Марий Эл) 25 марта 1839 г. и служил там до конца жизни. Одним из больших его дел было строительство каменного храма вместо обветшавшего деревянного (1856—1860 гг.), в 1859 г. в с. Новые Параты им была открыта школа для крестьянских детей. По настоящее время в селе имеется чудом уцелевшая могильная плита с его надгробия [Димитриев 1998: 21—52; Ерошкин 2012: 162—164].

Если перевод книги «Начатки христианского учения» действительно сделан Вишневецким и/или Канцеровским, следует отметить, что это достаточно ранняя работа, ведь 1839 г. (время составления перевода) — лишь первый год жизни и работы священника П. Вишневецкого (Вишневецкого) в с. Новые Параты. И А. Канцеровский свою грамматику черемисского языка напишет значительно позже (в 1858 г.). Известно также, что в 1859 г. (т. е. спустя 20 лет после перевода «Начатков») в Казани была издана книга, которая является плодом совместного переводческого труда Вишневецкого и Канцеровского — «День святой жизни, или как мне прожить без грехов» («Святой ыльшаишыкын кече, ала кузе малнем сулукдэ (языкдэ) идяи? Питер олам виктарен — ожношо митрополит Григоридэнэ возоктэн-иштэмо. Озан 1859 и-годом»). Причем в этой «книге имеется “предуведомление” точно такого же содержания, что и в “Начатках” издания 1841 года» [Эман 1939: 62]²⁴.

Создатели книги вряд ли были «природными черемисами» и составляли перевод, записывая его по фразам от своих марийских информантов²⁵. Оценивая в целом качество перевода «Краткого катехизиса» 1841 г., можно заметить, что слова (фонетика) и короткие предложения переданы достаточно точно, но в оформлении полипредикативных конструкций текст во многих случаях малопонятен, представляет собой пословную кальку с русского текста, часто явно не соответствует нормам марийской грамматики. Так, уже первое предложение книги понимается с трудом: *Иктэ Юмо Святой кумь шюргюштэ (на Вятском нарғычи чуріиштэ) кумалэме уло кумуро, тудо уло: Тудонь тынялмайш и мучайш укэ, Тудо керекунамать ёле, уло и лідешь* ‘Единь Богъ во Святой Троиць поклоняемый есть въчень, то есть, не имѣеть ни начала, ни конца своего бытія, но всегда был, есть и будеть’.

Несмотря на некоторые неудачи переводчиков, особенно в оформлении сложных предложений, в целом текст книги весьма информативен в плане исторической и диалектной фонетики, грамматики и лексикологии марийского языка, что и определило его выбор в качестве объекта нашего исследования.

Глагольная морфология

Прежде чем перейти к описанию глагольной морфологии в памятнике, представим сравнительную таблицу спряжения глаголов в говорах лугового наречия марийского языка: йошкар-олинском, волжском и моркинско-сернурском (= литер.), а также в северо-западном и горном наречии, включая мар. Г литературную норму. Предлагаемые таблицы составлены на материале справочной и диалектологической литературы, см. [Учаев 1991: 24—28; Саваткова 2002: 198—203, 185—189; Иванов, Тужаров 1970: 46—54, 148—170; Лаврентьев 1966: 271—282, 302—303; Иванов 1981: 40—43; Казанцев 1965; Грузов 1965; МСГМЯ 2012]²⁶. В них приводится парадигма спряжения глаголов в изъявительном (кроме составных форм прошедшего времени) и повелительном наклонении, включая отрицательные формы²⁷.

²⁴ К сожалению, данный памятник марийской письменности («День святой жизни» на луговом наречии, 1859 г.), по-видимому, утрачен. По крайней мере, нам не удалось его разыскать ни в каталогах библиотек, в которых есть фонды марийской дореволюционной книги, ни даже в библиографических указателях — см., например, [Иванов 1975: 248; Кутасова 1995]. (Имеется лишь «День святой жизни...» на горном наречии (издание 1858 г.), и этот памятник доступен для просмотра (в электронном формате) на сайте Российской национальной библиотеки.)

²⁵ Этим же методом пользовался Н. И. Ильминский: «Вот я собрался излагать рассказ из св. истории по-вотяцки. Со мной сидит вотяк... Я диктую своему вотяку по-русски, словами простыми и определенными, предложениями краткими. Говорю одно предложение, он перелагает его на свой родной язык — я пишу. Я говорю другое предложение, он говорит по-вотяцки — я пишу и т. д. Написавши таким образом несколько строк, некоторую, довольно цельную, часть повествования, я снова, в связи уже, перечитываю написанное своему сотруднику. Иногда отдельные предложения бывают построены удачно и правильно, но в общей сложности, во взаимной связи они кажутся нескладны... Сначала я настаиваю на ясности, на понятности. Потом добиваюсь того, чтобы наше изложение было складно: как сами инородцы складно рассказывают что-нибудь им известное, пусть будет так же складно, правильно по языку и наше писание» [Ильминский 1875: 12; Эман 1940: 125].

²⁶ В таблицах не в полной мере отражены особенности фонетики в глагольных окончаниях, т. к. на уровне морфологии они несущественны, а сведения в источниках по ним не систематичны. В частности, в таблицах не приводятся огубленные варианты гласных в окончаниях глаголов 2-го спр., связанные с лабиальной гармонией гласных:

— *ö* вместо *e* в настояще-будущем и 2-м прошедшем времени (во всех говорах лугового наречия и в северо-западном наречии);

В таблицах 1—3 выделены формы, в отношении которых западные говоры лугового наречия (волжский и йошкар-олинский) отличаются от моркинско-сернурского (центрального) говора и основанной на нем современной литературной нормы марийского лугово-восточного языка. Именно эти формы являются диагностическими и для диалектной атрибуции спряжения в исследуемом памятнике.

Из других глагольных форм значимыми для различения диалектов могли бы быть:

— инфинитив долженствования: литер. *-man* ~ волж. и йошк. *-mâla* ~ мар. Г *-mâla* (*-mälä*) ~ мар. СЗ *-man* [Иванов 1981: 43, 48; Лаврентьев 1966: 318; Саваткова 2002: 173—175; Иванов, Тужаров 1970: 147, 148];

— отрицательные формы желательного наклонения 3 л. мн. ч.: литер. *ânešt X* ~ волж. *ânež X-ep* ~ мар. Г *âneštä X-ep* ~ мар. СЗ *âneš(t) X* (NEG.OPT.3PL); литер. *ânešt X âl'e / ânešt X ulmaš* ~ волж. *ânež X-ep âl'e / ânež X-ep ulmaš* ~ мар. Г *ânežtä X-ep âl'ä* ~ мар. СЗ *âneš(t) X ñl'ö / âneš(t) X ñlmaš* (NEG.OPT.3PL) [Учаев 1991: 31; Лаврентьев 1966: 315—316; Саваткова 2002: 194—195; Иванов, Тужаров 1970: 161];

— составные формы прошедшего времени, которые строятся на основе форм настоящего и второго прошедшего времени (+ вспомогательный глагол *âl'e / ulmaš*), соответственно, диалектные различия внутри лугового наречия — в формах 3 л. мн. ч.: 1PST.3PL, NEG.PRS.3PL, NEG.2PST.3PL.

Но в тексте памятника они не встречаются²⁸.

В таблицах выделены формы, которые встречаются в памятнике и отличают западные говоры лугового наречия от моркинско-сернурского (= литер.): глаголы 3 л. мн. ч.: в изъявительном наклонении — форма 1PST.3PL и 3 отрицательные формы (NEG.PRS.3PL, NEG.1PST.3PL, NEG.2PST.3PL), в повелительном наклонении — NEG.IMP.3PL. И лишь одна форма касается 2 л. мн. ч. — IMP.2PL. При этом все данные формы обнаруживают полную или значительную близость говорам западного и горного наречий (правда, последние представлены в несколько иной фонетике).

В памятнике глагольные формы мн. ч. систематически соответствуют западной (волж., йошк.) системе спряжения.

А. Глаголы первого прошедшего (очевидного) времени (1PST.3PL) оформляются окончанием *-eße* (~ волж. и йошк. *-eße*, мар. Г и СЗ *-eßä*) вместо литер. (морк.-серн.) *-äč* (1 спр.) / *-äšt* (2 спр.), например: *колитэве* '(по)слушали' ~ литер. *колыштыч, налэве* 'взяли' ~ литер. *налыч, тынялэве* 'начали' ~ литер. *тўналыч, шонэве* '(по)думали' ~ литер. *шонышт, илэве, йлэве* 'жили' ~ литер. *ильышт, люмдэве* 'назвали' ~ литер. *лўмдышт, вурсэве* 'ругали' ~ литер. *вурсышт* и т. д. Примеры таких форм очень многочисленны (свыше 50 глаголов обоих спряжений): *вучэве* 'ждать-1PST.3PL', *видэве* 'вести-1PST.3PL', *жаплэве* 'жалеть-1PST.3PL', *илэве* 'жить-1PST.3PL', *iodэве* 'спросить-1PST.3PL', *iómdарэве* 'потерять-1PST.3PL', *iоратэве* 'любить-1PST.3PL', *каласэве* 'сказать-1PST.3PL', *каэве* 'идти-1PST.3PL', *кодэве* 'оставлять-1PST.3PL', *колитэве (колыштэве)* 'слушать-1PST.3PL', *кондэве* 'приносить-1PST.3PL', *коштэве* 'ходить-1PST.3PL', *кучэве* 'хватать-1PST.3PL', *кютэве* 'пасти-1PST.3PL', *людэве* 'бояться-1PST.3PL', *людуктэве* 'пугать-1PST.3PL',

— *ö, y* вместо *ы* в 2PST.3PL (в последнем слоге) в моркинско-сернурском говоре [МСГМЯ 2012: 157—158].

Не отражен переднеязычный огубленный *ÿ*, встречающийся после слога с таким же гласным в глагольных окончаниях в йошкар-олинском говоре и в подговорах волжского (в Красноярском, Исменецком и Сидельниковском с/с Звениговского р-на РМЭ). Фонетика моркинско-сернурского говора представлена нормативно (= литер.), хотя в нем имеет место и лабиализация гласных в срединных слогах, и делабиализация гласного в абсолютном конце слова и т. п.

Не отражено в таблицах стяжение в речи сочетаний с йотом (особенно в глаголах мн. ч. настояще-будущего времени и в глаголах ед. ч. 2-го прошедшего времени, преимущественно 1-го спр.), например: *вашлит* 'встречают' (< *вашилйыт*) [МСГМЯ 2012: 152, 157]. Такое стяжение имеет место во всех диалектах.

В имеющихся диалектологических источниках не приводятся полные таблицы спряжения в йошкар-олинском говоре, указываются лишь специфические формы, а относительно остальных сообщается, что они соответствуют литературной норме [Иванов 1981: 40—43]. Таблицы по говору заполнены в соответствии с этой информацией.

Несколько неполны в источниках и сведения по северо-западному наречию. В частности, добавим к изложенному в таблице 1, что окончания глаголов 2-го прошедшего времени могут в говорах мар. СЗ совпадать с горномарийскими, судя по текстам в [Дмитриев, Дмитриева, Тужаров 1995].

²⁷ В таблицах материал дан в кириллице (как в большинстве источников) с единственным изменением: вместо буквы «э» диалектологических источников мы пишем «е» в соответствии с литературной нормой.

Для всех диалектов приведены данные по обоим спряжениям (через запятую). «X» означает основу глагола, а для 2-го спр. — основу + гласный *e, o, ö, y* или *ÿ* в соответствии с гармонией гласных в конкретном диалекте.

²⁸ Из малоупотребительных глагольных форм в памятнике встречаются формы прошедшего времени желательного наклонения, например, OPT.3SG: *тойнеже йле* 'он хотел было спрятать' ~ литер. *тойнеже yle*; OPT.3SG: *кайнэжть йле* '(они) хотели было уйти'. Но в плане диалектологических различий эти формы не показательны (различия в диалектах не отмечены).

Таблица 1. Изъявительное наклонение

	мар. Г (литер. Г, диал.)	мар. СЗ	йошк.	луговое наречие волж.	литер. (морк.-серн.)
	настояще-будущее время				
PRS.1SG	-ам (-ӓм), -ем	-ам (-ӓм), -ем	-ам, -ем	-ам, -ем	-ам, -ем
PRS.2SG	-ат (-ӓт), -ет	-ат (-ӓт), -ет	-ат, -ет	-ат, -ет	-ат, -ет
PRS.3SG	-еш, -а (-ӓ)	-еш, -а (-ӓ)	-еш, -а	-еш, -а	-еш, -а
PRS.1PL	-ына (-ӓнӓ), -енӓ	-ына (-ӓнӓ, -ӓна, -ӓнӓ), -енӓ	-ына (-ӓна), -ена	-ына (-ӓна), -ена	-ына, -ена
PRS.2PL	-ыда (-ӓдӓ), -едӓ	-ыда (-ӓдӓ, -ӓда, -ӓдӓ), -едӓ	-ыда (-ӓда), -еда	-ыда (-ӓда), -еда	-ыда, -еда
PRS.3PL	-ыт (-ӓт), -ат (-ӓт)	-ыт (-ӓт, -ӓт), -ат (-ӓт)	-ыт (-ӓт), -ат	-ыт (-ӓт), -ат	-ыт, -ат
I-е прошедшее время					
1PST.1SG	-ым (-ӓм), -ышым (-ӓшӓм)	-ым (-ӓм, -ӓм), -ышым (-ӓшӓм, -ӓшӓм, -ӓшӓм)	-ым (-ӓм), -ышым (-ӓшӓм, -ӓшӓм)	-ым (-ӓм), -ышым (-ӓшӓм)	-ым, -ышым
1PST.2SG	-ыц (-ӓц), -ышыц (-ӓшӓц)	-ыц (-ӓц, -ӓц), -ышыц (-ӓшӓц, -ӓшӓц, -ӓшӓц)	-ыц (-ӓц), -ышыц (-ӓшӓц)	-ыц (-ӓц), -ышыц (-ӓшӓц)	-ыц, -ышыц
1PST.3SG	-ы (-ӓ), -ыш (-ӓш)	-ы (-ӓ, -ӓ), -ыш (-ӓш, -ӓш, -ӓш)	-е (-о, -ӓ), -ыш (-ӓш)	-е (-о, -ӓ), -ыш (-ӓш)	-е (-о, -ӓ), -ыш
1PST.1PL	-на (-нӓ), -ышна (-ӓшнӓ)	-на (-нӓ), -ышна (-ӓшнӓ, -ӓшна, -ӓшнӓ)	-на, -ышна (-ӓшна)	-на, -ышна (-ӓшна)	-на, -ышна
1PST.2PL	-да (-дӓ), -ышда (-ӓшдӓ)	-та (-тӓ), -ышта (-ӓштӓ, -ӓшдӓ, -ӓшдӓ)	-да, -ышда (-ӓшда)	-да, -ышта (-ӓшда)	-да, -ышда
1PST.3PL	-евӓ	-евӓ	-еве	-еве	-ыч, -ышт
сидельн., сотн. и др.					
-ыштеп (-ӓштеп)					
-ыштеве (-ӓштеве)					

Таблица 1. Изъявительное наклонение (продолжение)

мар. Г (литер. Г, диал.)	мар. СЗ	йошк.	луговое наречие волж.	литер. (морк.-серн.)
2-е прошедшее время				
2PST.1SG -ынам (-бѣнѣм) п. Кузьмино -ын ылам	-ынлам (-бѣнлам, -ѣнлам, -ѣнлам), -енлам	-ынам (-ѣнам), -енам	-ынам (-ѣнам), -енам	-ынам, -енам
2PST.2SG -ынат (-бѣнѣт), -енѣт п. Кузьмино -ын ылат	-ынлат (-бѣнлат, -ѣнлат, -ѣнлат), -енлат	-ынат (-ѣнат), -енат	-ынат (-ѣнат), -енат	-ынат, -енат
2PST.3SG -ын (-бѣн), -ен п. Кузьмино -ын (-бѣн) ылеш	-ын (-бѣн, -ѣн, -ѣн), -ен	-ын (-ѣн), -ен	-ын (-ѣн), -ен	-ын, -ен
2PST.1PL -ынна (-бѣннѣ), -еннѣ п. Кузьмино -ын ылына, -ыннына д. Мороскино -ыннан д. Нальмуш -ынан	-ынѣлна (-бѣнѣлна, -ѣнѣлна), -енѣлна	-ынна (-ѣнна), -енна	-ынна (-ѣнна), -енна -ын (-ѣн) ѣлѣна, -ен ѣлѣна	-ынна, -енна -ын ул(ы)на, -ен ул(ы)на
2PST.2PL -ында (-бѣндѣ), -ендѣ п. Кузьмино -ын (-бѣн) ылыда, -ен ылыда	-ынѣлда (-бѣнѣлда, -ѣнѣлда), -енѣлда	-ында (-ѣнда), -енда	-ында (-ѣнда), -енда -ын (-ѣн) ѣлѣда, -ен ѣлѣда	-ында, -енда -ын ул(ы)да, -ен ул(ы)да
2PST.3PL -ыныт (бѣнѣт), -еныт п. Кузьмино -ын (-бѣн) ылыт, -ен ылыт	-ынлѣт (-бѣнлѣт, -ѣнлѣт), -енлѣт	-ыныт (ѣнѣт), -еныт	-ыныт (ѣнѣт), -еныт -ын (-ѣн) -ен ѣлѣт	-ыныт, -еныт -ын ул(ы)да, -ен ул(ы)да

Таблица 2. Отрицательные формы

	мар. Г (литер. Г, диал.)	мар. СЗ	йошк.	луговое наречие волж.	литер. (морк.-серн.)
	настояще-будущее время				
NEG.PRS.1SG	ам X	ам X	ом X	ом X	ом X
NEG.PRS.2SG	ат X	ат X	от X	от X	от X
NEG.PRS.3SG	ак X	ак (агеш) X	ок (огеш) X	ок X	ок (огеш) X
NEG.PRS.1PL	ана X	ана X	о(гы)на X	о(гы)на X	о(гы)на X
NEG.PRS.2PL	ада X	ада X	о(гы)да X	о(гы)да X	о(гы)да X
NEG.PRS.3PL	ак X-еп	авет (агет, агеп) X	ок X-еп	ок X-еп	огыт X
I-е прошедшее время					
NEG.1PST.1SG	шым X	шым X	шым X	ыжым X	шым X морк. Ыжым X
NEG.1PST.2SG	шыц X	шыц X	шыц X	ыжыч X	шыч X морк. Ыжыч
NEG.1PST.3SG	ыш X	шыш X	ыш X	ыш X	ыш X серн. шыш X
NEG.1PST.1PL	шына X	шына X	ышна X	ыжна X	ышна X морк. ыжна серн. шына
NEG.1PST.2PL	шыда X	шыда X	ышда X	ыжда X	ышда X морк. ыжда (ышта) серн. шыда
NEG.1PST.3PL	ыш X-еп	шбвет	шыш X-еп	ыш X-еп	ышт X
	левобереж. шыш X-еп	(шбгет, шыгеп) X			серн. шышт

Таблица 2. Отрицательные формы (продолжение)

	мар. Г (литер. Г, диал.)	мар. СЗ	йошк.	луговое наречие волж.	литер. (морк.-серн.)
			2-е прошедшее время		
NEG.2PST.1SG	-делама левобер.1 -ынам (-ы́на́м) агыл, -енáм агыл левобер.2 -ын (-ы́н) амыл, -ен амыл	-ын (-ы́н, -ў́н, -ў́н) амыл, -ен амыл	-ынам (-ў́н) агыл, -енам агыл -МО агыл	-ын (-ў́н) омыл, -ен омыл	-ЫН ОМЫЛ, -ЕН ОМЫЛ
NEG.2PST.2SG	-делат левобер.1 -ынат (-ы́нат) агыл, -енáт агыл левобер.2 = СЗ	-ын (-ы́н, -ў́н, -ў́н) агыл, -ен агыл	-ынат (-ў́нат) агыл, -енат агыл	-ын (-ў́н) агыл, -ен агыл	-ЫН агыл, -ЕН агыл серн. -ы́нат агыл, -енат агыл
NEG.2PST.3SG	-де левобер.1,2 = СЗ	-ын (-ы́н, -ў́н, -ў́н) агыл, -ен агыл	-ын (-ў́н) агыл, -ен агыл	-ын (-ў́н) агыл, -ен агыл	-ЫН агыл -ЕН агыл
NEG.2PST.1PL	-делна левобер.1 -ынна (-ы́нна) агыл, -енна агыл левобер.2 = СЗ	-ын (-ы́н, -ў́н, -ў́н) анал, -ен анал	-ынна (-ў́нна) агыл, -енна агыл	-ын (-ў́н) онал, -ен онал, -ын (-ў́н) огына ўл, -ен огына ўл	-ЫН огынал (онал), -ЕН огынал (онал)
NEG.2PST.2PL	-делда левобер.1 -ында (-ы́нда) агыл, -енда агыл левобер.2 = СЗ	-ын (-ы́н, -ў́н, -ў́н) адал, -ен адал	-ында (-ў́нда) агыл, -енда агыл	-ын (-ў́н) одал, -ен одал, -ын (-ў́н) огыда ўл, -ен огыда ўл	-ЫН огыдал (одал), -ЕН огынал (одал)
NEG.2PST.3PL	-дельт левобер.1 -ыныт (-ы́ныт) агыл, -ены́т агыл левобер.2 -ын (-ы́н) агылеп, -ен агылеп	-ын (-ы́н, -ў́н, -ў́н) агетýл (аветýл, агетýл), -ен агетýл (аветýл, агетýл)	-ын (-ў́н) агылеп -ен агылеп	-ын (-ў́н) агылеп, -ен агылеп	-ЫН агытыл, -ЕН агытыл

Таблица 3. Повелительное наклонение

	мар. Г (литер. Г, диал.)	мар. СЗ	йошк.	луговое наречие волж.	литер. (морк.-серн.)
IMP.2SG	Х	Х	Х	Х	Х
IMP.3SG	-жы (-жы́, -шы -шы́), -ыжы (-ы́жы)	-жо (-жо́, -жы, -жы́, шо, -шó, -шы, -шы́), -ыжы (-ы́жы, -ыжо, ыжó, -ўжо, -ўжó, -ўжó)	-ше (-шо, -шó, -же, -жо, -жó), -ыже (-ы́же, -ыжó, -ўже)	-жан сидельн. -ыже (-ўже)	-ше (-шо, -шó, -же, -жо, -жó), -ыже (-ы́же, -ыжó) серн. конечный -ы
IMP.2PL	-да (-да́, -та, -та́), -ыда (-ы́да)	-да (-да́, -та, -та́), -ыда (-ы́да, -ўда, -ўда́)	-да (-та), -ыда (-ўда)	-да (-та), -ыда (-ўда) (соврем. -са (-за), -ыза)	-са (-за), -ыза
IMP.3PL	-ышты (-ы́шты́), -шты (-шты́)	-ышт(т) (-ы́шт(т), -ўшт, -ўшт)	-ышт (-ўшт) -евышт	-ыштан (-ўштан) -ыштеп (ўштеп) -ыштеве (ўштеве)	-ышт
NEG.IMP.2SG	ит Х	ит Х	ит Х	ит Х	ит Х
NEG.IMP.3SG	ы́нжы Х	ы́нчыж Х	ы́нчыж Х	ынже Х сидельн. ыңце Х	ынже Х серн. ыныж Х
NEG.IMP.2PL	ида́ Х	ида́ Х	ида Х	ида Х	ида Х
NEG.IMP.3PL	Ы́нжышты́ Х-еп	Ы́нчышт Х	ы́нчышт Х	ынже Х-еп сидельн. ыңце Х-еп	ынышт Х

намидэве ‘приносить-1PST.3PL’, *олэве* ‘говорить-1PST.3PL’, *оньжоктэве* ‘показывать-1PST.3PL’, *пагалэве* ‘уважать-1PST.3PL’, *пуртэве* ‘пускать-1PST.3PL’, *пуэве* ‘давать-1PST.3PL’, *собкалэве* ‘бить по щекам-1PST.3PL’, *тыниктэве* (*тыниктэве*) ‘учить-1PST.3PL’, *ужалэве* ‘продавать-1PST.3PL’, *шогалдэве* ‘ставить-1PST.3PL’, *шошкюлёве* ‘закалывать-1PST.3PL’, *ылэве* ‘быть-1PST.3PL’, *юмолдэве* ‘молиться-1PST.3PL’ и т. д.

Б. Отрицательные глаголы настоящего-будущего времени (NEG.PRS.3PL) образованы по модели {отрицат. частица *ок* + основа глагола с окончанием *-ер*}, как в волж. и йошк. говорах (~ мар. Г *ак X-ер*), вместо литер. (морк.-серн.) модели {отрицательное слово *оуџт* + основа глагола (+ для глаголов 2 спр. гласный *о, џ* или *е* в соответствии с гармонией гласных)}, например: *окъ каласэбь* ‘не говорят’ ~ литер. *огыт каласе*, *окъ коштэбь* ‘не ходят’ ~ литер. *огыт кошт*, *окъ налэбь* ‘не берут’ ~ литер. *огыт нал*, *окъ кучэбь* ‘не держат’ ~ литер. *огыт кучо*, *окъ пагалэбь* (*жаплэбь*) ‘не уважают’ ~ литер. *огыт пагале* (*жапле*) и т. д.

В. Отрицательные глаголы (NEG.1PST.3PL) образованы по модели {отрицат. частица *џџ* + основа глагола с окончанием *-ер*}, как в волж. говоре (~ мар. Г *џџ X-ер*, левобереж. *џџ X-ер*, ~ йошк. *џџ X-ер*), вместо литер. (морк.-серн.) модели {отрицат. частица *џџт* + основа глагола (+ для глаголов 2 спр. гласный *о, џ* или *е*)}, например: *џџжъ кертэбь*, *џџжъ кэтэбь* ‘не могли’ ~ литер. *ышит керт*, *џџжъ инянэбь* ‘не верили’ ~ литер. *ышит инане*, *џџжъ кочкэбь* ‘не ели’ ~ литер. *ышит коч*, *џџжъ кумалэбь* ‘не молились’ ~ литер. *ышит кумал*, *џџжъ палэбь* ‘не знали’ ~ литер. *ышит пале*, *џџжъ чарнэбь* ‘не перестали’ ~ литер. *ышит чарне*, *џџжъ иштэбь* ‘не делали’ ~ литер. *ышит ыште*, *џџжъ судитлэбь* ‘не судили’ ~ литер. *ышит судитле*.

Но в двух случаях в памятнике дается двоякое написание этой глагольной формы: в основном тексте — представленное здесь диалектное, а в скобках — соответствующее современной литературной норме (морк.-серн.), но не первому (очевидному), а второму (неочевидному) прошедшему времени: *џџжъ инянэбь* (*инянэнь џгутуль*) ‘не верили’ ~ литер. *ышит инане* ‘верить-NEG.1PST.3PL’, *инанен огытыл* ‘верить-NEG.2PST.3PL’; *џџжъ иштэбь* (*лыштэнь џгутуль*) ‘не делали’ ~ литер. *ышит ыште* ‘делать-NEG.1PST.3PL’, *ыштен огытыл* ‘делать-NEG.2PST.3PL’.

Аффикс *-ер* как показатель мн. ч. присутствует и в следующих глагольных формах.

Г. Глаголы повелительного наклонения (NEG.IMP.3PL) образованы в памятнике по модели {отрицат. частица *џнџшт* + основа глагола с окончанием *-ер*}, которая лишь частично соответствует и волжскому говору, и литер. норме (морк.-серн.), и горному наречию. Ср.:

— литер. {отрицат. частица *џнџшт* + основа глагола (+ для глаголов 2 спр. гласный *о, џ* или *е*)},

— волж. {*џнџе* + основа глагола с окончанием *-ер*},

— мар. Г {*џнџџштэ* + основа глагола с окончанием *-ер*}.

Т. е. окончание *-ер* в этой форме в памятнике соответствует волжскому и горному диалектам, а отрицательная частица — литер. норме (морк.-серн.), например: *џнежть пуштэбь* ‘чтобы они не убили’ ~ литер. *ынышит пушт*, *џнежть мондэбь* ‘чтобы они не забыли’ ~ литер. *ынышит мондо*, *џнежть лиэбь* ‘чтобы не были’ ~ литер. *ынышит лий*, *џнежть шџлоштэбь* ~ литер. *ынышит шџлышит*, *џнежть шџчэбь* ‘чтобы не рождались’ ~ литер. *ынышит шџч*, *џнежть иштэбь* ‘чтобы они не делали’ ~ литер. *ынышит ыште* и т. д.

Д. Глаголы второго прошедшего (неочевидного) времени (NEG.2PST.3PL) образованы по модели {деепричастие на *-н* + отриц. частица *отолеп / оуолеп*}, как в волжском и йошкар-олинском говорах [Лаврентьев 1966: 281; Иванов 1981: 40] вместо литер. (морк.-серн.) {деепричастие + отриц. частица *оуџтџл*}, например: *мунъ отолэбь* ‘не находили’ ~ литер. *мун огытыл*, *инянэнь отолэбь* ‘не верили’ ~ литер. *инанен огытыл*, *кертэнь отолэбь* ‘не могли’ ~ литер. *кертын огытыл*, *џнглэнь отолэбь* ‘не поняли’ ~ литер. *умылен огытыл*, *кумалэнь џголэбь* ‘не молились’ ~ литер. *кумалын огытыл*, *коштэнь џголэбь* ‘не послушались’ ~ литер. *колыштын огытыл* и т. д.²⁹ (Диалектное распространение фонетического варианта отрицательного слова *отџлеп* (вместо *оуџлеп*) требует дополнительного исследования.)

Е. Глаголы повелительного наклонения 3 лица (IMP.3PL) встречаются в памятнике в основном в составе сложноподчиненных предложений и образуются по модели {основа глагола + *-џшт*}, что соответствует литературной норме и морк.-серн. говору, например: *палэжть* ‘чтобы они знали’ ~ литер. *палышит*, *пагалэжть* ‘чтобы они почитали’ ~ литер. *пагалышит*, *инянэжть* ‘чтобы они верили’ ~ литер. *инанышит*, *воньжэнь кџэжть* ‘чтобы они перешли’ ~ литер. *вончен кайышит* и т. д. (В мар. Г соответствующая модель — {основа глагола + *-џштџ / џштэ*}). Однако в одном случае в памятнике форма IMP.3PL имеет вид *кочкэвежть* ‘чтобы они ели’ (~ литер. *кочкышит* ~ мар. Г *качкышты*), т. е. представлена модель {основа

²⁹ Соответствия грамматической форме, встречающейся в памятнике (с отрицательным словом *оуџлеп*), есть и в подговорах горного наречия, но с фонетическим вариантом отрицательного слова *ауџлеп* (п. Тойдаково, Килемары, Памъял, Кузьмино, Шудугуж, Нальмучаш) [Саваткова 2002: 203]: модель {деепричастие + *ауџлеп*}. При этом в литературном горномарийском модель другая {основа глагола (+ гласный для 2 спр.) + *-telџт / -delџт*}.

глагола + *-eβāšt*}. Образование глаголов IMP.3PL по этой специфической модели отмечено лишь в некоторых деревнях йошкар-олинского говора [Галкин 1964: 118]. Формант *-eβāšt* представляет собой комбинацию *-eβe* и *-āšt*, зеркальным соответствием которой являются более употребительные в диалектах форманты *-āšteβe* и *-āštep*. По модели {основа глагола + *-āšteβe*} форма IMP.3PL образуется в подговорах волжского говора (сотн. и др.); по модели {основа глагола + *-āštep*} — также в подговорах волжского говора³⁰, а также в тоншаевском говоре северо-западного наречия (в последнем есть еще переднеязычный фонетический вариант *-āštep*). Ср. мар. СЗ тонш., волж. *толыштен* ‘пусть они придут’, *кондыштен* ‘пусть они принесут’ ~ волж. *толыштеве*, *кондыштеве* ~ мар. Л йошк. (в подговоре) *толевышит*, *кондевышит*. В памятнике соответственно *кочкэвежэ* ‘чтобы они ели’ (но это единственный пример).

Значимой для атрибуции диалектной основы памятника является также следующая форма.

Ж. Форма глаголов повелительного наклонения 2 лица (IMP.2PL). В памятнике она образуется двояко: посредством суффикса *-za* (как в литературной норме и в морк.-серн. говоре, где суффикс IMP.2PL — *-sa / -za*) или посредством суффикса *-da* (как в горном, северо-западном наречии, в волжском и йошкар-олинском говорах лугового наречия, где суффикс IMP.2PL — *-ta / -da*). Примеры: *колитэдä* ‘слушайте’ ~ литер. *колыштса*, мар. Г *колыштыда*; *кочьда* ‘ешьте’ ~ литер. *кочса*, мар. Г *качда*; *налда* ‘берите (возьмите)’ ~ литер. *налза*, мар. Г *налдä*; *тынялэда* ‘начинайте’ ~ литер. *түнналза*, мар. Г *тынгäлдä*; *пагälэда* ‘почитайте’ ~ литер. *пагалыза*; но *юмолдэза* ‘молитесь’ ~ литер. *юмылтыза*, мар. Г *йымыдылда*; *кудäлдэза* ‘оставьте’ ~ литер. *кудалтыза*, мар. Г *кымалда*; *оліоза* ‘говорите’ ~ литер. *ойлыза*; *иняңэза* ‘верьте’ ~ литер. *инаныза*, мар. Г *біняңидä* (*бінäңидä*); *дюиза* ‘пейте’ ~ литер. *йүза*, мар. Г *йүдä*. Интересно, что практически все примеры на *-da* здесь — это глаголы с основой на согласный (1 спр.), а все примеры на *-za* — глаголы с основой на гласный (2 спр. и глагол *йүаш* ‘пить’ 1 спр., но с основой на гласный). Исключение составляет глагол *пагалаш* ‘уважать’ (2 спр.) с формой на *-da* в памятнике³¹.

Еще одна особенность глаголов в памятнике, указывающая на волжский или йошкар-олинский говор:

З. В отрицательной форме настоящего времени 3 л. ед. числа (NEG.PRS.3SG) в памятнике, в волжском и в йошкар-олинском говорах используется только краткая форма отрицательного слова — *ok*, тогда как в других говорах и в литературной норме (морк.-серн.) распространен еще вариант *оуеš* (например, в памятнике *окъ ужэ* ‘не видит’ ~ литер. *ок уж*, *огеи уж*). Полная форма (*оуеš*) в волжском говоре не используется. Только краткая форма этой отрицательной частицы характерна и для горномарийского наречия (например, *ак уж* ‘не видит’). В северо-западном наречии употребительны и краткая, и полная форма (*ak* и *ауеš*).

Характерно для исследуемого памятника и встречающееся в луговом наречии (в том числе в современном волжском говоре) оформление глаголов второго прошедшего времени мн. числа (2PST.3PL) в сложной форме, которую можно обозначить как устаревшую и вместе с тем этимологически изначальную: {(дее)причастие на *-n* + спрягаемая форма настояще-будущего времени глагола *улаш* ‘быть’}, например: *шидышкёнъ улутъ* ‘негодовали’ ~ литер. *шидешкеныт*, *илижёнъ улутъ* ‘ожили’ ~ литер. *ылыжыныт*, *шочонъ улутъ* ‘родились’ ~ литер. *шочыныт*, *наміёнъ улутъ* ‘приносили’ ~ литер. *намиеныт*, *кочконъ улутъ* ‘вкушали’ ~ литер. *кочкыныт* и т. п. Современная литературная форма этих глаголов образовалась за счет стяжения двух слов с выпадением слога; в памятнике она не встречается.

Итак, все представленные выше формы глаголов множественного числа находят соответствия в волжском говоре, а в большинстве случаев — и в йошкар-олинском, т. е. в обоих западных говорах лугового наречия. Им соответствует практически в равной мере и морфология глаголов в северо-западном и горном наречиях марийского языка (но глагольные суффиксы в северо-западном и горном наречиях представлены в несколько иных фонетических вариантах).

³⁰ В основной части волжского говора к элементу *-āšt* добавляется *-an* (а не *-ep*), т. е. в глаголах IMP.3PL к основе глагола добавляется элемент *-āštan* [Лаврентьев 1966: 302—303].

³¹ Подобная корреляция между спряжением глагола (1 спр. / 2 спр.) и выбором модели его спряжения во мн. ч. (западная / восточная) наблюдается и в другом памятнике марийской письменности — в «Краткой священной истории Ветхого и Нового завета» [КСИ 1873]. По итогам анализа первых 15 страниц памятника, в нем в 1-м прошедшем времени глаголы 1 спряжения систематически имеют окончание *-eβe*, например: *түналебэ* и *туналебэ* ‘начали’, *шогалебэ* ‘встали’, *кумалебэ* ‘молились’, *налебэ* ‘взяли’, *шүшкылебэ* ‘закололи’, *толебэ* ‘пришли’, *маебэ* ‘сказали’ (западная модель), а глаголы 2 спряжения — окончание *-ышит*, например: *ончыктышит* ‘показали’, *каласит* ‘сказали’, *кудалтышит* ‘бросили’, *амыртыжт* ‘испачкали’ (восточная модель). Но в форме IMP.2PL в [КСИ 1873] все глаголы вне зависимости от спряжения заканчиваются на *-da*: *кочда* ‘ешьте’, *колида* ‘слушайте(сь)’, *кайда* ‘идите’, *кондода* ‘принесите’ (западная модель).

Рассмотренный памятник марийской письменности лугового наречия — далеко не единственный в литературе XIX в., созданный на основе говоров с глагольной морфологией западного типа (т. е. близкой к системе морфологии глаголов в западных наречиях). Аналогичные особенности в разной степени отмечаются и в других старомарийских изданиях, например [УСОЧ 1870; КСИ 1873]. Современная же лугово-восточная литературная норма основана на говорах с другой (восточной) глагольной морфологией в формах множественного числа (система моркинско-сернурского говора и восточного наречия). Таким образом, по сравнению со старомарийской литературой XIX в. современные литературные нормы горномарийского и лугово-восточного марийского различаются сильнее (во всяком случае, по рассмотренному параметру — морфологии глагола).

Если морфология глагола в памятнике указывает на волжский и йошкар-олинский говоры, то морфология в сочетании с фонетикой (соответствие аффрикат) — только на волжский (только *ц* (*c*) в йошкар-олинском говоре ~ только *ч* (*č*) в волжском ~ только *ч* в памятнике). В пользу волжского говора против йошкар-олинского свидетельствует, кроме того, форма NEG.IMP.3PL (в волжском говоре к основе глагола добавляется окончание *-en*, в памятнике — *-ебь*, тогда как в йошкар-олинском говоре такого окончания нет), а также вид деепричастий предшествующего действия. В памятнике зафиксированы деепричастия на *-мѣкъ* ~ волж., морк.-серн. и литер. *-мек(е)* ~ йошк. *-мӱнгӱ* [Иванов 1981: 41] ~ серн. *-менге* [Галкин 1964: 171], например: *кочкѣмѣкъ* и *кочкемѣкъ* ‘поев’, *шиньжемѣкъ* ‘узнав’, *чарнемѣкъ* ‘прекратив’, *шочемѣкъ* ‘родившись’, *лимѣкъ* ‘став’, *лишемѣкъ* ‘приблизившись’, *шитѣмѣкъ* ‘сделав’, *пӱртӱлмѣкъ* ‘вернувшись’, *шонѣмѣкъ* ‘подумав’³².

В таблице 4 сведены данные по наиболее диагностически важным формам глаголов в памятнике в сопоставлении с говорами лугового наречия, северо-западным и горным наречиями³³.

Итак, глагольные формы в рассматриваемом памятнике (их морфология в сочетании с фонетикой) соответствуют волжскому говору лугового наречия. Некоторые отличия от волжского говора (современных данных о нем) наблюдаются лишь в формах повелительного наклонения (3PL). С осторожностью можно увидеть в этом указание на инновации в развитии волжского говора за время между созданием памятника (1839 г.) и описанием говора в XX в.: *-ышт* > *-ыштан* (IMP.3PL)³⁴; *ынышт X-en* > *ынже X-en* (NEG.IMP.3PL).

Носителями волжского говора является этнографическая группа *ончыл мари* ‘передние мари (т. е. живущие ближе к Казани)’, также называемые *шарпан-нашмак мари* (по типу женского головного убора, включающего длинное головное полотенце и начельш³⁵), — жители южных районов Республики Марий Эл, граничащих с Татарстаном и Чувашией: Волжского, Звениговского, юго-западной части Моркинского (в прошлом административно относились к Чебоксарскому, Царевококшайскому и Казанскому уездам Казанской губернии)³⁶. Волжский говор наиболее подробно описан в диссертации Гурия Ивановича Лаврентьева [Лаврентьев 1966], но в дальнейшем систематически не изучался. Отдельного словаря волжского говора также до сих пор нет³⁷. Его отсутствие в определенной мере восполняет диалектологический марийский словарь Э. Беке [Беке 1997—2001], среди информантов которого были три уроженца деревень в ареале говора — Григорий Николаев из д. Большие Маламасы (Кугу Моламас), Кузьма Кириллов из с. Исменцы (Нурсола) и Игнатий Никитин из д. Кукшнур (Кӱкшнур) [Беке 1957: XIX].

Возвращаясь к вопросу об авторстве перевода, заметим, что один из его предполагаемых авторов, священник П. Вишневецкий (Вишневецкий), жил именно в ареале волжского говора (с. Параты нынешнего Волжского р-на Республики Марий Эл).

³² Ср. в первых марийских букварях лугового наречия: в первой редакции (1870 г.) в деепричастиях используется формант *-меке*, во второй редакции (1873 г.) — *-мӱнгӱ*.

³³ По сравнению с предыдущими таблицами данные по говорам и подговорам даны здесь с некоторыми сокращениями (не приводятся формы, далекие от памятника, и менее подробно представлена фонетика).

³⁴ *-ан* является здесь модально-волевой частицей, которая «срослась» с показателем императива [Лаврентьев 1966: 305—306].

³⁵ Начельш, начелок — элемент женского головного убора: налобное украшение в виде полоски ткани с нашитыми бусинками и вышивкой.

³⁶ Аналогичен тип традиционного головного убора и у горных мари.

³⁷ Небольшой аудиословарь волжского говора лугового наречия марийского языка (110 слов по списку Сводеша) был составлен по нашим диалектологическим материалам 2015 г. (информанты из с. Эмеково и д. Полевая (Обшияры, Упшер) Волжского р-на Республики Марий Эл). Этот словарь опубликован на сайте Lingvodoc.ru [Норманская, Ключева 2015].

Таблица 4. Диагностические глагольные формы в памятнике в сопоставлении с диалектными данными

	мар. Г (литер., диал.)	мар. СЗ	«Начатки» 1839/1841 г.	люговое наречие	литер. (морк.-серн.)
1PST.3PL	-евЫ	-евЫ	-еве, -эве	-еве	-ыч, -ышт
NEG.PRS.3SG	ак X	ак (агеш) X	окъ X	ок X	ок (огеш) X
NEG.PRS.3PL	ак X-еп	авет (агет, агеп) X	окъ X-эбь, окъ X-ебь	ок X-еп	огыг X
NEG.1PST.3PL	Ыш X-еп левобереж шыш X-еп	шывет (шыгет, шыгеп) X	Ыжъ X-эбь, Ыжъ X-ебь	ыш X-еп	ышт X серн. шышт X
NEG.2PST.3PL	-делыт левобер.2 -ын (-Ын) агылеп, -ен агылеп	-ын (-Ын) агетЫл (аветЫл, агепЫл), -ен агетЫл (аветЫл, агепЫл)	-(э)нь отолэбь, -энь отолэбь, -энь отолэбь	-ын огылеп -ен огылеп	-ын огытыл, -ен огытыл
1MP.2PL	-да (-дә, -та, -тә), -ыда (-Ыдә)	-да (-дә, -та, -тә), -ыда (-Ыдә)	-да (1 спр.) -за (2 спр.)	-да (-та), -ыда (соврем. -са (-за), -ыза)	-са (-за), -ыза
1MP.3PL	-ышты (-Ышты)	-ыш(т) (-Ыш(т)) тонш. -ыштеп	-эжть (-ёвежть)	-ышт -евышт сидельн., сотн. и др. -ыштеп сотн. и др. -ыштеве	-ышт
NEG.1MP.3PL	ЫнжЫшты X-еп	ЫнжЫж X	Ынежть (Ынэжть) X-эбь (X-ебь)	ынжъ X-еп сидельн. Ынцъ X-еп	ынышт X
CVB.PST	-мыкы -мыкЫ	-мўнкō	-мекъ	-мек(е)	-мек(е)

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	OPT — желательное наклонение
1PST — первое прошедшее время (очевидное)	PL — множественное число
2PST — второе прошедшее время (неочевидное)	PRS — настоящее-будущее время
IMP — повелительное наклонение	SG — единственное число
NEG — отрицательная форма	

Общие

X — основа глагола (для 2-го спр. — основа + гласный <i>-e, -o, -ö, -ы</i> или <i>-й</i> в соответствии с гармонией гласных в конкретном диалекте)	ед. ч. — единственное число
	л. — лицо
	мн. ч. — множественное число
	спр. — спряжение

Языки и диалекты

волж. — волжский говор мар. Л
 йошк. — йошкар-олинский говор мар. Л
 левобереж. — левобережные говоры мар. Г (д. Памъял, Тойдаково, Килемары)
 левобер.1 — левобережные говоры мар. Г., п. Отары, Юксары, Кузьмино
 левобер.2 — левобережные говоры мар. Г., п. Тойдаково, Килемары, Памъял, Кузьмино, Шудугуж, Нальмуш
 литер. — литературный (лугово-восточная литературная норма)
 мар. — марийский
 мар. Г — горное наречие марийского языка
 мар. Л — луговое наречие марийского языка
 мар. СЗ — северо-западное наречие марийского языка
 морк. — моркинский подговор моркинско-сернурского говора мар. Л
 морк.-серн. — моркинско-сернурский говор мар. Л
 серн. — сернурский подговор лугового моркинско-сернурского говора мар. Л
 сидельн. — подговор с. Сидельниково Звениговского р-на РМЭ (волжский говор мар. Л)
 сотн. и др. — подговоры Сотнурского, Больше-Паратского, Петъяльского с/с волжского говора мар. Л
 тонш. — тоншаевский подговор мар. СЗ

Литература

- Галкин 1964 — *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола, 1964. {*Galkin I. S.* Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part I. Yoshkar-Ola, 1964.}
- Грузов 1965 — *Грузов Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965. {*Gruzov L. P.* Phonetics of the Mari dialects in a historical view. Yoshkar-Ola, 1965.}
- Димитриев 1998 — *Димитриев В. Д.* Бичурин и Чувашия // Известия Национальной Академии наук и искусств Чувашской Республики. 1998, 1. С. 21—52. {*Dimitriev V. D.* Bichurin and Chuvashia // News of the National Academy of Sciences and Arts of the Chuvash Republic. 1998, 1. P. 21—52.}
- Дмитриев, Дмитриева, Тужаров 1995 — *Дмитриев С. Д., Дмитриева В. М., Тужаров Г. М.* Марэ букварь. Икымшы классан учебник (Марийский букварь: Учебник для первого класса. На северо-западном наречии марийского языка). Йошкар-Ола, 1995. (на марийском языке) {*Dmitriev S. D., Dmitrieva V. M., Tuzharov G. M.* Mari alphabet book: Textbook for the first grade. In the North-Western dialect of the Mari language. Yoshkar-Ola, 1995.}
- Ерошкин 2012 — *Ерошкин Ю. В.* Священник Павел Вишневецкий (1813—31.01./13.02.1869) // История Марийского края в лицах. XIV — начало XX веков. Йошкар-Ола, 2012. С. 162—164. {*Eroshkin Yu. V.* Priest Pavel Vishnevetsky (1813—31.01./13.02.1869) // History of the Mari Land in Persons. 14th — early 20th centuries. Yoshkar-Ola, 2012. P. 162—164.}
- Иванов 1975 — *Иванов И. Г.* История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975. {*Ivanov I. G.* History of the Mari literary language. Yoshkar-Ola, 1975.}
- Иванов 1981 — *Иванов И. Г.* Марий диалектологий. Университетсе студент-влаклан тунемме книга (Марийская диалектология. Учебник для студентов университета). Йошкар-Ола, 1981. (на марийском языке) {*Ivanov I. G.* Mari dialectology. A textbook for universities. Yoshkar-Ola, 1981.}

Иванов, Тужаров 1970 — *Иванов И. С., Тужаров Г. М.* Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970. {*Ivanov I. G., Tuzharov G. M.* North-Western dialect of the Mari language. Yoshkar-Ola, 1970.}

Ильминский 1875 — *Ильминский Н. И.* О переводе православных христианских книг на инородческие языки: практические замечания Н. Ильминского. Казань, 1875. {*Ilminsky N. I.* On the translation of Orthodox Christian books into native languages: practical remarks by N. Ilminsky. Kazan, 1875.}

Ильминский 2015 — Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н. И. Ильминского: сборник документов и материалов. Казань, 2015. {*Materials on the history of education and enlightenment of the peoples of the Volga-Ural region in the manuscript funds of N. I. Ilminsky: a collection of documents and materials.* Kazan, 2015.}

Казанцев 1965 — *Казанцев Д. Е.* Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1965. {*Kazantsev D. E.* Phonetic features of the Yoshkar-Ola dialect of the Mari language. Summary of a PhD thesis. Tartu, 1965.}

Ключева 2016 — *Ключева М. А.* Словарь по памятнику письменности «Начатки христианского учения» 1841 (2016) // <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>, 2016. {*Klyucheva M. A.* Dictionary of “Beginning of the Christian doctrine”, 1841 // <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>, 2016.}

Ключева 2017а — *Ключева М. А.* О диалектной основе памятника марийской письменности «Начатки христианского учения или Краткая священная история и краткий катехизис, на черемисский язык лугового наречия переведенный в Казани 1839 года» // Филологические исследования — 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (9—13 октября 2017 г., Сыктывкар) / Отв. ред. *Ю. А. Крашенинникова*. Сыктывкар, 2017. С. 146—149. (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН). {*Klyucheva M. A.* On the dialect basis of the monument of Mari writing “The Beginnings of Christian Doctrine or Concise Sacred History and a Concise Catechism, translated into the Cheremis language of the Meadow dialect in Kazan in 1839” // *Philological studies* — 2017. Folklore, literature and languages of the peoples of the European part of Russia: forms, models, mechanisms of interaction. Collection of papers on the results of the All-Russian Scientific Conference (October 9—13, 2017, Syktyvkar) / Ed. *Yu. A. Krasheninnikov*. Syktyvkar, 2017. P. 146—149. (Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences).}

Ключева 2017б — *Ключева М. А.* Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2017, 4 (27). С. 113—137. {*Klyucheva M. A.* The first Mari alphabet books of the Meadow dialect (1870s): Part II. Features of Consonantism // *Ural-Altai Studies*. 2017, 4 (27). P. 113—137.}

Ключева 2020 — *Ключева М. А.* У истоков марийской музыкальной терминологии // *Linguistica Uralica*. 2020, 2 (56). С. 98—113. {*Klyucheva M. A.* At the Beginnings of Mari Musical Terminology // *Linguistica Uralica*. 2020, 2 (56). P. 98—113.}

Ключева, Норманская 2015 — *Ключева М. А.* (при участии *Норманской Ю. В.*) Первые лугомарийские буквари 1870-х гг.: лингвистический обзор. Ч. 1. Введение. Гласные звуки и буквы для них // Урало-алтайские исследования. 2015, 3 (18). С. 18—63. {*Klyucheva M. A.* (with *Normanskaya Yu. V.*) The first Meadow Mari alphabet books (1870s): a linguistic review. Part I. Introduction. Vowels and letters for them // *Ural-Altai Studies*. 2015, 4 (18). P. 18—63.}

КСИ 1873 — Краткая священная история Ветхого и Нового завета (на черемисском языке). Вятка, 1873. {*A Concise Sacred History of the Old and New Testaments (in the Cheremis language).* Vyatka, 1873.}

Кутасова 1995 — Из собрания книжных памятников. Вып. 1. Книги на марийском языке, изданные до революции 1917 г. / Сост. *В. Е. Кутасова*. Йошкар-Ола, 1995. {*From the collection of book monuments. Issue 1. Books in the Mari language, published before the revolution of 1917* / Comp. *V. E. Kutasova*. Yoshkar-Ola, 1995.}

Лаврентьев 1966 — *Лаврентьев Г. И.* Волжский говор марийского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1966. {*Lavrentyev G. I.* Volga dialect of the Mari language. PhD thesis. Yoshkar-Ola, 1966.}

МСГМЯ 2012 — *Л. И. Барцева, В. Н. Васильев, И. Г. Иванов, Л. С. Матросова, З. В. Учайев*. Моркинско-сернурский говор марийского языка. Йошкар-Ола, 2012. {*Bartseva L. I., Vasilyev V. N., Ivanov I. G., Matrosova L. S., Uchayev Z. V.* Morki-Sernur dialect of the Mari language. Yoshkar-Ola, 2012.}

Начатки — Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис, на черемисский язык лугового наречия переведенный в Казани 1839 года. Казань, 1841. {*The Beginnings of Christian Doctrine.* Kazan, 1841.}

Норманская, Ключева 2015 — *Норманская Ю. В., Ключева М. А.* Словарь волжского диалекта марийского языка (2015) // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/425/3/perspective/425/4/view>, 2015. {*Normanskaya Yu. V., Klyucheva M. A.* Dictionary of the Volga dialect of the Mari language (2015) // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/425/3/perspective/425/4/view>, 2015.}

Пекшеева, Федосеева 2020 — *Пекшеева Э. И., Федосеева Н. А.* Особенности перевода Четвероангелия на марийском языке 1906 года издания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 8. С. 271—274. {*Peksheeva E. I., Fedoseeva N. A.* Peculiarities of 1906 Meadow Mari Translation of Gospels // *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2020. Vol. 13. No. 8. P. 271—274.}

- Саваткова 2002 — *Саваткова А. А.* Горное наречие марийского языка. Сомбатхей, 2000. {*Savatkova A. A.* Hill dialect of the Mari language. Szombathely, 2000.}
- Сергеев 1994 — *Сергеев О. А.* О рукописных грамматиках второй половины XIX века А. Канцеровского и А. Смирнова // Финно-угроведение. 1994, 1. С. 100—106. {*Sergeev O. A.* On the handwritten grammars of the second half of the 19th century by A. Kantserovsky and A. Smirnov // *Finno-Ugric Studies*. 1994, 1. P. 100—106.}
- Сергеев 2016 — *Сергеев О. А.* Суффиксальный способ образования терминов в школьных переводных учебниках марийского языка 20—30-х гг. XX века (на материале отдельных книг) // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. *Р. А. Кудрявцева*. Йошкар-Ола, 2016. С. 81—84. {*Sergeev O. A.* Suffix Method of Formation of Terms in School Translated Textbooks of the Mari Language of the 1920s and 1930s. 20th century (based on selected books) // *Problems of Mari and Comparative Philology: A collection of papers / Mari State University*; ed. *R. A. Kudryavtseva*. Yoshkar-Ola, 2016. P. 81—84.}
- УСОЧ 1870 — Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей лугового населения. Казань, 1870. {*A simplified method of teaching Cheremis children of the Meadow population to read. Kazan, 1870.*}
- Учаев 1991 — *Учаев З. В.* Краткий грамматический очерк марийского языка // *Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В.* Марийско-русский словарь — Марла-рушла мутер. Йошкар-Ола, 1991. С. 463—509. {*Uchaev Z. V.* A concise grammatical sketch of the Mari language // *Vasiliev V. M., Savatkova A. A., Uchaev Z. V.* The Mari-Russian Dictionary — Marla-Rusla Muter. Yoshkar-Ola, 1991. P. 463—509.}
- Эман 1939 — *Эман С.* Дореволюционные письменные памятники на марийском языке // Труды МарНИИСК. Вып. 1. Козьмодемьянск, 1939. С. 42—62. {*Eman S.* Pre-revolutionary written monuments in the Mari language // *Papers of the MarNIISK*. Issue 1. Kozmodemyansk, 1939. P. 42—62.}
- Эман 1940 — *Эман С.* Дореволюционные письменные памятники на марийском языке // Труды МарНИИСК. Вып. 2. Козьмодемьянск, 1940. С. 119—149. {*Eman S.* Pre-revolutionary written monuments in the Mari language // *Papers of the MarNIISK*. Issue 2. Kozmodemyansk, 1940. P. 119—149.}
- Эрцикова 2020 — *Эрцикова Г. А.* Графико-орфографические особенности Евангелия 1821 года на марийском (горном) языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 1. С. 6—13. {*Ertikova G. A.* Graphical and spelling features of the Gospel of 1821 in the Hill Mari language // *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 6—13.}
- Beke 1997—2001 — *Beke Ö.* Mari nyelvjárásai szótár (= Tscheremissisches Wörterbuch). Т. I—IX. Szombathely, 1997—2001.
- Beke 1957 — *Beke Ö.* Mari szövegek (Tscheremissische texte). К. I. Budapest, 1957.

Графический анализ вокализма первого слога в ненецких словарях из архива А. М. Шёгрена

Ли Полина Игоревна, Институт системного программирования РАН (Москва),
Институт филологии СО РАН (Новосибирск); polina.li.14@mail.ru

В статье рассматриваются особенности графического отображения гласных первого слога в двух ненецких словарях из архива А. М. Шёгрена — пустозерского и обдорского. Материалы тех же словарей представлены в “Asia Polyglotta” Ю. Клапрота. Основой послужили самодийские словники Г. Ф. Миллера, собранные в ходе экспедиций XVIII в. По-видимому, А. М. Шёгрэн выполнил копию в 1841 г. с источника, «находящегося в библиотеке Эрмитажа». Сейчас архивные словники хранятся в архиве А. М. Шёгрена в Кунсткамере. В цифровом виде они представлены на сайте проекта LingvoDoc.

Анализ графических особенностей вокализма первого слога производится на фоне прасамодийских реконструкций Ю. Янхунена, на фоне современной литературной нормы ненецкого языка — «Ненецко-русского словаря» Н. М. Терещенко, «Морфологического словаря тундрового ненецкого языка» Т. Салминена, «Диалектологического словаря ненецкого языка» С. И. Бурковой и др.

Устанавливается предположительная диалектная принадлежность материалов словарей. Выявленные диалектные характеристики сопоставляются с современной ситуацией на территории записи словарей. Местность в районе Пустозерска географически относится к территории распространения центрального (большеземельского) диалекта. В одном слове запись пустозерского словаря XVIII в. совпадает с фонетической формой современного восточного варианта. При этом в еще одном слове фиксируется западный фонетический вариант. Территория записи обдорского словаря относится к территории проживания носителей восточных диалектов ненецкого языка. В обдорском словаре отмечается вариант, совпадающий с восточным вариантом.

Результаты сравнения представлены в виде таблиц; для каждой строки таблицы приводятся соответствующие примеры слов. Во многом рефлексы, представленные в пустозерском словаре, совпадают с современными. На месте реконструированных дифтонгоидов в пустозерском словаре, в отличие от современных словарей, представлены дифтонги. По сравнению с современными словарями в обдорском словаре рефлексы более разнообразны. На месте реконструируемых дифтонгоидов также употребляются дифтонги.

Отмечаются некоторые наиболее яркие особенности согласных первого слога. Например, в пустозерском словаре не фиксируется начальная /ŋ/, как и в реконструкциях; в обдорском словаре представлено три варианта записи.

Ключевые слова: ненецкий язык, первые ненецкие словари, историческая фонология, графика, гласные первого слога

THE GRAPHIC ANALYSIS OF THE FIRST SYLLABLE VOWEL SYSTEM IN NENETS DICTIONARIES FROM A. M. SJÖGREN'S ARCHIVE

Polina I. Li, Institute for System Programming, RAS (Moscow),
Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk); polina.li.14@mail.ru

This article describes the graphic features of the first syllable vowels in Pustozersk and Obdorsk dictionaries from A. M. Sjögren's archive.

The graphic analysis is carried out against the background of the Proto-Samoyed reconstructions by J. Janhunen, Nenets current literary norm, “Nenets-Russian Dictionary” by N. M. Tereschenko, “A Morphological Dictionary of Tundra Nenets Language” by T. Salminen, and “Dialectal Dictionary of the Nenets Language” by S. I. Burkova et al.

The dialectal features of the dictionaries are compared to the modern ones. The area of the Pustozersk region is referred to as the territory where the central (Bolshezemelskiy) dialect is spoken. In one word the graphic representation of the 18th century Pustozersk dictionary coincides with the form of the modern Eastern dialect word. At the same time, in another word, the Western variant is attested. The territory where the Obdorsk dictionary was recorded is the territory where the speakers of the Eastern dialects of the Nenets language reside. In the Obdorsk dictionary, a variant that coincides with the Eastern variant is recognized.

Some outstanding consonant features of the first syllable are also taken into consideration. For example, in the Pustozersk dictionary, the initial /ŋ/ is not represented graphically, as in Proto-Samoyedic reconstructions. The Obdorsk dictionary contains three graphic variants of the modern initial /ŋ/.

The results are presented in comparison tables. The word examples are presented accordingly. In many ways, the reflexes presented in the Pustozersk dictionary correspond with modern ones. The reconstructed diphthongoids are graphically represented by the diphthongs in the Pustozersk dictionary, which is not the case for modern dictionaries. In comparison with modern dictionaries, reflexes in the Obdorsk dictionary are more diverse. The diphthongs are also used in the place of reconstructed diphthongoids.

Key words: Nenets language, first Nenets dictionaries, historical phonology, graphics, first syllable vowel system

Введение

Материалом для данной статьи послужила рукопись “Samojedische Vocabularium” из архива А. М. Шёгрена [Шёгрэн 1825—1852, 1899]. Это список латинских слов с переводами на 13 наречий самоедского языка, расположенными в колонках. По данным описи, «копия списана Шёгреном в 1841 с подлинника, находящегося в библиотеке Эрмитажа» [Шёгрэн 1825—1852, 1899: 33—34].

Данные словники пересекаются с материалами архивных данных Г. Ф. Миллера XVIII в. Они же позже стали основой для самодийских словников в “Asia Polyglotta” [Klaproth 1823]. Места записи самодийских словников удалены от маршрута экспедиции Ю. Клапрота — Иркутска и Кавказа [Иодко 2011]. Это заставило Ю. Клапрота обратиться к имеющимся источникам для составления сравнительных словников, доказывающих языковое родство азиатских народов. В “Asia Polyglotta” приводится большое количество самодийских словников в разделе “Samojeden”: Uriangchai, Motoren, Koibalen, Karakash, Kamashen, Karassen, Turuchansk, Tawgi, Mangaseija, Laak-Ostiaiken, Tomskische, Ket, Tym, Narym, Obdorsk, Pustosersk Berezow, Tas [Klaproth 1823: 138]. Позднее словники были отдельно перепечатаны репринтным способом в “Samojedische Wörterverzeichnisse” К. Доннера [Donner 1932: 18—50].

Мы рассмотрим три колонки из рукописи А. М. Шёгрена: “Pustosersk”, “Obdorsk”, “Juraz”. Два первых топонима однозначно указывают на территорию проживания тундровых ненцев: Пустозерск (современный Ненецкий автономный округ), Обдорск (ныне — Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ). Языковой материал пустозерского и обдорского словарей относится к тундровому ненецкому языку [Nikolaeva 2014: 2; Коряков 2018: 164]. Третий словник был собран, по-видимому, в местности “Juraz”, описываемой как земля вдоль Северного Ледовитого океана между Обью и Енисеем. На проживание ненцев-«юраков» в районе реки Таз, протекающей между Обью и Енисеем, указывают Н. М. Терещенко [Терещенко 1956: 9] и Е. А. Хелимский [Хелимский 2000]. Юрацкий словарь является источником по исчезнувшему не позднее середины XIX в. диалекту [Хелимский 2000: 52], материал по которому был записан Г. Ф. Миллером в период с 1733 по 1743 г. Е. А. Хелимский в [Хелимский 2000: 50—55] характеризует диалект как «значительно отличавшийся как от тундрового, так и от лесного, но имевший черты, сближавшие его с энецким языком», и называет его старовосточным диалектом. Особенности данного ненецкого словаря и возможная территория распространения диалекта, таким образом, уже были подробно описаны Е. А. Хелимским.

Рис. 1. Карта Западной Сибири, независимой Татарии, Хивы, Бухары, составленная Ю. Клапротом, А. Бёрнсом, В. С. Пядищевым и др. (фрагмент) [Maps... 1844: 91] (выделены города Пустозерск (Poustozersk) и Обдорск (Obdorsk))

Пустозерский, обдорский и юрацкий словари были внесены М. П. Безеновой в электронную базу проекта “LingvoDoc” на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>¹. Первый упоминаемый словарь по тундровому

¹ Словарь пустозерского диалекта ненецкого языка:
<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1393/31602/perspective/1393/31603/view;>

ненецкому языку М. Кастрена относится только к 50-м годам XIX в. [Castrén 1855] (по [Nikolaeva 2014: 10]). Изучение архивных ненецких источников, как и в случае с мансийским [Кошелюк 2018: 218], позволяет ввести в исследовательский оборот неизвестные ранее материалы и получить новые данные для сравнительно-исторических исследований.

Мы благодарим рецензентов за многочисленные и ценные замечания к первоначальному варианту статьи.

Порядок работы

Слова в ненецких словарях на платформе “LingvoDoc” были проэтимологизированы нами, по возможности, к каждому слову была подобрана прасамодийская форма из [Janhunen 1977]. Слова, к которым не было найдено праформ, исключались из анализа. Затем были проанализированы рефлекссы прасамодийских гласных первого слога в пустозерском и обдорском словарях.

Графическое представление рефлекссов гласных в пустозерском и обдорском словарях мы сравним с материалами трех современных словарей. Во-первых, это «Ненецко-русский словарь» [Терещенко 1965]. В «Ненецко-русском словаре» представлена графика, которая сейчас является литературной нормой для ненецкого языка. Во-вторых, мы привлекаем материал “A Morphological Dictionary of Tundra Nenets” [Salminen 1998]. В записях данного словаря фонемы ненецкого языка представлены более дифференцированно и последовательно, чем в традиционном словаре [Терещенко 1965]. В-третьих, мы используем для сравнения «Диалектологический словарь ненецкого языка» [Буркова и др. 2010]. В словарях [Терещенко 1965; Salminen 1998] представлен материал центрального диалекта ненецкого языка, в [Буркова и др. 2010] — восточного диалекта. При отсутствии слова, точно совпадающего со словом из памятника, мы подбирали наиболее близкое однокоренное с соответствующим первым слогом.

Пустозерский и обдорский словари включают в себя небольшое количество лексических единиц: 212 и 241 соответственно.

Таблица 1. Графемы пустозерского и обдорского словаря, распределенные по рефлексам реконструированных звуков

Samojedischer Wortschatz (SW)	Пустозерский словарь (Пуст)	Обдорский словарь (Об)
*ā	а, я, е	ā, e
*â	а, я	а, á
*âj	аи, а[j]	аi
*ââ	—	а, á, é
*e	е, и	е, é
*e̯	и, ы, е	i, eé
*ej	и	é, i
*ê	а, я	а, á
*êj	аи	аi, e
*i	и, ы	i, í
*j	—	i, í
*j ~ *u	—	ú
*o	о	o, u
*ö	ю	—
*u	у, ю	u
*ü	ю	—
*uâ	—	ú

словарь обдорского диалекта ненецкого языка:

<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1393/32518/perspective/1393/32519/view;>

словарь юрацкого диалекта ненецкого языка:

[http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1393/33564/perspective/1393/33565/view.](http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1393/33564/perspective/1393/33565/view;)

1. Пустозерский словарь

Пустозерский словарь, по-видимому, записывался в населенном пункте Пустозерск. Пустозерск — небольшой город, существовавший с XV в. по 1960-е гг. на берегу озера Пусто, современное название которого — Городецкое [Игнатов 1990: 188]. Ближайший современный ориентир относительно других населенных пунктов — город Нарьян-Мар, расположенный примерно в 20 километрах от озера Городецкое.

Рис 2. Онлайн топографическая карта России — северная часть Европейской России. Масштаб 1:200000, в 1 см 2 км [http://www.etomesto.ru/map-atlas_topo-russia-nord/]

Эта местность географически относится к территории распространения центрального — большеземельского диалекта [Терещенко 1956].

Приведем общую таблицу, отражающую распределение графических рефлексов в реконструкциях, в памятнике и в современных словарях.

Таблица 2. Сравнение графем первого слога, соответствующих рефлексам прасамодийских гласных, в пустозерском и современных словарях

Samojedischer Wortschatz (SW)	Пустозерский словарь (Пуст)	Ненецко-русский словарь (Тер.)	A Morphological Dictionary of Tundra Nenets (Salm.)
*ä	а, я, е	я, е	а
*â	а, я	а, я	а
*âj	ан, а[j]	э	æ
*e	е, и	е	е
*e̯	и, ы, е	э, е	æ, e
*e̯j	и	и	í
*ê	а, я	а, ä, я	ø
*êj	ан	э	æ
*i	и, ы	и	í
*o	о	о	o
*ö	ю	ё	o
*u	у, ю	у, ю	u
*ü	ю	ю	u

Далее мы проиллюстрируем распределение примерами. Примеры сгруппированы по графеме реконструируемого звука из [Janhunen 1977].

ä → Пуст а, я, е; Тер. я, е; Salm. а*Пуст а, я**

- **äj-* ‘рот’ [SW: 20] → Пуст **наль** ‘рот’; *ня* ‘(н) ‘рот’ [Тер.: 362]; *nyah* [Salm.: 267]
 jäckä* ‘дым’ [SW: 39] ‘дым (в помещении)’ → Пуст **яка ‘дым’; *якэ* ‘дым’ [Тер.: 832]; *yak°* [Salm.: 61]
 jäm* ‘море’ [SW: 40] → Пуст **ямь ‘море’; *ям* ‘море’ [Тер.: 841]; *yam* (~ *yaw°*) [Salm.: 288]
 järä-* ‘плакать’ [SW: 38] → Пуст **ярга ‘плачу’; *ярць* ‘плакать’ [Тер.: 853]; *yar-* (~ *yær*) [Salm.: 345]
 mät* ‘чум, дом’ [SW: 90] → Пуст **мять ‘дом’; Об **тjя** ‘дом’; *мя* ‘(д) ‘чум’ [Тер.: 280]; *myaq* [Salm.: 324]
 när* ‘красный’ [SW: 107] → Пуст **няркана ‘красный’; *няръяна* ‘красный’ [Тер.: 359]; *nyar°уана* [Salm.: 197]
 rä* ‘древесина, дерево, лес’ [SW: 117] → Пуст **пя ‘дерево’; *ня* ‘дерево’ [Тер.: 508]; *pya* [Salm.: 234]

Пуст е

- **jälä* ‘свет, день, солнце’ [SW: 40] → Пуст **еле** ‘день’; *яля* ‘день’ [Тер.: 838]; *Salm. yalya* [Salm.: 232]
 nä* ‘товарищ, брат, сестра’ [SW: 106] → Пуст **нека ‘брат’; *нинека* ~ *няка* ~ *нека* (вост.) ‘старший брат’ [Тер.: 313, 341, 293]; *nyinyeka* ~ *nya°ka* ~ *nye°ka* [Salm.: 180—181]

***ä → Пуст а, я; Тер. а, я; Salm. а**

- **ämtä-* ‘сидеть’ [SW: 17] → Пуст **амды** ‘сизу’; Об **amdürtsche** ‘стул’; *ямдäсь* ‘сесть, усесться куда-л., на что-л.’ [Тер.: 377]; *ngamtø-* [Salm.: 496]
 ärä* ‘величина’ [SW: 19] → Пуст **арка ‘высокий’; Об **arkä** ‘большой’; *уарка* ‘большой, крупный; рослый’ [Тер.: 385]; *ngarka* [Salm.: 183]
 pärkä* ‘одежда, мех’ [SW: 116] → Пуст **пакь ‘парка’; *парка* ‘парка (верхняя меховая одежда мужчины)’ [Тер.: 448]; *parka* [Salm.: 183]
 wäncä* ‘корень’ [SW: 171] → Пуст **вань ‘корень’; *вано* ‘корень’ [Тер.: 41]; *wango* [Salm.: 305]

Кроме того, зафиксирован один случай графемы **ä** в качестве рефлекса *ä в пустозерском словаре. Это единственное употребление графемы **ä** в Пуст:

- **särä* ‘дождь’ [SW: 135] → Пуст **сärь** ‘дождь’; *сарë* ‘дождь’ [Тер.: 534]; *saryo* [Salm.: 312]

***äj → Пуст аи, ај; Тер. э; Salm. æ**

- **äj* ‘ступня’ [SW: 17] → Пуст **аи** ‘ноги’; *уэ* ‘нога (человека)’ [Тер.: 411]; *ngæ* [Salm.: 497]
 jä* ‘сырой’ [SW: 17] → Пуст **аюма ‘сырой, влажный, мокрый’; *уяйбэй* ‘сырой, невареный (о мясе, рыбе)’ [Тер.: 391]; *ngayabej°* [Salm.: 159]
 äjwä* ‘голова’ [SW: 17] → Пуст **аипа ‘голова’; *уэва* ‘голова’ [Тер.: 412—413]; *ngæwa* [Salm.: 497]. Фонема /w/ фиксируется как взрывной смычный **п**.
 räjjä* ‘постель из меха’ [SW: 115] → Пуст **паига ‘постель’; *пэна* ‘постель из оленьих шкур’ [Тер.: 504]; *paenga* [Salm.: 502]. Фонема /ŋ/ в интервокальной позиции в пустозерском словаре передается графемой **г**.

e → Пуст е, и; Тер. е; Salm. е*Пуст е**

- **merkä* ‘ветер’ [SW: 93] → Пуст **мерць** ‘ветер’; *мерця* ‘ветер’ [Тер.: 249—250]; *myercya* [Salm.: 231]
 ne* ‘женщина’ [SW: 100] → Пуст **неманзара ‘служанка’; *не* ‘женщина’ [Тер.: 290—291]; *nye* [Salm.: 242]
 sejä* ‘сердце’ [SW: 139] → Пуст **сеи ‘сердце’; *сей* ‘сердце’ [Тер.: 542—543]; *syey°* [Salm.: 166]
 wesä* ‘железо’ [SW: 175] → Пуст **езе ‘железо’; *еся* ‘железо’ [Тер.: 111]; *yesyä* [Salm.: 235]. В пустозерском словаре представлено озвончение *s > z*, которое отсутствует в более современных источниках и в обдорском словаре.

Пуст и

- **etä* ‘мать’ [SW: 23] → Пуст **нивя** ‘мать’; *небя* ‘мать’ [Тер.: 291]; *nyebuä* [Salm.: 228]. В пустозерской записи **нивя** отражается фонетическая особенность, свойственная западным диалектам ненецкого языка ([в] в интервокальной позиции в слове *небя*), которая не фиксируется в обдорском словаре.

te³sɜ* ‘быть холодным’ [SW: 159] → Пуст **тиче ‘холодный’; *тецъда* ‘холодный’ [Тер.: 652]; *туесу^oda* [Salm.: 175]

ɛ* → Пуст **и, ы, е; Тер. *э, е*; Salm. *æ, e*

В пустозерском словаре реконструируемый звук **ɛ* в зависимости от позиции реализуется в виде различных графем:

*#_C: **ɛ* > Пуст **и**; Тер. *э*; Salm. *æ*

*C_C: **ɛ* > Пуст **ы**; Тер. *э*; Salm. *e*

*C_i_C: **ɛ* > Пуст **е**; Тер. *е*; Salm. *e*

Пуст **и**

*#_C: **ɛ* > Пуст **и**; Тер. *э*; Salm. *æ*

eptâ* ‘волосы (на голове)’ [SW: 21] → Пуст **ипть ‘волосы’; *уэбт* ‘волосы’ [Тер.: 412]; *ngæb^ota* [Salm.: 205]

Пуст **ы**

*C_C: **ɛ* > Пуст **ы**; Тер. *э*; Salm. *e*

ser* ‘лед’ [SW: 138] → Пуст **сырь ‘лед’; *сэр* ‘лед’ [Тер.: 586]; *ser* [Salm.: 347]

Пуст **е**

*C_i_C: **ɛ* > Пуст **е**; Тер. *е*; Salm. *e*

ner* ‘ива’ [SW: 108] → Пуст **нерка ‘ива’; *нерка* ‘ива’ [Тер.: 302]; *nyerka* [Salm.: 183]

ej* → Пуст **и; Тер. *и*; Salm. *i*

Из дифтонгоида **ej* в современном ненецком языке развивается долгая гласная фонема /i/. Она передается графически (графема *i*) только в словаре Т. Салминена. В пустозерском словаре и в словаре Н. М. Терещенко на ее месте выступает графема **и**.

ejsä* ‘отец’ [SW: 22] → Пуст **низя ‘отец’; *нися* ‘отец’ [Тер.: 315]; *nyisya* [Salm.: 494]. В пустозерском словаре графически передается озвончение в интервокальной позиции *s* > *z*.

sejt³wâ* ‘семь’ [SW: 139] → Пуст **сиу ‘семь’; *си³ив* ‘семь’ [Тер.: 564]; *syiqw^o* [Salm.: 150]

â* → Пуст **а, я; Тер. *а, ä, я*; Salm. *ø*

Как и в случае со звуком, обозначаемым в праформах графемой **ɛ*, графическая реализация рефлексов **â* зависит от позиции:

*C_C, *#_C: **â* > Пуст **а**; Тер. *а, ä*; Salm. *ø*

*C_i_C: **â* > Пуст **я**; Тер. *я*; Salm. *ø*

âmsâ* ‘мясо’ [SW: 15] → Пуст **амза ‘мясо’; *намза* ‘мясо’ [Тер.: 380]; *ngømsa* [Salm.: 172]

ântaj* ‘лодка’ [SW: 15] → Пуст **ано ‘лодка’; *уано* ‘лодка, судно’ [Тер.: 383—384]; *ngøno* [Salm.: 305]

târä* ‘белка’ [SW: 149] → Пуст **тареко ‘белка’; *търяв* ‘белка’ [Тер.: 638]; *търяха* (ям.) [Тер.: 638]; *toryaw^o* [Salm.: 149]

wârkâ* ‘медведь’ [SW: 170] → Пуст **варкъ ‘медведь’; *вâрк* ‘медведь’ [Тер.: 46]; *wørk^o* [Salm.: 75]

jâkâ* [SW: 35] → Пуст **яга ‘река’; *яха* ‘река’ [Тер.: 855]; *yax^o* [Salm.: 151]

âj* → Пуст **аи; Тер. *э*; Salm. *æ*

Из дифтонгоида **âj* в современном ненецком языке развивается долгая гласная фонема /æ/, которая в словаре Н. М. Терещенко передается графемой *э*. В тексте памятника сохраняется графическое представление дифтонгоидной природы звука: буквосочетание **аи**.

wâjjs-* ‘старик, муж’ [SW: 169] → Пуст **ваизако ‘муж’; *вэсако* ‘старик, муж’ [Тер.: 77]; *wæsaiko* [Salm.: 298]

pâj* ‘камень’ [SW: 112] → Пуст **пай ‘камень’; *пэ* ‘камень’ [Тер.: 500]; *pæ* [Salm.: 237]

sâjmä* ‘глаз’ [SW 1977: 132] → Пуст **саива ‘глаза’; *сэв* ‘глаз’ [Тер.: 579—580]; *sæw^o* [Salm.: 150]

i → Пуст и, ы; Тер. и; Salm. i*Пуст и**

limpā* [SW: 83] → Пуст **лимба ‘орел’; *лимбя* ‘орел’ [Тер.: 191]; *lyimpya* [Salm.: 234]

reptān* ~ *riptān* [SW: 122] → Пуст **питче ‘губа’; *пибтя* ‘нижняя губа’ [Тер.: 461]; *pyibtyih* [Salm.: 269]

pi* ‘ночь’ [SW: 123] → **yer* ‘середина’ [SW: 43] → Пуст **пиерене ‘полночь’; *пи’ер* ‘полночь’ [Тер.: 461]; *pyi* [Salm.: 273]

pisz* ‘смеяться’ [SW: 126] → Пуст **писинга ‘смеюсь’; *писяньз* ‘смеяться’ [Тер.: 471]; *pyisyøh-* [Salm.: 264]

pitmä* ‘брюки’ [SW: 127] → Пуст **пиме ‘штаны’; *пи’мя* ‘брюки, штаны’ [Тер.: 472]; *pyiqmya* [Salm.: 233]

tiä* ‘облако’ [SW: 162] → Пуст **тирь ‘облако’; *тир* ‘облако’ [Тер.: 661]; *tyir°* [Salm.: 132]

tirämä* ~ **türämä* ‘икра (рыбья)’ [SW: 163] → Пуст **тириве ‘икринки’; *тиребя* ‘икра’ [Тер.: 662]; *tyiryeyya* [Salm.: 228]

wit* ‘вода’ [SW: 176] → Пуст **гий ‘вода’; *и”(ð)* ‘вода’ [Тер.: 152—153]; *yiq* [Salm.: 329]. В записи пустозерского словаря представлено начальное г на месте /w/ в реконструкции.

Пуст ы

wiŋkãncä* ‘росомаха’ [SW: 176] → Пуст **ыгинепандь ‘росомаха’; *иүгней* ‘росомаха’ [Тер.: 146]; *yingk'nyey°* [Salm.: 146]

***o → Пуст о; Тер. о; Salm. o**

poäj* ‘год’ [SW: 127] → Пуст **по ‘год’; *по* ‘год’ [Тер.: 473]; *po* [Salm.: 305]

to* ‘озеро’ [SW: 164] → Пуст **то ‘озеро’; *то* ‘озеро’ [Тер.: 664]; *to* [Salm.: 306]

***ö → Пуст ю; Тер. ё; Salm. o**

ö* ‘дверь’ [SW: 29] → Пуст **ню ‘дверь’; *нё* ‘входное отверстие чума’ [Тер.: 307]; *nyo* [Salm.: 310]

u → Пуст у, ю; Тер. у, ю; Salm. u*Пуст у**

utå* ‘рука’ [SW: 30] → Пуст **уда ‘рука’; *иуда* ‘рука’ [Тер.: 402]; *nguda* [Salm.: 180]. Начальная графема, соответствующая /ŋ/, в пустозерском словаре отсутствует.

tuj* ‘огонь’ [SW: 166] → Пуст **ту ‘огонь’; *ту* ‘огонь’ [Тер.: 673]; *tu* [Salm.: 368]

munt'äj'szɛn* ‘борода’ [SW: 96] → Пуст **мунида ‘борода’; *муноць* ‘борода’ [Тер.: 263]; *munocyh* [Salm.: 262]

piä* ‘спина’ [SW: 129] → Пуст **пунюна ‘назад’; *пүняна* ‘позади, сзади’ [Тер.: 490]; *pungi°* [Salm.: 58]

Пуст ю

jurå* ‘теплый’ [SW: 47] → Пуст **юба ‘теплый’; *юбэй* ‘оттаявший, растаявший’ [Тер.: 810]; *yubey°* [Salm.: 160]

***ÿ → Пуст ю; Тер. ю; Salm. u**

jür* ‘жир’ [SW: 50] → Пуст **юръ ‘жир’; *юр”* ‘жир’ [Тер.: 817]; *yur* [Salm.: 367]

Выводы по пустозерскому словарю

Запись пустозерского словаря не всегда последовательна: единственный раз встречается графема **á** в слове Пуст **сáрь** ‘дождь’.

В пустозерском словаре не отображаются краткие гласные, которые иногда фиксируются в словаре Тер. и наиболее последовательно — в словаре Salm.

При большом количестве примеров на **ä* → Пуст **а, я**, в Пуст встречаются написания **ä* → Пуст **е**, например **еле** ‘день’ и **нека** ‘брат’. Тот же графический вариант **нека** ‘брат’ в современном словаре Тер.

отмечается как восточный. Таким образом, несмотря на место создания, запись пустозерского словаря XVIII в. отражает фонетическую форму современного восточного варианта.

При этом в пустозерской записи рефлекса **e* в слове **нивя** фиксируется западный фонетический вариант.

В зависимости от позиции распределяются графические рефлексы реконструируемого **e* → Пуст **и, ы, е**. То же позиционное чередование наблюдается в современных словарях: *уэбт* ‘волосы’ [Тер.: 412]; *ngæbʰta* [Salm.: 205]; *сэп* ‘лед’ [Тер.: 586]; *ser* [Salm.: 347]; *нерка* ‘ива’ [Тер.: 302]; *nyerka* [Salm.: 183]. В Salm., однако, в начале слова гласный передается графемой *æ*.

Реконструированному **ə* соответствуют графемы Пуст **а, я**. В Тер. на месте **ə* отмечаются графемы *а, я*, передающие звуки обычной длительности. У Salm. на месте **ə* последовательно фиксируется графема для краткого звука: *ø*. Это указывает на графическое неразличение длительности гласных звуков в пустозерском словаре XVIII в. Частичное графическое неразличение наблюдается в современном словаре Тер.

Рефлексy **i, *o, *u, *ü* графически единообразны как в памятнике, так и в новых словарях ненецкого языка. Из этого ряда выбивается **ö*: в пустозерском словаре отмечается графема **ю**, тогда как у Тер. фиксируется *ë*, у Salm. — *o*.

Наблюдаются различия в графической фиксации рефлексов реконструированных дифтонгоидов **aj, *ej, *əj*.

Рефлексy дифтонгоидов **aj* и **əj* в пустозерском словаре совпали в единой графической реализации: **аи** и **а[й]**. Эта графема отражает дифтонгический характер звука, по-видимому, сохранявшийся в XVIII в. В словаре Тер. на месте рефлексов **aj* и **əj* графема *э*, в словаре Salm. — *æ*. С помощью *æ* Salm. обозначает более долгий и открытый звук, указывая на его дифтонгическое происхождение. Таким образом, запись словаря XVIII в. представляется более архаичной.

Дифтонгическое происхождение рефлекса **ej* уже в пустозерском словаре XVIII в. не передается графически. Для передачи рефлекса **ej* в Пуст и Тер. используется графема **и**. Только в Salm. зафиксирована графема *í*, отражающая древнюю дифтонгическую природу гласного звука.

К другим графическим особенностям первого слога в пустозерском словаре можно отнести фиксацию начальной /*ŋ*/. В реконструкциях не фиксируется начальная /*ŋ*/. В пустозерском словаре также отсутствуют графемы для рефлекса начальной /*ŋ*/:

árə* ‘величина’ [SW: 19] → Пуст **арка ‘высокий’; Об **arkà** ‘большой’; *уарка* ‘большой, крупный; рослый’ [Тер.: 385]; *ngarka* [Salm.: 183];

ámtə*- ‘сидеть’ [SW: 17] → Пуст **амды ‘сизу’; Об **amdürtsche** ‘стул’; *уамдäсь* ‘сесть, усесться куда-л., на что-л.’ [Тер.: 377]; *ngamtø*- [Salm.: 496];

aj* ‘ступня’ [SW: 17] → Пуст **аи ‘ноги’; *уэ* ‘нога (человека)’ [Тер.: 411]; *ngæ* [Salm.: 497];

ajä* ‘сырой’ [SW: 17] → Пуст **аюма ‘сырой, влажный, мокрый’; *уайбэй* ‘сырой, невареный (о мясе, рыбе)’ [Тер.: 391]; *ngayabey*^o [Salm.: 159];

ajwä* ‘голова’ [SW: 17] → Пуст **аипа ‘голова’; *уэва* ‘голова’ [Тер.: 412—413]; *ngæwa* [Salm.: 497];

eptə* ‘волосы (на голове)’ [SW: 21] → Пуст **ипть ‘волосы’; *уэбт* ‘волосы’ [Тер.: 412]; *ngæbʰta* [Salm.: 205].

Графические реализации отмечаются только в современных словарях: у Тер. и *ng* Salm.

Был зафиксирован один пример из пустозерского словаря, в котором рефлекс начальной /*w*/ из реконструкции был представлен графемой **г**: **гий** ‘вода’.

2. Обдорский словарь

Обдорский словарь записывался к юго-востоку от Пустозерска, в городе Обдорск. Обдорск — старое название современного города Салехард, столицы Ямало-Ненецкого автономного округа. На территории ЯНАО проживают носители восточных диалектов тундрового ненецкого языка. В «Диалектологическом словаре ненецкого языка» [Буркова и др. 2010: 3] приводится материал нескольких диалектов, распространенных в Ямало-Ненецком автономном округе: это ямальский, приуральский, тазовский, гыданский, антипаютинский говоры, но, «строго говоря, выделение этих говоров весьма условно, так как достоверной исчерпывающей информацией об их особенностях современная самоэнология не располагает» [там же].

Приведем общую таблицу графем-рефлексов реконструированных звуков, графем обдорского словаря, современных словарей (Табл. 3).

Таблица 3. Сравнение графем первого слога, соответствующих рефлексам прасамодийских гласных, в обдорском и в современных словарях

Samojedischer Wortschatz (SW)	Обдорский словарь (Об)	Ненецко-русский словарь (Тер.)	A Morphological Dictionary of Tundra Nenets (Salm.)	Диалектологический словарь ненецкого языка (ДС)
*ä	ä, e	я	a	я
*á	a, á	а	a	а
*áj	ai	э	æ	э
*âê	a, á, é	а	a	а
*e	e, é	е	e	е
*ej	é, i	и	i	-
*ė	i, eé	э	e	э
*eê	y	ы	i	-
*ê	a, á	а, я	ø	а, я
*êj	ai, e	э	æ	э
*i	i, í	и	i	и
*j	i, y	ы	i	ы
*j ~ *u	ú	ы	i	ы
*o	o, u	о	o	о
*u	u	у	u	у
*uê	ú	ӯ	u	у

*ä → Об ä, e; Тер. я; Salm. a; ДС я

Об ä*äŋ- 'рот' [SW: 20] → Об **njän** 'рот'; ня'(н) 'рот' [Тер.: 362]; *nyah* [Salm: 267]; ня'(н) 'рот' [ДС: 101—102]*mät 'чум, дом' [SW: 90] → Об **mjä** 'дом'; мя''(ð) 'чум' [Тер.: 280]; *myaq* [Salm.: 324]; мя''(ð) 'чум' [ДС: 74]*när 'красный' [SW: 107] → Об **njárkana** 'красный'; *nyarjána* 'красный' [Тер.: 359]; *nyar^oyana* [Salm.: 197]; *narjána* ~ *nyarjána* 'красный' [ДС: 76, 100]*pā 'древесина, дерево, лес' [SW: 117] → Об **pjä** 'дерево'; ня 'дерево' [Тер.: 508]; *pya* [Salm.: 234]; ня 'дерево' [ДС: 148]**Об e***jälä 'свет, день, солнце' [SW 1977: 40] → Об **jellè** 'день'; яля 'день' [Тер.: 838]; *yalya* [Salm.: 232]; яля 'день' [ДС: 173]

*á → Об a, á; Тер. a; Salm. a; ДС a

Об a*ämtä- 'сидеть' [SW: 17] → Об **amdürtsche** 'стул'; *yamdäc̄s̄* 'сесть, усесться куда-л., на что-л.' [Тер: 377]; *ngamtø-* [Salm.: 496]; *yamdër̄c̄s̄'(n)* 'место для сиденья' [ДС: 108]*ârâ 'величина' [SW: 19] → Об **arkà** 'большой'; *nar̄ka* 'большой, крупный; рослый' [Тер.: 385]; *ngarka* [Salm.: 183]; *yar̄ka* 'большой' [ДС: 110—111]*kålmz 'мертвый, привидение' [SW: 59] → Об **chalmèr** 'мертвый'; *xal̄mer* 'труп' [Тер.: 728]; *xal̄myer^o* [Salm.: 132]; *xal̄mer* 'труп' [ДС: 159]*kâpâ- 'кастрировать' [SW: 60] → Об **chapti** 'мерин'; *xab̄t* 'кастрированный олень' [Тер.: 709]; *xab̄t^o* [Salm.: 529]; *xab̄t* 'кастрированный олень' [ДС: 157]*kâsâ- 'сухой' [SW: 60] → Об **chasúi** 'сухой'; *xasyū* 'сухой' [Тер.: 757]; *xasyu^o* [Salm.: 531]; *xasyū* 'сухой' [ДС: 162]*kâw 'ухо' [SW: 63] → Об **chau** 'уши'; ха 'ухо' [Тер.: 707]; ха [Salm.: 226]; ха 'ухо' [ДС: 157]Рефлекс реконструированного начального *k графически передается в обдорском словаре как **ch**, в словаре Тер. и ДС как *x*, в словаре Salm. — как *x*.*sârâ 'дождь' [SW: 135] → Об **sarū** 'дождь'; *capë* 'дождь' [Тер: 534]; *saryo* [Salm.: 312]; *capë* 'дождь' [ДС: 152]

Об á

kälä* ‘рыба’ [SW: 59] Об **chälle ‘рыба’; *халя* ‘рыба’ [Тер.: 729]; *xalya* [Salm.: 241]; *халя* ‘рыба’ [ДС: 159]

áj* → **Об ai; Тер. э; Salm. æ; ДС э

áj* ‘ступня’ [SW: 17] → Об **ngai ‘ноги’; *уэ* ‘нога (человека)’ [Тер.: 411]; *ngæ* [Salm.: 497]; *уэ* ‘нога’ [ДС: 120]

ájwá* ‘голова’ [SW: 17] → Об **ngaiwa ‘голова’; *уэва* ‘голова’ [Тер. 412—413]; *ngæwa* [Salm.: 497]; *уэва* ‘голова’ [ДС: 121—122]

áð* → **Об а, á, é; Тер. а; Salm. а; ДС а

Об а

káð-* ‘умереть’ [SW: 56] → Об **chaui ‘мертвый’; *хабэй* ‘мертвый’ [Тер.: 711]; *xabeu*^o [Salm.: 159]; *ха-бэй* ‘мертвый’ [ДС: 157]

káðsá* ‘мужчина, человек’ [SW: 61] → Об **chasoau ‘муж’; *хасава* ‘мужчина’ [Тер.: 755]; *xasawa* [Salm.: 226]; *хасава* ‘муж’ [ДС: 162]

Об á

káát* ‘ель’ [SW: 61] → Об **chády ‘ель’; *хады* ‘ель’ [Тер.: 719]; *xadi* [Salm.: 272]; *хады* ‘ель’ [ДС: 158]

Об é

wáncə* ‘корень’ [SW: 171] → Об **wénnu ‘корень’; *вано* ‘корень’ [Тер.: 41]; *wango* [Salm.: 305]; *вано* ‘корень’ [ДС: 12]

e* → **Об е, é, i; Тер. е; Salm. е; ДС е

Об е

terkä* ‘ветер’ [SW: 93] → Об **mertsche ‘ветер’; *мерця* ‘ветер’ [Тер.: 249—250]; *туерсуа* [Salm.: 231]; *мерця* ‘ветер’ [ДС: 62—63]

ne* ‘женщина’ [SW: 100] → Об **neu ‘девочка’; *не* ‘женщина’ [Тер.: 290—291]; *пуе* [Salm.: 242]; *не* ‘женщина’ [ДС: 77]

ner* ‘ива’ [SW: 108] → Об **nerò ‘ива’; *неро* ‘ивняк, тальник (кустарник)’ [Тер.: 303]; *пуеро* [Salm.: 305]; *неро* [ДС: 82]

sejə* ‘сердце’ [SW: 139] → Об **sei ‘сердце’; *сей* ‘сердце’ [Тер.: 542—543]; *syey*^o [Salm.: 166]

Об é

emä* ‘мать’ [SW: 23] → Об **nébe ‘мать’; *небя* ‘мать’ [Тер.: 291]; *пуебуа* [Salm.: 228]; *небя* ‘мать’ [ДС: 78]. В обдорском словаре зафиксирован восточный вариант слова ‘мать’.

wekánpá* [SW: 174] → Об **jéna ‘осетр’; *ехэна* ‘осетр’ [Тер.: 113]; *уехана* [Salm.: 197]; *ехэна* ‘осетр’ [ДС: 27]

wesä* ‘железо’ [SW: 175] → Об **jése ‘железо’; *еся* ‘железо’ [Тер.: 111]; *уесуа* [Salm.: 235]; *еся* ‘железо’ [ДС: 26]

Об i

teřsz* ‘быть холодным’ [SW: 159] → Об **titschè ‘холодный’; *тецьда* ‘холодный’ [Тер.: 652]; *туесу^oda* [Salm.: 175]

ej* → **Об é, i; Тер. u; Salm. í; ДС u

Об é

ejsä* ‘отец’ [SW: 22] → Об **nése ‘отец’; *нися* ‘отец’ [Тер.: 315]; *пуýсуа* [Salm.: 494]; *нися* ‘отец’ [ДС: 87]

Об i

sejt³wâ* ‘семь’ [SW: 139] → Об **siu ‘семь’; *cu”ïv* ‘семь’ [Тер.: 564]; *syiqw^o* [Salm.: 150]

ɛ* → Об **i, eé; Тер. **э**; Salm. **e, æ**; ДС **э**

Об i

lempårå* ‘грудь’ [SW: 82] → Об **limbara ‘грудь’; *лэмбара* ‘грудь’ [Тер.: 202]; *lempara* [Salm.: 203]; ДС *лэмбара* ‘грудь’ [ДС: 48]

ser-* ‘лед’ [SW: 138] → Об **sir ‘соль’; *сэр”* ‘лед’ [Тер.: 586]; *ser* [Salm.: 347]

ser-* ‘лед’ [SW: 138] → Об **sirapta ‘град’; *сэрапт”(ð)* ‘гололедица’ [Тер.: 584]; *ser* [Salm.: 347]

Об eé

ɛptâ* ‘волосы (на голове)’ [SW: 21] → Об **ngeépta ‘волосы’; *уэпт* ‘волосы’ [Тер.: 412]; *ngæb^{ta}* [Salm.: 205]; *уэпт* ‘волосы’ [ДС: 120—121]

ɛâ* → Об **y; Тер. **ы**; Salm. **i**

t^lɛâ* ‘северный олень’ [SW: 155] → Об **ty ‘благородный олень’; *ты* ‘благородный олень’ [Тер.: 678]; *ti* [Salm.: 272]

â* → Об **a, á; Тер. **a, я**; Salm. **ø**; ДС **a, я**

Об a

âmsâ* ‘мясо’ [SW: 15] → Об **amsâ ‘мясо’; *уамза* ‘мясо’ [Тер.: 380]; *ngømsa* [Salm.: 172]; *уамза* ‘мясо’ [ДС: 108]

ântaj* ‘лодка’ [SW: 15] → Об **anù ‘лодка’; *уано* ‘лодка, судно’ [Тер.: 383—384]; *ngøno* [Salm.: 305]; *уано* ‘лодка’ [ДС: 109]

jàkâ* ‘река’ [SW: 35] → Об **ja ‘река’; *яха* ‘река’ [Тер.: 855]; *уøха* [Salm.: 277]; *яха* ‘река’ [ДС: 177]

kâncâ* ‘нарта’ [SW: 52] → Об **chan ‘нарта’; *хан* ‘нарта’ [Тер.: 734]; *xøn^o* [Salm.: 89]; *хан* ‘нарта’ [ДС: 160]

kârâ* ‘нож’ [SW: 54] → Об **char ‘нож’; *хар* ‘нож’ [Тер.: 745]; *xør^o* [Salm.: 130]; *хар* ‘нож’ [ДС: 161]

lâmtz* ‘низкий’ [SW: 81] → Об **lamdú ‘низкий’; *ламдик* ‘низкий’ [Тер.: 174]; *lømtvik^o* [Salm.: 480]; *ламдо* ‘низкий’ [ДС: 42]

mâkâ* [SW: 85] → Об **ma ‘спина’; *маха* ‘спина’ [Тер.: 242]; *møха* [Salm.: 227]; *маха* ‘спина’ [ДС: 60]

târ* ‘волосы (на теле)’ [SW 1977: 149] → Об **tar ‘волос на теле человека и животного’; *tør* [Salm.: 341]

Об á

târâ* ‘белка’ [SW: 149] → Об **târreku ‘белка’; *търряв* ‘белка’ [Тер.: 638]; *търряха* (ям.) [Тер.: 638]; *tøryaw^o* [Salm.: 149]

âj* → Об **e, ai; Тер. **э**; Salm. **æ**; ДС **э**

Об ai

pâj* ‘камень’ [SW: 112] → Об **pai ‘камень’; *пэ* ‘камень’ [Тер.: 500]; *pæ* [Salm.: 237]; *пэ* ‘камень’ [ДС: 144]

Об e

sâjmä* ‘глаз’ [SW: 132] → Об **seu ‘глаз’; *сэв* ‘глаз’ [Тер.: 579—580]; *sæw^o* [Salm.: 150]

i* → Об **i, í; Тер. **и**; Salm. **i**; ДС **и**

Об i

irz* ~ **jirz* ‘луна, месяц’ [SW: 28] → Об **jirri ‘месяц, луна’; *иры* (вост.), *ирий* ‘луна, месяц’ [Тер.: 150, 147]; *yiryi* [Salm.: 274]; *иры* ‘месяц, луна’ [ДС: 38]

kittä* ‘два’ [SW: 71] → Об **siddè ‘два’; ‘два’ [Тер.: 557]; *syidyа* [Salm.: 513]

reptän* ~ *riptän* ‘губы’ [SW: 122] → Об **pitte ‘губы’; *нибтя* ‘нижняя губа’ [Тер.: 461]; *pyibtyih* [Salm.: 269]; *нибти* ‘нижняя губа’ [ДС: 133]

pi* ‘ночь’ [SW: 123] → Об **pi ‘ночь’; *ни* ‘ночь’ [Тер.: 461]; *pyi* [Salm.: 273]; *ни* ‘ночь’ [ДС: 133]

pirâ* ‘высота’ [SW: 125] → Об **pirritschè ‘высокий’; *пириця* ‘высокий’ [Тер.: 469]; *pyircya* [Salm.: 505]; *пириця* ‘высокий’ [ДС: 136]

pi'mä* ‘брюки’ [SW: 127] → Об **pimjä ‘штаны’; *ни*’мя ‘брюки, штаны’ [Тер.: 472]; *pyiqmyа* [Salm.: 233]; *ни*’мя ‘штаны’ [ДС: 136]

tiâ* ‘облако’ [SW: 162] → Об **tir ‘облако’; *тир* ‘облако’ [Тер.: 661]; *tyir°* [Salm.: 132]

tirämä* ~ **türämä* ‘икра (рыбья)’ [SW: 163] → Об **tiribe ‘икринки’; *тиребя* ‘икра’ [Тер.: 662]; *tyiryе-буа* [Salm.: 228]

wit* ‘вода’ [SW: 176] → Об **ji ‘вода’; *и*’(ð) ‘вода’ [Тер.: 152—153]; *yiq* [Salm.: 329]; *и*’(ð) ‘вода’ [ДС: 39]

Об í

limpä* [SW: 83] → Об **limbe ‘орел’; *лимбя* ‘орел’ [Тер.: 191]; *lyimpyа* [Salm.: 234]; *лимбя* ‘орел’ [ДС: 45]

j* → Об **i, **y**; Тер. **ы**; Salm. **i**; ДС **ы**

Об i

sirâ* ‘снег’ [SW: 140] → Об **sire ‘снег’; *сыра* ‘снег’ [Тер.: 574]; *sira* [Salm.: 204]; *сыра* ‘снег’ [ДС: 45]

títâjâñ* ‘кедр’ [SW: 160] → Об **tiddi ‘кедр’; *тыдэ*’(н) ‘кедр’ [Тер.: 679]; *tideh* [Salm.: 267]; *тыдэ* ‘кедр’ [ДС: 48]

Об y

intâ* ‘лук (оружие)’ [SW: 25] → Об **gyn ‘лук’; *уын* ‘лук’ [Тер.: 409]; *ngin°* [Salm.: 92]; *уын* ‘лук’ [ДС: 119]. В слове **gyn** ‘лук’ наблюдается третий вариант передачи начальной /ŋ/ — через графему **g**. Не передается назализованный характер звука. Этот пример в обдорском словаре единичен.

j* ~ **u* → Об **ú; Тер. **ы**; Salm. **i**; ДС **y**

rijâ* ~ **rija* ‘нос’ [SW: 122] → Об **ruie ‘нос’; *ныя* ‘нос’ [Тер.: 499]; *riya* [Salm.: 503]; *ныя* ‘нос’ [ДС: 144]

o* → Об **o, **u**; Тер. **o**; Salm. **o**; ДС **o**

Об o

korâ* ‘шкура, кожа’ [SW: 73] → Об **chobâ ‘постель’; *хоба* ‘шкура’ [Тер.: 766]; *xoba* [Salm.: 533]; *хоба* ‘шкура’ [ДС: 45]

to* ‘озеро’ [SW: 164] → Об **to ‘озеро’; *то* ‘озеро’ [Тер.: 664]; *to* [Salm.: 306]; *то* ‘озеро’ [ДС: 77]

Об u

roâj* ‘год’ [SW: 127] → Об **puo ‘год’; *по* ‘год’ [Тер.: 473]; *po* [Salm.: 305]; *по* ‘год’ [ДС: 136]

u* → Об **u; Тер. **y**; Salm. **u**; ДС **y**

Об u

munt¹âjt³sæn* ‘борода’ [SW: 96] → Об **munutsche ‘борода’; *муноць* ‘борода’ [Тер.: 263]; *munocy°h* [Salm.: 262]; *муноць*’(н), *муноця* ‘борода и усы’ [ДС: 67]

tuj* ‘огонь’ [SW: 166] → Об **tu ‘огонь’; *ту* ‘огонь’ [Тер.: 673]; *tu* [Salm.: 368]; *ту* ‘огонь’ [ДС: 81]

utâ* ‘рука’ [SW: 30] → Об **udâ ‘рука’; *уда* ‘рука’ [Тер.: 402]; *nguda* [Salm.: 180]; *уда* ‘рука’ [ДС: 116]

uâ* → Об **ú; Тер. **y̆**; Salm. **u**; ДС **y**

riâ* ‘спина’ [SW: 129] → Об **púnjäna ‘назад’; *пүнъяна* ‘позади, сзади’ [Тер.: 490]; *pungi°* [Salm.: 58]; *пүнъяны* ‘задний’ [ДС: 141]

Выводы по обдорскому словарю

В обдорском словаре встречаются графемы **ä** и **e**, передающие рефлекс ***ä**, в отличие от современных словарей, где для передачи этого рефлекса последовательно используется одна графема: в Тер. и ДС это **я**, в Salm. — **a**. Графема Об **e** на месте рефлекса ***ä** употребляется в том же слове, что и в пустозерском словаре: Пуст **еле** ‘день’, Об **jellè** ‘день’ при литературной норме Тер. **яля**.

Для передачи рефлекса ***ä** в памятнике используется серия графем, одна из которых содержит диакритику: **a**, **á**. Похожие серии графем передают еще несколько рефлексов: ***e** (Об **e**, **é**), ***ä** (Об **a**, **á**), ***i** (Об **i**, **í**). Слов, где графема написана с диакритикой, меньше, чем слов без нее. Диакритики, которые видоизменяют графемы, передающие звуки-рефлексы, не коррелируют напрямую с разными гласными в реконструкции. В современных словарях Тер., ДС, Salm. на месте рефлексов ***ä** стоят графемы **a**; ***e** — **e**; ***i** — **u** в Тер., ДС, **i** в Salm. Исключением является Salm.: краткость современной /э/ из ***ä** в нем последовательно отражается с помощью графемы **ø**. В обдорском словаре отмечается восточный вариант Об **nébe** ‘мать’.

Единичен диграф **eé** в слове Об **ngeépta** ‘волосы’. Обычно рефлекс ***e** передается графемой **i**. В словаре Тер. и ДС отмечается только графема **э**, в Salm. — **e**.

Рефлексы ***i** передаются в обдорском словаре графемами **i** и **y**. Графема **y** отмечена только в одном слове: Об **gyn** ‘лук’. Современные словари более единообразны в графической передаче ***i**: Тер., ДС **ы**, Salm. **i**.

В обдорской записи рефлексов реконструированных ***i** ~ ***u** используется графема **ú**. В современных словарях фиксируются **ы** и **i**.

Рефлекс ***o** передается в обдорском словаре через графемы **o** и **u**: Об **to** ‘озеро’, **puo** ‘год’. В современных словарях рефлекс ***o** передается через графему **o**.

В обнаруженных примерах из обдорского словаря рефлекс реконструированного ***u** передается графемой **u**, как и в Salm. В Тер., ДС используется **y**.

Сочетания ***áä**, ***eä**, ***uä** в обдорском словаре графически оформлены по-разному. Рефлекс ***ää** записывается тремя способами: как **a** (Об **chasoau** ‘муж’), **á** (Об **chády** ‘ель’) или **é** (Об **wénnu** ‘корень’). Примеры с **á** и **é** единичны. Рефлекс сочетания ***eä** встретился один раз: Об **ty** ‘благородный олень’. В Тер. звуку ***eä** соответствует графема **ы**, в Salm. — **i**. Рефлекс ***uä** в обдорском словаре передается графемой **ú** в слове Об **púnjäna** ‘назад’. Тот же рефлекс в Тер. передается графемой **y**: **púnjana** ‘позади, сзади’. В ДС это графема **y**, в Salm. — **u**.

Рефлексы дифтонгоидов ***áj** и ***áj** передаются в обдорской записи сочетанием **ai** (***áj** ‘ступня’ [SW: 17] → Об **ngai** ‘ноги’; ***páj** ‘камень’ [SW: 112] → Об **pai** ‘камень’). Рефлекс ***áj**, кроме того, передается графемой **e** в слове Об **seu** ‘глаз’. Рефлексы дифтонгоидов передаются единообразно в современных словарях: графемой **э** в Тер. и ДС, графемой **æ** в Salm.

Важная графическая особенность обдорского словаря — три способа передачи начального /ŋ/, которое фиксируется графически в современных словарях. В большинстве примеров /ŋ/ отсутствует, как и в реконструкциях: Об **amdürtsche** ‘стул’, Об **arkà** ‘большой’, Об **amsà** ‘мясо’, Об **anù** ‘лодка’.

В двух словах используется сочетание **ng**:

***áj** ‘ступня’ [SW: 17] → Об **ngai** ‘ноги’; **yэ** ‘нога (человека)’ [Тер.: 411]; **ngæ** [Salm.: 497]; **yэ** ‘нога’ [ДС: 120]

***ájwá** ‘голова’ [SW: 17] → Об **ngaiwa** ‘голова’; **yэва** ‘голова’ [Тер. 412—413]; **ngæwa** [Salm.: 497]; **yэва** ‘голова’ [ДС: 121—122]

В данных примерах из памятника начальная /ŋ/ графически отображается с помощью сочетания **ng**. Таким образом, в словаре отображается два типа записи, однако запись без начальной /ŋ/ частотнее.

В одном слове (Об **gyn** ‘лук’) — графема **g** без отражения назализованности звука.

Сокращения

Общие

вост. — восточный вариант

ям. — ямальский вариант

Словари

Salm. — “Ненэй вади” тэнз” падар” = “A morphological dictionary of Tundra Nenets”, Salminen T. [Salminen 1998]

SW — “Samojedischer Wortschatz”, J. Janhunen [Janhunen 1977]

ДС — «Диалектологический словарь ненецкого языка», С. И. Буркова, Н. Б. Кошкарева, Р. И. Лаптандер, Н. М. Янгасова [Буркова и др. 2010]

Об — обдорский словарь (“Dictionary of the Obdor Dialect of the Nenets Language”, 2019)
 Пуст — пустозерский словарь (“Dictionary of the Pustozher Dialect of the Nenets Language”, 2019)
 Тер. — «Ненецко-русский словарь», Н. М. Терещенко [Терещенко 1965]

Л и т е р а т у р а

- Буркова и др. 2010 — Диалектологический словарь ненецкого языка / Сост. Буркова С. И., Кошкарёва Н. Б., Лептандер Р. И., Янгасова Н. М. Екатеринбург, 2010. {Dialectological dictionary of the Nenets language / Comp. by Burkova S. I., Koshkareva N. B., Laptander R. I., Yangasova N. M. Yekaterinburg, 2010.}
- Игнатов 1990 — Игнатов М. Д. Этимологии различных названий городка Пустозерск // *Linguistica Uralica*. 1990, 3 (26). С. 188—191. {Ignatov M. D. Etymologies of the various names of the town of Pustozersk // *Linguistica Uralica*. 1990, 3 (26). P. 188—191.}
- Иодко 2011 — Иодко О. В. Генрих Юлий Клапрот. От Китая до Кавказа через Санкт-Петербург // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. Вып. 6. СПб., 2011. С. 55—73. {Iodko O. V. Heinrich Julius Klapproth. From China to the Caucasus through St. Petersburg // *Germans in St. Petersburg. Biographical aspect. Iss. 6. St. Petersburg*, 2011. P. 55—73.}
- Коряков 2018 — Коряков Ю. Б. Проблема «язык или диалект» и самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018, 4 (31). С. 156—217. {Koryakov Yu. B. Language vs. dialect question and Samoyedic languages // *Ural-Altai studies*. 2018, 4 (31). P. 156—217.}
- Кошеляк 2018 — Кошеляк Н. А. Графико-фонетический анализ архивного словаря пельымского диалекта мансийского языка о. Константина Словцова // Урало-алтайские исследования. 2018, 4 (31). С. 218—226. {Koshelyuk N. A. Graphic-phonetic analysis of the archive Pelym dictionary compiled by archpriest Konstantin Slovtsov // *Ural-Altai Studies*. 2018, 4 (31). P. 218—226.}
- Терещенко 1956 — Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М. — Л., 1956. {Tereschenko N. M. Materials and research on the language of the Nenets. Moscow; Leningrad, 1956.}
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereschenko N. M. Nenets-Russian Dictionary. Moscow, 1965.}
- Шёгрэн 1825—1852, 1899 — Фонд № 94. Опись 001. Рукописи трудов и материалы к ним. За 1825—1852, 1899 гг. Л., ЛО ААН СССР // <http://isaran.ru/?q=ru/opis&ida=2&guid=9D219F47-AA5E-95E9-0D3E-8665C4C2CBB3> {Fund No. 94. Inventory 001. Manuscripts of written works and accompanying materials. For 1825-1852, 1899. L., Leningrad Branch of the Academy of Sciences of the USSR.}
- Хелимский 2000 — Хелимский Е. А. Об одном переходном северносамодийском диалекте // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 52—58. {Helimskij E. A. On one transitional Northern Samoyed dialect // *Comparative studies, Uralistics: Lectures and articles*. Moscow, 2000. P. 52—58.}
- Castrén 1855 — *Castrén M. A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen / Bearbeitet von Anton Schiefner*. St. Petersburg, 1855.
- Donner 1932 — *Donner K. Samojedische Wörterverzeichnisse*. Helsinki, 1932.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki, 1977.
- Klaproth 1823 — *Klaproth J. Asia polyglotta, worin er die Verzweigungen der asiatischen Völker in ihrer Stammverwandtschaft nachweist*. Paris, 1823.
- Maps... 1844 — *Maps of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge*. 91 London, 1844 // <https://collections.lib.uwm.edu/digital/collection/agdm/id/14985/>
- Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I. A Grammar of Tundra Nenets // Mouton Grammar Library. Vol. 65*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Salminen 1998 — *Salminen T. A morphological dictionary of Tundra Nenets. Lexica Societatis Fenno-Ugricae 26*. Helsinki, 1998.

О водско-ижорской конвергенции и внутриидиолектном континууме (на примере одной кумулятивной руны)

Рожанский Федор Иванович, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург),
Тартуский университет (Тарту); handarey@yandex.ru

Статья посвящена анализу различных вариантов водской кумулятивной руны *Kuza piippu?* «Где трубка?» в контексте водско-ижорских конвергентных процессов. Основное внимание уделяется двум проблемам: варьированию лексем со значением ‘амбар’ и ‘забор’ и структуре послеложных конструкций с этими лексемами. Основным материалом для исследования служат 13 опубликованных ранее вариантов руны и три варианта, записанные автором в процессе полевой работы в д. Лужицы Кингисеппского района.

Анализируя три лексемы, появляющиеся в руне *Kuza piippu?*, — *ratiz* ‘амбар’, *aitta* ‘амбар’ и *aita* ‘забор’, — автор приходит к выводу, что первая из них — это исконно водская лексема со значением ‘амбар’, вторая пришла из ижорского языка и так и не смогла стать закрепившимся заимствованием, а третья появилась в результате замены непривычной ижорской лексемы на фонетически наиболее близкое водское слово. Ижорское влияние заметно и в послеложной конструкции с этими лексемами (‘под амбаром ~ забором’). Если в ранних вариантах руны наблюдается отдельно записываемый послелог *alla* ‘под’, то в более поздних между существительным и послелогом появляется форматив *n*, а запись конструкции чаще становится слитной. Этот форматив *n* является показателем генитива, пришедшим из ижорского языка и в результате переразложения ставшим начальным согласным послелога.

Сопоставление различных вариантов руны, в том числе записанных от одного и того же носителя языка, показывает, что в ней может наблюдаться произвольное сочетание водских и ижорских элементов. Их соотношение является не столько свойством идиолекта, сколько свойством конкретного текста, что не позволяет считать идиолект минимальным социолингвистическим объектом и требует введения нового понятия для обозначения варианта языка, характеризующего конкретный текст с точки зрения соотношения в нем контактирующих языков. Для такого понятия предлагается термин «вариолект». Смешение водского и ижорского языков в западноводских деревнях является ярким примером итерационной конвергенции: нижнелужский ижорский, возникший как конвергентный идиом в результате смешения нескольких языков (прежде всего, ижорского и водского), образует новые контактные варианты, проникая в речь носителей водского языка.

Ключевые слова: водский язык, ижорский язык, языковые контакты, конвергенция, заимствования

VOTIC-INGRIAN CONVERGENCE AND INTRA-IDIOLECTAL CONTINUUM (A CASE STUDY OF A CHAIN RUNE)

Fedor I. Rozhanskiy, Institute for Linguistic Studies, RAS (St. Petersburg),
University of Tartu (Tartu); handarey@yandex.ru

This paper analyses different variants of the Votic chain rune *Kuza piippu?* “Where is the pipe?” in the context of Votic-Ingrian convergent processes. The main focus is made on the alternation between the lexemes “granary” and “fence”, and the structure of postpositional phrases containing these lexemes. The analysis is based on 13 variants of the rune published by several researchers, and three variants of the same rune recorded by the author in the village of Luuditsa of the Kingisepp region.

In different variants of *Kuza piippu?*, three lexemes alternate within the same line: *ratiz* ‘granary’, *aitta* ‘granary’, and *aita* ‘fence’. The paper concludes that the first variant is the original Votic lexeme meaning ‘granary’, the second one is an Ingrian word that was not fully adopted by Votic, and the third variant emerged as a substitution of the unfamiliar Ingrian word with the phonetically closest Votic word. The Ingrian influence is observed also in the postpositional phrase with the discussed lexemes (‘under the granary ~ fence’). In the earlier versions of the rune, one finds the postposition *alla* ‘under’ as a separate word. In more recent variants, the head noun and postposition are usually written together as one word, with a formative *n* between them. This *n* is the Ingrian marker of the genitive case that was later re-analyzed as the initial consonant of the postposition (*alla > nalla*).

The research has revealed that even in the variants recorded from the same speaker, the combination of Votic and Ingrian elements is almost arbitrary. The Votic-Ingrian ratio is not as much a characteristic of the idiolect, but rather a characteristic of a particular text. Therefore, the idiolect cannot be considered as a minimal sociolinguistic object. The author introduces the notion of “variolect” as a language variant with a particular ratio of languages in contact that characterizes a given speech sample.

The mixing of Votic and Ingrian in the western Votic villages is a vivid example of iterative convergence. The Lower Luga Ingrian that emerged as a convergent variety on the basis of several Finnic languages (Ingrian and Votic, most of all), gives birth to new contact varieties when acquired by Votic speakers.

Keywords: Votic, Ingrian, language contacts, convergence, borrowings

1. Предварительные замечания¹

Идея данного исследования возникла у автора статьи спонтанно. Причиной послужил пост в социальной сети «Фейсбук», в котором директор Общества водской культуры Екатерина Кузнецова привела видеозапись мальчика, читающего на водском языке одну из так называемых «кумулятивных рун»² *Kuza riipru?* «Где трубка?». Видеозапись сопровождалась расшифровкой и переводом³. Начиналась она так:

Kuza riipru?	Где трубка?
Aitan alla.	Под забором (сараем).
Kuza aita?	Где забор (сарай)?
Tuli põlõtti.	Огонь сжег.

У любого человека сразу возникает вопрос, почему в переводе после слова «забор» указан вариант «сарай». Того же, кто знаком с прибалтийско-финскими языками, также удивит и форма генитива *aitan*, которая содержит показатель *-n*, отсутствующий в южной ветви прибалтийско-финских языков (в частности, в водском). Ответ на эти вопросы, предполагающий ошибку автора поста, будет неверен, потому что за этими, казалось бы, совсем частными вопросами (о переводе «забор» vs «сарай» и о формате *n* в послеложной конструкции) кроется неординарная ситуация языковых контактов, затрагивающая общие проблемы многоязычия и связанную с ней лингвистическую теорию.

Целями данной работы являются: (а) ответ на два указанных вопроса, (б) анализ некоторых аспектов водско-ижорских языковых контактов, (в) пополнение терминологической базы социолингвистики.

Структура работы следующая. В разделе 2 дается краткий обзор водско-ижорских языковых контактов. В разделе 3 описываются использованные данные. Далее рассматриваются два отмеченных сюжета, касающихся руны *Kuza riipru?*: появление в ней слова «забор» (раздел 4) и структура конструкции «генитив существительного плюс послелог» (раздел 5). В разделе 6 обсуждается проблема смешения близкородственных языков и вводится понятие «вариолекта». В разделе 7 кратко формулируются основные выводы. В Приложении 1 содержатся комментарии к публикуемым в статье материалам, Приложение 2 содержит иллюстрацию к обсуждаемой в статье геминации в послеложных конструкциях.

2. Структура водско-ижорских языковых контактов

Языковые контакты в Западной Ингерманландии неоднократно обращали на себя внимание исследователей (см., например, [Ariste 1975; Лаанест 1977; Ariste 1981: 52—63; Naarmann 1984a, b; Savijärvi 1998; Муслимов 2005]), однако всеобъемлющего описания водско-ижорских языковых контактов пока не существует. В этом разделе я кратко остановлюсь только на тех аспектах, которые важны для данной статьи.

Западная Ингерманландия представляет собой контактную зону четырех прибалтийско-финских языков (водского, ижорского, финского и эстонского), а также неродственного им русского. Водь и ижора являются автохтонным населением этой территории⁴. С XVII века происходило активное заселение Ингерманландии финнами (существующие в настоящее время ингерманландские диалекты финского заметно отличаются от литературного языка). На западной границе нижнелужского ареала имело место маргинальное контактирование с эстонцами [Муслимов 2005: 14—15]⁵.

В отличие от эстонцев и финнов, водь и ижора приняли православие (см. [Västrik 2007]), что способствовало смешанным водско-ижорским бракам.

В результате взаимодействия всех названных языков (но в наибольшей степени водского и ижорского) в районе нижнего течения реки Луги сформировался специфический конвергентный идиом, называемый нижнелужским диалектом ижорского языка. Он существенно отличается от других ижорских диалектов⁶

¹ Автор выражает признательность анонимным рецензентам и коллегам, которые высказали много ценных замечаний к черновым вариантам статьи: Владимиру Ивановичу Беликову, Елене Борисовне Маркус, Мехмеду Закировичу Муслимову и Энну Эрнитсу. Автор также благодарен Александре Павловне Родионовой и Марии Владимировне Кундозеровой за помощь при анализе карельских рун.

² Кумулятивная руна (см. [Народные песни Ингерманландии 1974: 9]) строится из структурно повторяющихся элементов, в данном случае — из чередующихся вопросов и ответов.

³ Впоследствии текст руны и перевода был отредактирован.

⁴ На тему того, мигрировала ли ижора в Ингерманландию или является ее исконным населением, высказывались разные точки зрения, см., например, [Savijärvi 1998: 271].

⁵ Эстонцы жили и в других частях Ингерманландии, см., например, [Ariste 1981: 59; Kuznetsova et al. 2015: 133].

⁶ См., например, [Лаанест 1966: 146].

(в частности, от территориально близкого сойкинского диалекта) прежде всего фонетико-фонологической системой (которая значительно ближе к водскому языку), но также лексикой, а в определенной степени и грамматикой. Нижнелужский ижорский характеризуется высокой степенью вариативности.

Как минимум с XVIII века, когда появились первые письменные свидетельства исследователей этих народов, в нижнелужском ареале происходила постоянная ижоризация води⁷, которая проявлялась (а) в переходе води на нижнелужский ижорский, (б) в проникновении ижорских элементов в западные говоры водского языка, (в) в смене идентичности с водской на ижорскую.

В качестве наиболее яркой иллюстрации этого процесса можно привести упоминание ряда водских деревень (Извоз, Манновка, Кейкино, Орлы, Федоровка) на реке Луге в [Trefurt 1785: 115]. Зная, что признаком водского языка является переход *k* в *tʃ* перед гласными переднего ряда, исследователь вряд ли мог допустить ошибку в лингвистической (и, соответственно, этнической) идентификации деревень. Однако в XX веке жители этих деревень уже разговаривали на нижнелужском ижорском, а не на водском.

Известным среди исследователей Западной Ингерманландии является пассаж из статьи водского лингвиста Д. Цветкова, где он отмечает, что когда водский мужчина приводит в свою семью ижорскую невесту, то вся семья, включая старшее поколение, переходит с водского на ижорский язык [Tsvetkov 1925: 43]. Описанная Д. Цветковым ситуация может показаться несколько странной: почему вдруг вся семья отказывается от родного языка, а невеста остается при своем? На самом деле процесс смены языка был немного другим. Ижорские невесты, действительно, были частым явлением в водских деревнях: с соседнего Сойкинского полуострова, деревни которого были беднее, чем водские, многие молодые девушки устраивались работницами в более богатые водские деревни, а потом нередко выходили замуж за водских мужчин. Однако для коммуникации использовался вовсе не сойкинский ижорский, который, заметим, имеет очень нетривиальную фонетику с тройным контрастом согласных по длительности, не представленным в водском языке. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие каких-либо примеров записи сойкинского диалекта в водских деревнях. Общение между водью и ижорой происходило на *lingua franca* этой местности — относительно простом с фонетической точки зрения конвергентном идиоме, каковой и был впоследствии назван нижнелужским диалектом ижорского⁸. То есть не только водская семья меняла свой язык общения, но и сойкинская девушка тоже переходила на близкородственный, но все же отличающийся от родного идиом. Неудивительно, что в такой ситуации нижнелужский ижорский стал известен практически всему населению водских деревень.

Показательно, что в материалах [Körpen 1867] не содержится данных об ижоре в западноводских деревнях (Краколье, Пески, Лужицы), хотя к началу XXI века в этих деревнях количество людей, у которых основным языком был водский и у которых основным языком был ижорский, было сопоставимо.

С начала 1930-х до 1937 года на фоне политики поддержки малых народов ижорский язык преподавался более чем в двадцати школах Ингерманландии [Мусаев 2004: 248]. Водские дети (язык которых так и остался бесписьменным) тоже посещали эти школы и учили ижорский язык как родной. Это, естественно, повышало престиж ижорского языка и способствовало закреплению у води этнической идентификации «ижора» (так, например, носительница водского языка П. Я. Карташова⁹ говорила, что сама она ижора и ее язык ижорский)¹⁰.

К концу XX века «чистых» водских деревень уже не осталось: в них жили либо носители водского языка вместе с носителями ижорского (Лужицы, Краколье), либо только носители ижорского (Межники).

3. Данные

В качестве материала в исследовании используются два типа данных. Во-первых, это варианты рассматриваемой руны, приведенные в публикациях предшествующих исследователей (прежде всего, в монографии [Ariste 1986]), во-вторых, полевые записи автора статьи.

⁷ Существенное влияние ижорского языка на водский неоднократно отмечалось исследователями, см., например, [Ленсу 1930: 202; Хейнсоо 1995: 177—180].

⁸ Для деревень, где водский язык сохранялся во второй половине XX века, об этом имеются прямые свидетельства. Для деревень нижнелужского ареала, где к этому моменту использовался только ижорский язык, это можно предполагать, основываясь на данных Трефурта и современной языковой ситуации.

⁹ Подробности о носителях водского языка приведены в разделе 3.

¹⁰ Ср. с примером, записанным М. З. Муслимовым от кракольского жителя: «А Вам какой ижорский язык нужен? Их у нас два» [Муслимов 2012: 166].

В [Ariste 1986] руна *Kuza piirpu?* приводится в восьми вариантах, записанных от семи носителей водского языка. Двое из этих носителей проживали в деревне Лужицы, четверо в деревне Пески¹¹, а одна в деревне Межники. Еще один вариант этой руны, записанный от носительницы из Краколье, мы встречаем в [Ariste 1960: 50]. Два варианта руны приводятся в [Mägiste 1959: 111, 170]: один вариант записан в Раннолово¹², другой в Песках. Далее в статье варианты рун обозначаются по инициалам рассказчиков (см. таблицу 1).

Таблица 1. Рассказчики руны и обозначения, принятые в данной статье

Имя, место рождения и год рождения рассказчика ¹³	Обозначение рассказчиков и рун	Год записи руны	Группа говоров
Мария Николаева, д. Раннолово, ~1858	МН	1943	центральная
Отю Леонтьева, д. Пески, ~1887	ОЛ	1943	западная
Матё Герасимова, д. Краколье, ~1883	МГ	1947	западная
Костя Леонтьев, д. Пески, 1908	КЛ-1, КЛ-2	1960, 1975	западная
Оудекки Фигурова, д. Краколье, 1891	ОФ	1966	западная
Дуня Трофимова, д. Лужицы, 1908	ДТ	1968	западная
Иво Леонтьев, д. Лужицы, 1899	ИЛ	1968	западная
Надёжа Леонтьева, д. Пески, 1898	НЛ	1973	западная
Аню Крыжовских, д. Пески, 1910	АК	1973	западная
Насто Андреева, д. Пески, 1910	НА	1978	западная

Более ранние публикации рассматриваемой руны — это записи, сделанные О. А. Ф. Мустоненом в деревне Краколье в 1882 году и Ф. Алава в деревне Маттия¹⁴ в 1901 году (см. [Mustonen 1883: 161—162; Salminen 1928: 747, 769; Salminen 1929: 85]). В данных публикациях рассказчик не указан, и мы обозначаем эти варианты как Must и Alava соответственно.

Мои собственные полевые данные представлены тремя вариантами той же руны, записанной от носительницы водского языка Прасковьи Яковлевны Карташовой (1928—2018), последней песоцкой носительницы языка, способной бегло разговаривать на водском. Поскольку этот материал ранее не публиковался, здесь приводятся полностью все три варианта руны (таблица 2). Записи на диктофон были сделаны в 2002, 2004 и 2012 годах. В Приложении 1 приводятся комментарии, касающиеся системы записи и перевода.

Таблица 2. Варианты руны от Прасковьи Яковлевны Карташовой

ПК-1 (2002)	ПК-2 (2004)	ПК-3 (2012)	Перевод
kuz piirpu?	kuza piirpu?	kuza piirpu?	Где трубка?
aitennallē.	aijennallē.	aijenallē.	Под амбаром / забором.
kuz aittē?	kuza aitē?	kuza aitē?	Где амбар / забор?
tuli poltti.	tuli peletti.	tuli poltti.	Огонь спалил.
a kuz tuli?	kuza tuli?	kuza tuli?	Где огонь?
vesi sammutti.	vesi sammutti.	vesi sammutti.	Вода погасила.

¹¹ Соседние деревни Лужицы и Пески были в 1970-х годах объединены в одну деревню Лужицы [Эрните 2006: 1]. Возможно, в речи носителей лужицкого говора было чуть больше ижорского влияния, чем в речи носителей песоцкого говора, однако какого-то яркого и последовательного контраста между их речью не наблюдалась (по крайней мере, со второй половины XX века). В данной статье я не провожу различия между отдельными водскими говорами нижнелужского ареала.

¹² Мы включаем в рассмотрение этот вариант, хотя в строгом смысле он относится не к *Kuza piirpu?* «Где трубка?», а к более широкому классу *Missä voi?* «Где масло?». От других водских вариантов *Kuza piirpu?* его отличают фактически лишь первые строки *Kuza vei? Katti sei. A kuz on katti?* «Где масло? Кошка съела. А где кошка?», не являющиеся существенными для настоящего исследования.

¹³ Место записи руны иногда отличается от места рождения рассказчика. Так, запись Марии Николаевой сделана в деревне Котлы (у Ю. Мягисте указана как *Kattila-Suurõtsa*), а Оудекки Фигурова жила в деревне Межники. Для Отю Леонтьевой и Аню Крыжовских место рождения эксплицитно не указано, но, скорее всего, оно совпадает с местом проживания.

¹⁴ Говор этой деревни относится к центральной группе.

¹⁵ Почему второй гласный в этой форме *e*, а не *i*, непонятно. Вполне возможно, что это просто оговорка.

ПК-1 (2002)	ПК-2 (2004)	ПК-3 (2012)	Перевод
a kuz on vesi?	kuza vesi?	kuza vesi?	Где вода?
härkä rüüppäiz.	ärtšə rüüppezʹ.	härkä rüüppez.	Бык выхлебал.
a kuz härkə?	a kuza ärtšə?	kuza härkə?	Где бык?
niitüll makajä.	niitüll makkab.	niitüll makaja.	На покосе спит.
a kuz on niittü?	kuza niittü?	kuza niittü?	Где покос?
vikahtê viippäiz.	vikahtê viippeez.	vikaht viippeez.	Коса скосила.
a kuz vikahtê?	kuza vikahtê?	kuza vikahtê?	Где коса?
kannon äärež.	kannon äärežə.	kannon äärež.	Возле пня.
a kuz on kanto?	kuza kanto?	kuza kanto?	Где пень?
karu repi.	karu repi.	karhu repi.	Медведь вырвал.
a kuz on karu?	kuza karu?	kuza karhu?	Где медведь?
meez ampu.	meez ampu.	meez ampu.	Мужик застрелил.
a kuz on meez?	kuza meez?	kuza meez?	Где мужик?
mettsä maottu.	a mettsä maottu.	mettsä maottu.	В лесу зачервивел (т. е. сгнил).
a kuz on maod?	kuza maod?	kuza on maod?	Где черви?
kukko nokki.	kukko nokki.	kukko nokki.	Петух склевал.
a kuz on kukko?	a kuza kukko?	kuza kukko?	Где петух?
lensi üli üheksemen meren.	lensi üli ühesseme mere.	lensi üli ühessemen meren.	Улетел за девятое море.
kivisell kintall	tšivizill tšintall	kivisill kintall,	Каменными рукавицами,
i saappizill saa...	i savizill saappagoill.	savezill ¹⁵ saappail.	Глиняными сапогами.
savikkai_saappail.			

Данная руна известна и в соседних прибалтийско-финских языках. Так, в базе данных Общества финской литературы я нашел 24 варианта руны «Где трубка?», из которых один является упомянутым водским вариантом, записанным В. Алава, три варианта записаны на Сойкинском полуострове, три в районе Нижней Луги, четыре в районе Котлов, но большинство — на территории современной Финляндии и Карельского перешейка [SKVR 2020]. В. Салминен [Salminen 1929: 85—86] относит эту руну к типу *Missä voi?* «Где масло?», указывая, что вариант с трубкой не мог появиться раньше 1600 года, и отмечает, что водские варианты являются прямыми переводами восточно-ингерманландских вариантов (в число которых попадают и ижорские руны, записанные на Сойкинском полуострове).

Следует подчеркнуть, что исходное происхождение руны не является существенным для предлагаемого исследования, поэтому я не буду останавливаться на этом вопросе. Основное внимание будет уделяться контактными явлениям, отличающим водский язык конца XIX — начала XX века от более позднего.

4. О лексеме «забор»

В приведенных выше переводах второй и третьей строк руны (см. ПК-1, ПК-2 и ПК-3 в разделе 3, а также вариант, приведенный Екатериной Кузнецовой, в разделе 1) встречаются три сущности: «забор», «сарай» и «амбар».

С определенной степенью уверенности можно предположить, что появление в переводе Е. Кузнецовой слова «сарай» — это всего лишь неточность. Те водские слова, которым соответствует понятие ‘сарай’ (прежде всего, это заимствование *saraja* ‘сарай’ и производные типа *einä-saraja* ‘сенной сарай, сеновал’ [Vadja keele sõnaraamat 2013: 190, 1103]) во всех известных нам вариантах рассматриваемой руны отсутствуют.

Но, действительно, в различных вариантах руны мы наблюдаем разные слова как в водском тексте, так и в переводе. Слово ‘амбар’ (эст. *ait*) у П. Аристе появляется в переводах рун от ДТ и НЛ.

ДТ	НЛ	
kus r̥ppu? ¹⁶	kuza r̥ppu?	Где трубка?
aitannalla.	aitannalla.	Под амбаром.
kuza aitte (aitta)?	kuza aitta?	Где амбар?
tuli r̥letti.	tuli r̥letti.	Огонь спалил.

¹⁶ Здесь и далее при цитировании я сохраняю исходную систему записи источника. По-видимому, исключительно к конвенциональным, а не содержательным различиям относятся: (а) обозначение долгого гласного или ко-

Однако *aitta ~ aittā* вовсе не является обычным водским словом для амбара. Мы не находим его в словаре [Tsvetkov 1995], а в наиболее полном водском словаре [Vadja keele sõnaraamat 2013: 103] оно фиксируется только для деревень Краколье и Куровицы с пометой, что это вероятное заимствование из ижорского. Обычное водское слово для амбара это *ratiz ~ ratti*¹⁷, и именно его мы встречаем в вариантах КЛ-1, МГ, ОЛ, МН, Must и Alava.

КЛ-1, МГ	ОЛ	Must	
kuza rīppu?	kuza rīppu?	kusa on piippu?	Где трубка?
rattīnalla.	rattīn_а.ллэ.	rattii alla.	Под амбаром.
kuza ratiz?	kuza ratis?	kuza ratis?	Где амбар?
tuli релѣтти.	tuli релѣтти.	tuli рѣлѣтти.	Огонь спалил.

Alava	
kuss sinuu piippu?	Где твоя трубка?
rattii alla.	Под амбаром.
kuza se on ratis?	Где этот амбар?
tuli релѣтти.	Огонь спалил.

МН	
kuza veī?	Где масло?
katti ŕei.	Кошка съела.
a kuz_оѣ_katti?	А где кошка?
a rattī алла.	Под амбаром.
a kuza ratiz?	А где амбар?
tuli релѣтти.	Огонь спалил.

Это же слово появляется и во втором варианте от КЛ, но не сразу. Вариант этот выглядит так:

КЛ-2	
kuza rīppu? //	Где трубка?
aijannalle //	Под забором.
kuza aita? //	Где забор?
vot / i unohtin //	Вот и забыл...
kuza rīppu? //	Где трубка?
rattīnnaļ //	Под амбаром.
kuza ratiz? //	Где амбар?
tuli релѣтти //	Огонь спалил.

Рассказчик начинает руну, после первых трех строчек сбивается и говорит *vot i unohtin* 'вот и забыл', а потом повторяет первые строки, используя водское слово 'амбар'. Начинает же он руну со словом *aita ~ aitā* 'забор'¹⁸. Это же слово мы наблюдаем и в вариантах ОФ, ИЛ и НА (П. Аристе переводит это водское слово эстонским *aed* или — для ИЛ — *tara*¹⁹).

нечного сильного (геминированного) согласного двумя литерами или диакритическим знаком, (б) обозначение ы-образного гласного как *e* или *ō*.

¹⁷ У некоторых носителей водского произошло выравнивание, и слово *ratiz* с генитивом *ratti* и партитивом *ratissā* стало склоняться, как слова наиболее частотного парадигматического класса: *ratti, rati, rattia*.

¹⁸ Следует обратить внимание, что водское слово *aitā* более точно следовало бы переводить как «изгородь»: такой перевод лучше бы соответствовал его исходному значению, поскольку заборы в современном понимании (то есть 'ограда в виде стены из досок') раньше обычно не использовались. Тем не менее, в современном водском языке слово *aitā* может обозначать и забор. Поэтому в переводах я везде использую слово «забор» как более привычное для современного русскоязычного читателя.

Некоторые носители нижнелужского ижорского различали значения слов *zabor(ā)* и *ait(ā)*. Первое из них, являющееся заимствованием из русского, означает 'забор, сколоченный из досок', а второе значит 'изгородь, столбы с прибитыми к ним поперечными жердями'.

¹⁹ Почему П. Аристе выбирает разные переводы, не совсем ясно. Вероятно, слово *aed* ему показалось уместным как однокоренное с водским *aita*, но в эстонском это слово также означает 'сад', и поэтому в другом случае он остановил свой выбор на слове *tara*, которое лишено такой неоднозначности.

ОФ	ИЛ	НА	
kuza rīppu?	rikkko, kuza rīppu?	kõal ²⁰ eli rīppu? //	[Пиркко,] где [была] трубка?
aijanalla.	aijenalla.	aijanalla //	Под забором.
kuza aita?	kuza aita?	a kõal eli aita? //	Где [был] забор?
tuli rēletti.	tuli rēletti.	tuli poltti //	Огонь спалил.

Наконец, в руне от АК мы видим смешение «забора» и «амбара»²¹:

АК	
kuš rīppu?	Где трубка?
aijan алла.	Под забором.
kuš aitta?	Где амбар?
tuli rēletti.	Огонь спалил ²² .

Записанные нами варианты от ПК тоже оказываются не гомогенными с этой точки зрения. В вариантах ПК-2 и ПК-3 мы встречаем ‘забор’:

kuza riippu?	Где трубка?
aijen(n)аллѐ.	Под забором.
kuza aitѐ?	Где забор?
tuli rēletti ~ ролtti.	Огонь спалил.

В варианте ПК-1 фигурирует ‘амбар’:

kuz riippu?	Где трубка?
aitennаллѐ.	Под амбаром.
kuz aittѐ?	Где амбар?
tuli ролtti.	Огонь спалил.

В таблице 3 приводятся формы слов ‘амбар’ и ‘забор’ для трех идиомов: сойкинского диалекта ижорского, нижнелужского диалекта ижорского и песочко-лужицкого говора водского²³.

Таблица 3. Слова «забор» и «амбар» в ижорском и водском языках

	Амбар		Забор	
	Номинатив	Генитив	Номинатив	Генитив
Сойкинский ижорский	aitta	aidan	aida	aijan
Нижнелужский ижорский	aitt(ă)	aităn	ait(ă)	aijăn
Водский	ratiz ~ ratti	ratti ~ rati	aitѐ	aija

Как несложно заметить из таблицы 3, в ижорском языке «забор» и «амбар» близки по звучанию. Для вожан, в языке которых слово «амбар» звучало совсем по-другому, ижорский «амбар» был по звучанию ближе всего к собственному «забору». Это, по-видимому, привело к путанице, и в результате в руне исходный «амбар» заменился на «забор».

²⁰ П. Аристе отмечает феноменальность слова *kõal* ~ *kual*, но не объясняет, почему он записывает его именно таким образом [Ariste 1986: 58].

²¹ Обратное смешение «забора» и «амбара» наблюдается в варианте, приведенном Екатериной Кузнецовой (раздел 1): там во второй строке фигурирует *aitan* ‘амбар.GEN’, а в третьей *aita* ‘забор’ (хотя перевод ‘забор’ дается в обеих строках).

²² В [Ariste 1986: 21] перевод на эстонский выглядит так: *Kus piip?* / *Aia all.* / *Kus ait?* / *Tuli põletas.*

²³ Обратим внимание, что во всех указанных идиомах существует редукция исходно краткого гласного [a] в первом слоге, и в каждом идиоме она устроена по-своему, что не позволяет использовать единую транскрипционную систему. Поскольку в сойкинском ижорском редукция часто проясняемая (то есть не фонологизированная), то мы ее не обозначаем. Для нижнелужского ижорского, где фонологизированность редукции существенно варьирует (в том числе в зависимости от идиолекта), мы используем для редуцированного гласного символ *ă*. В водском редукция полностью фонологизировалась, хотя конечный редуцированный демонстрирует большую фонетическую вариативность, чем другие гласные.

Ошибочное появление «забора» подтверждается тем фактом, что он не встречается в базе данных Общества финской литературы [SKVR 2020] ни в руне *Kuza piippu?*²⁴, ни в близкой к ней *Missä voi?*. То есть «забор» оказывается спецификой водских вариантов руны, причем исключительно тех, которые (а) записаны в западноводских, а не центральноводских деревнях, (б) датируются не ранее, чем второй половиной XX века.

Косвенным аргументом в поддержку гипотезы об исходном «амбаре» является и способ его исчезновения в сюжете руны: он сгорает. Для амбара такой конец представляется вполне естественным. Для забора же он выглядит несколько странным: все же забор чаще не сгорает, а падает, разваливается и т. п.

Таким образом, можно с большой степенью уверенности утверждать, что появление в руне «забора» является инновацией, возникшей в результате замены ижорского слова «амбар» на наиболее близкое ему по звучанию слово «забор».

5. Послеложная конструкция

В таблице 4 представлены варианты написания послеложной конструкции ‘под амбаром/забором’ в рунах, опубликованных исследователями водского языка.

Таблица 4. Послеложная конструкция в различных вариантах руны

Источник	‘под амбаром’	‘под забором’
Mustonen 1883: 746 / Salminen 1928: 747	rattii alla	
Alava (запись 1901 года) цит. по Salminen 1928: 769	rattii alla	
Mägiste 1959: 111 (МН)	rattī алла	
Mägiste 1959: 170 (ОЛ)	rattīn_аллĕ	
Ariste 1960: 50 (МГ)	rattīналла	
Ariste 1986: 16 (КЛ-1)	rattīналла	
Ariste 1986: 39 (ОФ)		aijanалла
Ariste 1986: 9 (ДТ)	aitанналла	
Ariste 1986: 13 (ИЛ)		aijenалла
Ariste 1986: 18 (НЛ)	aitанналла	
Ariste 1986: 21 (АК)		aijan алла
Ariste 1986: 16—17 (КЛ-2)	rattīnnaī	aijanналлĕ
Ariste 1986: 19 (НА)		aijanалла

Как несложно заметить, помимо различных вариантов лексемы эти написания различаются по трем признакам:

1. Слитное или раздельное написание. В ранних записях и в одном варианте из [Ariste 1986] написание раздельное. В [Mägiste 1959] так записан один вариант, в другом же между существительным и послелогом стоит соединительная дужка. В остальных вариантах из [Ariste 1986] и в [Ariste 1960] написание слитное.

2. Наличие *-n-* между существительным и послелогом. Этот форматив отсутствует в ранних записях, есть у Аристе, а у Мягисте встречается в западноводском, но не в центральноводском варианте.

3. Геминированное *-nn-* (наблюдается в обеих конструкциях с лексемой *aittä* ‘амбар’, и по одному разу с лексемами *ratiz* ‘амбар’ и *aitā* ‘забор’).

Описывая в грамматике серийный послелог *alā* ‘под (куда)’, *alla* ‘под (где)’ и *alta* ‘из-под’, П. Аристе отмечает: «Перед этим послелогом может сохраняться *-n-*, показатель исторического генитива. В то же время имя и послелог стали единым целым, как, например, в *akkunnalā* ‘наружу’, *laveženalla* ‘под скамейку’» [Ariste 1968a: 109]. Рассматривая появление генитивного окончания *-n* у имен, стоящих перед определенными словами [Ariste 1968a: 18], П. Аристе, однако, не указывает диалектную принадлежность приводимых примеров. Тем самым, остается непонятным, наблюдалось ли окончание исторического генитива в центральных водских говорах или же это скорее свойство западных говоров. По-

²⁴ Из 24 просмотренных мной вариантов руны лексема *aitta* ‘амбар’ наблюдалась в 21 случае. По одному разу встретились лексемы *riihi* ‘рига, овин’ и водское *ratiz* ‘амбар’. В одном варианте руны этот фрагмент вообще отсутствовал.

скольку последние активно контактировали с ижорским языком, я предполагаю, что наличие *-n* обусловлено влиянием ижорского языка.

Явных свидетельств существования *-n* в центральноводских говорах не обнаруживается. Так, в грамматике А. Альквиста мы встречаем только послелог *alla*, следующий за обычной водской формой генитива без показателя, например *uhsē' alla* 'под дверь' [Ahlqvist 1856: 91]. В сборнике водских текстов Л. Кеттунена и Л. Пости мы находим формы с *-n* в переводах Д. Цветкова (носителя кракольского говора), но не в оригинальных центральноводских текстах, например, *silḷā alā* 'под полом' в оригинальном котельском тексте и *silḷen nalā* в варианте Д. Цветкова [Kettunen, Posti 1932: 32—33].

Объяснению П. Аристе противоречит рассматриваемая руна: если бы *-n* являлся архаичным элементом, то его появление ожидалось бы в первую очередь в ранних вариантах руны. Однако мы наблюдаем его в поздних вариантах. Более того, отсутствие *-n* наблюдается только в конструкциях с обычным водским словом для амбара (*ratiz*), в то время как пришедшее из ижорского *aitta* 'амбар' и связанное с ним *aita* 'забор' встречаются только вместе с *-n*.

Предположив сохранение архаичного показателя генитива, мы могли бы ожидать его появления и в других случаях, в том числе и перед другими послелогам. Однако в нашем материале таких случаев не наблюдается²⁵.

Таким образом, можно утверждать, что в западноводских говорах произошло переразложение заимствованной из ижорского конструкции: существительное, оформленное ижорским показателем генитива *-n* перед послелогом *all* ~ *allā* ~ *alla* 'под' стало восприниматься как немаркированный водский генитив с послелогом *nalḷ* ~ *nalḷā* ~ *nalḷa*²⁶. Это переразложение возникло именно в западноводских говорах и является инновацией²⁷. Вариант *ratti alla* 'под амбаром', отмеченный в ранних рунах, следует признать архаичным: в более поздних рунах он не появляется, уступив место конструкциям с элементом *n*, а нередко и с другим существительным.

Из этого следует, что с точки зрения морфо(но)логии для поздних вариантов правильнее было бы использовать запись *rattī nalḷa* и *aija nalḷa*. Раздельная же запись послелога с предшествующим существительным, оформленным показателем *-n*, которую мы наблюдаем в вариантах АК (*aijan alla*) и ОЛ (*rattīn allē*), плохо интерпретируется в грамматической системе водского языка²⁸.

Однако запись руны у предшествующих исследователей очевидным образом ориентирована не на морфологию, а на фонетику: в большинстве случаев мы встречаем слитное написание существительного с послелогом²⁹.

Фонетическая направленность транскрипции также следует из того факта, что в четырех вариантах у П. Аристе мы наблюдаем геминату (при том, что показатель генитива — это исключительно одиночное *-n*). Объяснением тут может служить процесс изменения количества согласного в сандхи. Этот процесс отмечался исследователями в родственных языках. Так, в эстонском «в начале непервого подслова сложного слова *p, t, k, s* подвергаются либо фонетической геминации, либо ослаблению», например, *kellašep̄* 'часовщик' < *kella* 'часы' + *sep̄* 'кузнец' [Вийтсо 1979: 15—16]. Усиление согласного наблюдается и в нижнелужском ижорском [Кузнецова 2009: 187].

Суть этого процесса состоит в том, что начальный согласный второго слова в паре, образующей единый фонетический комплекс³⁰, усиливается. То есть одиночный согласный может продлеваться, превращаясь в геминату.

Хотя данный процесс описывался только для начального согласного второго слова, он возможен и для конечного согласного первого слова³¹. Так, в речи одной носительницы сойкинского ижорского за-

²⁵ В том числе и перед послелогам *ēz* ~ *ēzā* 'перед', *ette* ~ *etee* 'вперед' и *ēss* ~ *ēssā* ~ *ēssä* 'спереди', для которых, согласно П. Аристе, характерно данное явление [Ariste 1968a: 18].

²⁶ Так же изменились и другие послелогии этой серии: *nala* ~ *nalḷā* 'под (куда)' и *nalḷ* ~ *nalḷā* ~ *nalḷa* 'из-под'.

²⁷ Я не берусь определить период, когда возникло это переразложение. Язык рун, являющихся фольклорным материалом, может быть более архаичным по сравнению с разговорным языком. Судя по тому, что мы наблюдаем *-n* у Д. Цветкова, процесс переразложения шел уже в начале XX века.

²⁸ Что касается слова *aitta* 'амбар', то тут ситуация менее очевидная. Подробнее она будет рассмотрена в разделе 6.

²⁹ Слитное написание в транскрипции, ориентированной на морфо(но)логию, означало бы, что послелог грамматикализировался и стал падежным окончанием. Однако такая идея исследователями водского не высказывалась (по всей видимости, вполне обоснованно).

³⁰ В данном случае я не готов привести независимые критерии, позволяющие определить, в каком случае такой комплекс образуется, а в каком нет. Это требует специального исследования.

³¹ Тем самым, наличие геминаты не может служить критерием для проведения границы между словами.

фиксированы случаи произнесения геминаты на стыке генитива существительного с рассматриваемым послелогом³².

Таким образом, независимо от того, где проводится граница между существительным и послелогом, запись с геминатой (*aijannalla* ‘под забором’ или *aitannalla* ‘под амбаром’) представляется оправданной с точки зрения фонетики.

Следует подчеркнуть, что усиление согласного на стыке слов не является обязательным. Так, из трех вариантов руны, записанных от ПК, в первых двух наблюдается гемината, а в третьем — одиночный согласный. Длительность [n] в этих вариантах составляет соответственно 200, 255 и 110 мс.

В материалах П. Аристе геминированный [n] наблюдается в рунах ДТ, НЛ, КЛ-2, а одиночный — в рунах МН, КЛ-1, ОФ, ИЛ, НА, АК, причем в последнем случае [n] отнесен к существительному, а послелог записан отдельно.

Аудиозаписи, сделанные П. Аристе, по-видимому, не сохранились, и возможность сопоставить имеющуюся транскрипционную запись со звучащей речью, а также измерить длительность [n] отсутствует. Но есть, например, аудиозапись рассматриваемой руны, рассказанной Оудекки Фигуровой в 1968 году³³, то есть на два года позже записи П. Аристе. В этой записи длительность [n] составляет 110 мс, что соответствует одиночному согласному³⁴.

Недостаток материала не позволяет мне ответить на вопрос, как с точки зрения фонетики произошло описанное перераспределение (то есть перемещение *n* от существительного к послелогу). Однако материал, записанный от упомянутой выше сойкинской носительницы, наводит на мысль, что геминация на стыке слов могла способствовать этому процессу (см. Приложение 2).

6. О смешении языков и понятии вариолекта

Обратим внимание на варианты руны, записанные от П. Я. Карташовой. Как уже было отмечено выше, они различаются лексемой «амбар» (ПК-1) vs «забор» (ПК-2 и ПК-3) и длительностью *n* в послеложной конструкции (долгий в ПК-1 и ПК-2 и краткий в ПК-3). Однако в них также наблюдается целый ряд других расхождений, например *roltti* vs *reletti* ‘сжег’, *kuz* vs *kuzä* ‘где’, *makaja* vs *makkab* ‘спит’. Почти все они связаны с различием ижорского и водского языков. Это позволяет разделить всю руны на элементы, которые относятся к одной из следующих категорий:

1. Элементы, исторически общие для обоих языков и, тем самым, не противопоставляющие водский и ижорский. Например, *vesi* ‘вода’, *meez* ‘мужчина, мужик’, *tuli* ‘огонь’, *kukko* ‘петух’. Такие элементы составляют большую часть руны.

2. Ижорские элементы, которые закрепились в водском языке и на синхронном уровне уже должны рассматриваться как относящиеся к предыдущей категории. Так, например, в ранних рунах для ‘погасил’ используется водская форма *kusutti*, а в материалах П. Аристе и рунах ПК мы видим ижорскую по происхождению форму *sammutti* [Ariste 1986: 49—50].

3. Отличающиеся друг от друга водские и ижорские элементы. В таблице 5 представлен список таких элементов. В колонке «Руна» указан вариант руны от ПК (1 для ПК-1 и т. д.).

Как видно из таблицы 5, распределение водских и ижорских черт в трех вариантах руны нетривиально. Ни один из вариантов нельзя считать «чистым» водским или ижорским языком. Вариант ПК-1 содержит преимущественно ижорские черты, вариант ПК-2 преимущественно водские, а ПК-3 содержит черты обоих языков с некоторым преобладанием ижорских³⁵.

Примеры варьирования в использовании ижорских vs водских форм встречаются, естественно, не только в фольклорных текстах. Сравним рассказ, записанный Т. Б. Агранат в 1995 году от носительницы водского языка Татьяны Федоровны Прокопенко [Агранат 2007: 174], с другой записью того же рассказа от той же носительницы, сделанной автором данной статьи в 2002 году [Маркус, Рожанский 2017: 101].

³² Я очень признателен Н. В. Кузнецовой за то, что она обратила мое внимание на этот факт. Замечу, что в речи других носителей сойкинско-ижорского такого выраженного геминирования я обнаружить не смог.

³³ Запись сделана Эйно Киуру и хранится в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (<http://phonogr.krc.karelia.ru/>), магнитная лента номер г1469а, трек 9.

³⁴ С лексической и грамматической точки зрения этот вариант руны полностью совпадает с тем, который приведен в [Ariste 1986: 39]. Правда, в этой аудиозаписи наблюдается очень выраженная редукция конечных гласных (*aitä* ‘забор’, *ärčä* ‘бык’ и т. д.), которая не отражена в транскрипционной записи П. Аристе. По всей видимости, это объясняется особенностями используемой им системы транскрипции.

³⁵ Смешение водских и ижорских черт не является исключительной особенностью данной рассказчицы. Так, например, ижорскую форму *roltti* ‘сжег, спалил’ мы встречаем в руне НА.

Таблица 5. Различающиеся водские и ижорские элементы в вариантах руны ПК

Глосса	Водский	Руна	Ижорский	Руна
спалить.PST.3SG	peleŋti	2	poltti	1, 3
бык	ärčə	2	härkä	1, 3
хлебать.PST.3SG	rüüppez	2, 3	rüüppäiz	1
спать.PRS.3SG	makkab	2	makaja	1, 3
коса	vikahtê	1, 2, 3	² viikah(h)e	
пень.GEN	kanno		kannon	1, 2, 3
медведь	karu	1, 2	karhu	3
где	kuza	2, 3	kuz (kus)	1
девятый.GEN	ühesseme	2, 3	üheksemen	1
девятый.GEN	ühesseme	2	üheksemen	1, 3
more.GEN	mere	2	meren	1, 3
каменная.(PL.)ADESS рукавица.(PL.)ADESS	tšivizill tšinta(i)ll	2	kivisill kinta(i)ll	1, 3
сапог.PL.ADESS	saappagoill	2	saappaill	1, 3

В первом варианте мы два раза встречаем ижорскую глагольную форму *saon* ‘говорю’ и один раз водскую форму *juttəb*³⁶ ‘говорит’. В более позднем (и более подробном) варианте мы встречаем девять случаев использования водского глагола (формы *jutten* ‘говорю’, *juttəb* ‘говорит’ и *jutella* ‘говорят’), но ни одного случая использования ижорского глагола.

Смешение водских и ижорских черт в разных пропорциях у одного и того же человека (даже при воспроизведении одного и того же текста) представляется вполне обычной ситуацией для носителей водского языка. Следует подчеркнуть, что, в отличие от многих других случаев смешения языков, у води это не связано ни с недостаточным знанием какого-либо языка, ни с неспособностью отличить один язык от другого, ни с отсутствием в одном из языков нужных понятий и т. п. Фактически в каждой конкретной ситуации носитель может свободно выбрать степень смешения языков.

Поскольку языки близкородственны, то для анализа смешанного водско-ижорского текста плохо применимыми оказываются стандартные подходы к переключению и смешению кодов (см., например, [Poplack 1980; Myers-Scotton 1997; Muysken 2000]³⁷). Для неродственных языков более или менее решаемой задачей является отнесение того или иного элемента текста к одному из контактирующих языков. В ситуации с близкородственными языками существенная часть любого текста становится неидентифицируемой. Так, в рассмотренной руне слова *vesi* ‘вода’, *kanto* ‘пень’, *meez* ‘мужчина, мужик’ и многие другие совпадают в водском и в ижорском. Тем самым, они не могут быть приписаны только одному из этих языков.

Эти наблюдения позволяют по-новому взглянуть на всю языковую ситуацию водско-ижорского двуязычия. Многоязычный ареал нижнего течения реки Луги традиционно рассматривался как диалектный континуум [Муслимов 2005], где каждая изоглосса охватывает уникальный набор деревень, а внутри одной деревни можно встретить носителей, в речи которых контактирующие языки смешиваются в разных пропорциях, тем самым образуя идиолектный континуум³⁸. В этой системе язык отдельного носителя (идиолект) представлялся как низшая ступень в иерархии язык > диалект > говор > идиолект. Однако, как мы видим, соотношение водских и ижорских элементов в речи носителей водского языка не есть некоторая свойственная идиолекту константа. В каждой конкретной ситуации это соотношение может быть уникальным, то есть набор речевых произведений одного носителя тоже может представлять собой континуум (на этот раз уже внутриидиолектный)³⁹. Это позволяет нам ввести понятие «вариолекта» — языкового варианта, в котором существует определенное соотношение черт разных языков (в нашем случае, водского и ижорского). Тем самым, вариолект оказывается свойственен определенному речево-

³⁶ В оригинале форма записана как *juttəb*.

³⁷ Хотя в [Muysken 2000] описывается стратегия конгруэнтной лексикализации (congruent lexicalization), которая считается наиболее характерной для близкородственных языков [Deuchar, Muysken, Wang 2007: 323], на практике далеко не любой пример будет прозрачен с точки зрения используемых стратегий. Так, в тексте руны ПК-3 можно выделить около полутора десятков ижорских элементов и немногим больше (а если не учитывать все повторы слова *kuza* ‘где’, то меньше) водских. Большая же часть руны не идентифицируется как специфически водская или ижорская. Тем самым, эта руна может рассматриваться и как водская руна с ижорскими элементами, и как ижорская руна с водскими элементами, в которой доминирующей стратегией будет вставка (insertion).

³⁸ Это смешение, ставящее перед исследователем вопрос «На каком же языке говорят местные жители?», было отмечено уже давно, см. [Ariste 1968b, 1969].

³⁹ Ср. с примерами смешения водско-ижорских форм, приводимыми в [Муслимов 2005: 191—192].

му произведению (или его части), а в рамках одного и того же идиолекта можно говорить о наборе различных вариолектов, которые для этого идиолекта были зафиксированы.

Варьирование вариолектов в рамках одного идиолекта ставит непростую задачу перед исследователем, описывающим язык. Прежде всего, ему надо решить, что он описывает. Это может быть один из контактирующих языков, но тогда исследователь вынужден сортировать материал на относящийся к этому языку и на не относящийся. В рассмотренной ситуации такая сортировка всегда будет обладать определенной степенью условности. Обычный способ, который можно применить в «нормальной» ситуации, — это выбрать наиболее компетентных носителей и описывать их язык. Но в данном случае этот способ неприменим: даже самые компетентные носители могут использовать различные вариолекты, содержащие разные элементы каждого языка. Какая морфологически ориентированная запись будет, например, корректной для фонетической последовательности [aitanalla]? Если мы считаем этот фрагмент водским, то *aita* следует признать ижорским заимствованием и использовать запись *aita nalla*. Если же мы считаем этот фрагмент ижорским и постулируем смешение кодов, то этот фрагмент следует записать как *aitan alla*⁴⁰. Есть ли объективные критерии, позволяющие обосновать такой выбор? Вряд ли.

Другой подход заключается в том, чтобы пытаться описать речь носителей в том виде, в каком она предстает перед исследователем, не осуществляя сортировку по языкам. В таком случае объект описания оказывается своего рода «кентавром», поскольку исследователю приходится иметь дело с грамматикой (а, возможно, и фонетикой) сразу двух языков. Так, например, в статье [Агранат 1998] предлагается ввести в водскую падежную систему еще один падеж — аккузатив с показателем *-n*, поскольку в собранном материале были зафиксированы формы с этим показателем (то есть ижорские формы генитива). Насколько такое решение оправданно, в данной статье обсуждаться не будет: этот пример лишь показывает, что описание смешанных вариолектов является задачей, не имеющей простого решения.

7. Выводы

На локальном примере одной кумулятивной руны в статье показано, как выглядит ситуация интерференции языков в нижнелужских деревнях со смешанным водским и ижорским населением. Фактически имеет место итерационная конвергенция: нижнелужский ижорский, который сам по себе является конвергентным языком на базе ижорского и водского, смешивается с водским языком, создавая различные промежуточные варианты.

При этом такие варианты оказываются особенностью не столько говора или идиолекта, сколько конкретного текста, что позволяет ввести понятие «вариолекта»: зафиксированного в данном речевом произведении варианта языка, характеризующегося специфической пропорцией смешения языков и отличающегося от других вариолектов, в которых степень смешения языков будет другой.

В рамках же идиолекта может возникнуть внутриидиолектный континуум, при котором носитель языка способен свободно порождать различные вариолекты, нередко без какой-либо очевидной обусловленности данного вариолекта внешними факторами.

Проведенный анализ различных вариантов руны *Kuza piippu?* показал, что проникновение ижорских элементов в водский язык происходило постепенно. Если принять утверждение В. Салминена о том, что рассматриваемая руна была заимствована водским языком [Salminen 1929: 86], то следует признать, что в более ранних версиях мы видим ее полноценный перевод на водский язык. В поздних же версиях мы наблюдаем смешение языков, при котором в водский текст проникают ижорские элементы. Это подтверждает тезис об интенсивной ижоризации воды, происходившей как минимум с XIX века [Рожанский, Маркус 2013].

Приложение 1.

Комментарии к трем вариантам руны от ПК

1. Запись всех вариантов намеренно дана в условной фонетической транскрипции. Фонологическая запись была бы тут неуместна, так как требовала бы принятия ряда решений, касающихся морфонологии и морфологии, и, во-первых, затруднила бы дальнейшее изложение, во-вторых, усложнила бы сопоставление с вариантами рун, опубликованными предшествующим исследователями.

Однако для конечных редуцированных гласных *a* и *ä* в данной записи использованы символы *â* и *ä*, которые отсутствуют в транскрипции П. Аристе, не учитывающей специфику конечных редуцированных.

В записи рун ПК для неогубленного гласного среднего ряда среднего подъема используется символ *e*. В цитируемых примерах для этого гласного используется либо такой же символ *e*, либо символ эстонского алфавита *ê*, в зависимости от того, какая транскрипция применялась в источнике.

⁴⁰ Чтобы не усложнять рассуждение, я игнорирую тут проблемы, связанные с записью редуцированных гласных.

В записи различаются мягкий и твердый вариант латерального аппроксиманта: [l] и [l̥]. Их фонологический статус в водском языке неочевиден. Часто выбор определяется фонетическим контекстом, а иногда демонстрирует признаки свободного варьирования. В нижнелужском ижорском ситуация, по-видимому, довольно близка к водскому, насколько можно судить на основе данных, приведенных в диссертации [Кузнецова 2009: 208—210]. В этой диссертации предлагается считать данные сегменты различными фонемами.

Длительность аффрикаты в форме *mettsä* ‘лес.ILL’ во всех трех вариантах составляет приблизительно 200 мс. В водском языке одиночная и геминированная аффрикаты образуют фонологический контраст, в сойкинском ижорском нет⁴¹, для нижнелужского ижорского окончательное решение не принято (см. [Кузнецова 2009: 280]).

2. Фрагмент со словом ‘коса’ не относится к числу стабильных: он встречается в рунах МН, ОЛ, КЛ, ОФ, ИЛ и НЛ, но отсутствует в Must, Alava, ДТ, АК и НА. Коса всегда представлена словом *vikahte* ~ *vikahtâ*, что соответствует водскому языку. К сожалению, в имеющемся у меня материале нет этого слова, записанного от ижор, проживающих в западноводских деревнях. В целом для нижнелужского ижорского характерна лексема *vika(h)e*, также зафиксирован вариант *viikate*. В [Inkeröismurteiden sanakirja 1971: 672] для нижнелужского ижорского приводятся варианты *vikahe* (д. Остров) и *vikate* (россонские говоры). Таким образом, можно предположить, что в песоцко-лужицком говоре ижорского языка коса обозначалась либо одним из этих слов, отличающимся от водского *vikahte/â*, либо словом *vikahte/â*, заимствованным из водского. То есть в любом случае этот элемент в руне следует считать водским.

Произношение глагола при существительном ‘коса’ немного различается в вариантах руны: в ПК-1 звучит переднерядное окончание, а в ПК-2 и ПК-3 — заднерядное. Является ли это неточностью произнесения или же варьированием глагольной лексемы, непонятно. В целом данное место в руне демонстрирует высокую степень вариативности: в финских и ижорских вариантах руны встречаются различные глагольные формы: *vippais*, *viippas*, *vilkkas*, *vilhas*, *vipsas* и другие⁴² [SKVR 2020].

3. Последние две строки руны требуют комментариев в связи со следующими проблемами.

(а) Не совсем понятно число именной группы в предпоследней строке: во всех трех случаях в *tšintall* ~ *kintall* не слышно [i], который ожидается как компонент дифтонга в случае адессива множественного числа. Здесь возможны два варианта:

- второй компонент дифтонга был просто проглочен (это не является исключительной ситуацией),
- было употреблено единственное, а не множественное число.

Отличие этих вариантов совсем не принципиально с точки зрения обсуждаемой проблемы языковых контактов, поэтому я лишь отмечу, что:

— второй компонент дифтонга также не слышен в согласуемом прилагательном, но дифтонг [ij] в беглой речи почти всегда редуцируется до [i];

— появление [e], отмеченное в форме *kivisell* из ПК-1, ожидалось бы в единственном числе;

— в вариантах руны КЛ-1 и НЛ зафиксировано множественное число;

— в таком контексте вполне можно допустить появление единственного числа в функции множественного, ср., например, с водским *miä panin jalged tšätte* ‘Я взял ноги в руки (ILL.SG)’ или ижорским *mitä hänel on käes* ‘Что у него в руках (INESS.SG)?’;

— в последней строке у слова ‘сапог’ дифтонг множественного числа слышен четко.

(б) С точки зрения принадлежности предпоследней строки к водскому и ижорскому языку основным критерием становится водская аффриката *tš* (< *k*), отмеченная только в варианте ПК-2.

(в) Хотя и водская, и ижорская лексемы со значением ‘сапог’ являются русскими заимствованиями, они выглядят по-разному: *säppөгä* в водском и *saapas* в ижорском. В ПК-2 представлена форма водского слова, в ПК-1 и ПК-3 — ижорского.

(г) Во всех вариантах ПК последние две строчки не увязываются с сюжетом предыдущей части руны. Ситуацию проясняют варианты, записанные от других носителей. В КЛ-1, НЛ и ОЛ перед этими строками (которых там даже три: к «каменным рукавицам» и «глиняным сапогам» добавляется «железная телега»⁴³)

⁴¹ В отличие от водского, где *ts* является отдельной фонемой, в сойкинском ижорском это скорее сочетание согласных, демонстрирующее некоторые признаки отдельной фонемы (см. [Рожанский, Маркус 2020]).

⁴² В водском варианте КЛ используется форма *lei* от глагола *liimä*, у которого есть значение ‘косить’ (наряду с ‘ударять’). Заметим, что этот же глагол (*viikate löi* ‘коса скосила’) встречается в ингерманландском финском варианте руны, приведенном в [Народные песни Ингерманландии 1974: 82].

⁴³ Железная телега также встречается в концовке руны, записанной на Сойкинском полуострове в 1861 году (часть III, руна 513 из коллекции финских рун [SKVR 2020]). «Глиняные сапоги» встречаются в руне, записанной в 1906 году у валдайских карел (часть II, руна 1429):

Kuĵ händä šoḡada?	Как ее достать?
Savizil šoappazil,	Глиняными сапогами,
Leppazil kindazil.	Ольховыми рукавицами.

задается вопрос *mille (migäl) mennä vettämä? ~ miil männa vettemä?* ‘Как пойти взять (= как его достать)?’⁴⁴. Он относится к фигурирующему перед этим вопросом ястребу (который, в свою очередь, унес петуха и улетел за море). Аналогичный вариант приводится в словаре [Vadja keele sõnaraamat 2013: 1338]: *mille mennää võttõmaa. — tšivizille tšintaillõ, savizillõ saappõgoillõ, rautðizillõ rattailõ.*

Другую интерпретацию концовки руны мы находим в НА, где у улетевшего за море петуха *kiviset kintät käez i saviset säppäd jalassa* ‘каменные рукавицы на руках (досл. в руке) и глиняные сапоги на ногах (досл. в ноге)’ (аналогично в МН глиняные сапоги на ногах и каменные рукавицы на руках оказываются у мужчины, который за морем). Такой вариант отражен в ижорском словаре [Inkeröismurteiden sanakirja 1971: 510]: *missä kukkoī? üli merel lenzi, savvīst säppäd jalaz, kivvīst kinttät käez* ‘Где петух? Улетел за море, глиняные сапоги на ногах, каменные рукавицы на руках’⁴⁵.

Насколько две описанные интерпретации последовательно коррелируют с языком (водским или ижорским), остается непонятным: ограниченный объем имеющегося материала не позволяет сделать какие-либо выводы на эту тему. Обратим внимание, что в финских вариантах типа *Missä voi?* и ее подтипа *Kuza riippi?* концовки не содержат упоминания о каменных рукавицах и железных сапогах.

(д) В рассматриваемой концовке обращает на себя внимание адессивное оформление именной группы с инструментальным значением. Ни для водского, ни для нижнелужского ижорского такое употребление адессива нехарактерно: в обоих идиомах в этой функции используется комитатив⁴⁶. Однако в сойкинском диалекте ижорского комитатив отсутствует, и инструментальную функцию выполняет именно адессив. Таким образом, можно предположить, что данный элемент в водской руне является заимствованным из ижорского.

Приложение 2.

Пример появления геминаты на стыке слов в послеложной конструкции

Две приведенные спектрограммы⁴⁷ демонстрируют два фонетических варианта одной и той же послеложной конструкции, произнесенных носительницей сойкинского ижорского 1933 года рождения. Запись сделана автором статьи в д. Валяницы. Первая спектрограмма (Схема 1) показывает слитное произнесение *lumen all* [lumennall] ‘под снегом’, в котором на стыке слов появляется гемината. Вторая спектрограмма (Схема 2) показывает произнесение того же словосочетания при повторе. На ней четко видно, как носительница, добиваясь намеренно четкого произнесения, отделяет последний слог и разрывает геминату на две части, между которыми образуется небольшая пауза.

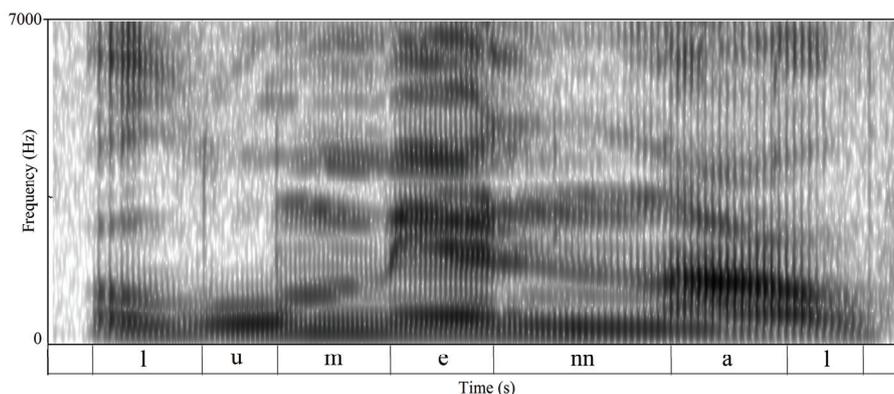

Схема 1. Словосочетание *lumen all* ‘под снегом’, произнесенное с геминатой на стыке слов.

⁴⁴ Ср. также с концовкой северокарельской руны *Missä voi?*, записанной в 1845 году (часть I3, руна 1885 из коллекции финских рун [SKVR 2020]).

<i>Missä kokko? – Taivahalla.</i>	Где петух? – На небе.
<i>Milla sieltä saatanee?</i>	Как достать оттуда?
<i>Korenoilla koivusilla,</i>	Коромыслами березовыми,
<i>Saarapäillä sauvasilla.</i>	Клюками (досл. загнутыми посохами).

⁴⁵ Ср. также с руной, записанной на Сойкинском полуострове в 1858 году, где в концовке ястреб улетел *Kiviset saappaat jalassa, Kiviset kinttaat käessä, Kiviset vaatteet päällä* ‘В каменных сапогах на ногах, каменных рукавицах на руках, в каменной одежде’ (часть III1, руна 255 из коллекции финских рун [SKVR 2020]).

⁴⁶ Для водского этот факт отмечался уже в первой грамматике, см. [Ahlqvist 1856: 28].

⁴⁷ Спектрограммы выполнены в программе Praat, см. [Boersma, Weenink 2020].

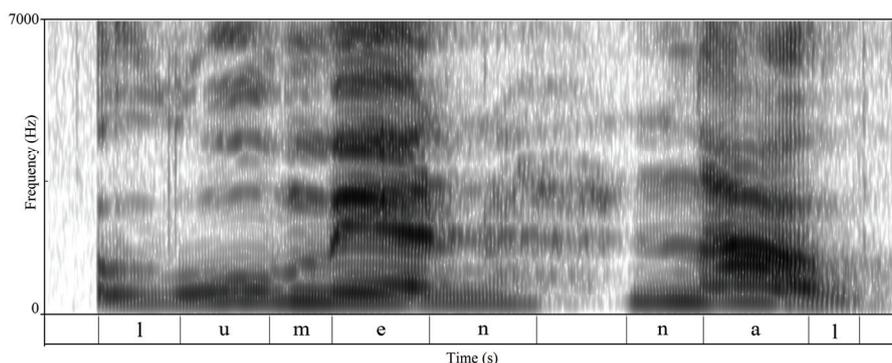

Схема 2. Словосочетание *lumen all* ‘под снегом’, произнесенное с разрывом геминаты на стыке слов.

Сокращения

ADESS — адессив
GEN — генитив
ILL — иллатив

INESS — инессив
PL — множественное число
PRS — настоящее время

PST — прошедшее время
SG — единственное число
3SG — 3 лицо единственного числа

Литература

Агранат 1998 — Агранат Т. Б. К именным категориям водских диалектов // Труды международного семинара Диалог’98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 272—278. {Agranat T. B. To the nominal categories of the Votic dialects // Proceedings of the international seminal Dialog’98 on the computational linguistics and its application. Vol. 1. Kazan, 1998. P. 272—278.}

Агранат 2007 — Агранат Т. Б. Западный диалект водского языка. Москва—Гронинген, 2007. {Agranat T. B. The western dialect of the Votic language. Moscow—Groningen, 2007.}

Вийтсо 1979 — Вийтсо Т.-Р. Проблемы количества в эстонском языке // Советское финно-угроведение. 1979. Вып. XV. № 1. С. 1—17. {Viitso T.-R. Problems of quantity in Estonian // Soviet Finno-Ugric studies. 1979. Iss. 15. № 1. P. 1—17.}

Кузнецова 2009 — Кузнецова Н. В. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. {Kuznetsova N. V. Phonological systems of the Ingrian dialects. PhD Thesis. St. Petersburg, 2009.}

Лаанест 1966 — Лаанест А. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966. {Laanest A. Ingrian dialects. Linguogeographic research. Tallinn, 1966.}

Лаанест 1977 — Лаанест А. Контакты ижорского языка с соседними близкородственными языками // Советское финно-угроведение. 1977. Вып. 13. № 4. С. 253—260. {Laanest A. Contacts of the Ingrian language with the neighbouring related languages // Soviet Finno-Ugric studies. 1977. Iss. 13. № 4. P. 253—260.}

Ленсу 1930 — Ленсу Я. Я. 1930. Материалы по говорам води // Западно-финский сборник. АН СССР. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Ленинград, 1930. С. 201—305. {Lensu Ja. Ja. Materials on Votic varieties // Western-Finnish collection. Academy of Sciences of the USSR. Leningrad, 1930. P. 201—305.}

Маркус, Рожанский 2017 — Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017. {Markus E. B., Rozhanskiy F. I. Contemporary Votic language. Text collection and grammatical description. Second enlarged edition. St. Petersburg, 2017.}

Мусаев 2004 — Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб., 2004. {Musaev V. I. Political history of Ingria at the end of the 19th — 20th century. St. Petersburg, 2004.}

Муслимов 2005 — Муслимов М. З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. {Muslimov M. Z. Language contacts in the Western Ingria (Lower Luga). PhD Thesis. St. Petersburg, 2005.}

Муслимов 2012 — Муслимов М. З. «Народная диалектология» в нижнелужском ареале // Acta Linguistica Petropolitana. 2012. Вып. VIII. № 1. С. 135—193. {Muslimov M. Z. “Folk dialectology” in the Lower Luga area // Acta Linguistica Petropolitana. 2012. Iss. 8. № 1. P. 135—193.}

Народные песни Ингерманландии 1974 — Народные песни Ингерманландии / Ред. Конкка У. Л., 1974. {Folk songs of Ingria / Ed. Konkka U. Leningrad, 1974.}

Рожанский, Маркус 2013 — Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б. О статусе нижнелужского диалекта ижорского языка среди родственных идиомов // Лингвистический беспредел — 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой.

M., 2013. С. 219—232. {*Rozhanskiy F. I., Markus E. B.* Status of the Lower Luga Ingrian against a background of the related varieties // *Lingvisticheskiy bespredel* — 2. Collection of scientific papers for the anniversary of A. I. Kuznetsova. Moscow, 2013.}

Рожанский, Маркус 2020 — *Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б.* О фонологическом статусе аффрикаты *ts* в сойкином диалекте ижорского языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Вып. XVI. № 3. С. 440—479. {*Rozhanskiy F. I., Markus E. B.* On the phonological status of the affricate *ts* in Soikkola Ingrian // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Iss. 16. № 3. P. 440—479.}

Хейнсоо 1995 — *Хейнсоо Х.* Водь и ее этнокультурное состояние // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / Сост. М. Йюкитии. Ювяскюля, 1995. С. 168—182. {*Heinsoo H.* Votes and their ethno-cultural state // *Finnic people. History and destiny of related nations* / Comp. М. *Jokipii*. Jyväskylä, 1995. P. 168—182.}

Эрнитс 2006 — *Эрнитс Э.* Об обозначении звуков в водском литературном языке // *Linguistica Uralica*. 2006. Вып. 42. № 1. С. 1—9. {*Ernits E.* On designation of sounds in the Votic literary language // *Linguistica Uralica*. 2006. Iss. 42. № 1. P. 1—9.}

Ahlqvist 1856 — *Ahlqvist A.* Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors, 1856.

Ariste 1960 — *Ariste P.* Vadjalaste laule. Tallinn, 1960.

Ariste 1968a — *Ariste P.* A Grammar of the Votic Language. Bloomington; The Hague, 1968.

Ariste 1968b — *Ariste P.* Welche Sprache spricht die ostseefinnische Bevölkerung in Vaipooli? // *Fenno-Ugria*. Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17.3.1968. Helsinki, 1968. S. 12—19.

Ariste 1969 — *Ariste P.* Über die Dreisprachigkeit unter einigen finnisch-ugrischen Völkern // Советское финно-угроведение. 1969. Вып. 5. № 4. С. 245—254.

Ariste 1975 — *Ariste P.* Über die inneren Kontakte zwischen den ostseefinnischen Sprachen // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum*. Tallinnae habitus 17.—23. VIII 1970. Pars I: *Acta linguistica*. Tallinn, 1975. S. 196—199.

Ariste 1981 — *Ariste P.* Keelekontaktid. Eesti keele kontakte teiste keeltega. Tallinn, 1981.

Ariste 1986 — *Ariste P.* Vadja rahvalaulud ja nende keel. Tallinn, 1986.

Boersma, Weenink 2020 — *Boersma P., Weenink D.* Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.1.29. <<http://www.praat.org/>>. По состоянию на 30 ноября 2020 года.

Deuchar, Muysken, Wang 2007 — *Deuchar M., Muysken P., Wang S.-L.* Structured Variation in Codeswitching: Towards an Empirically Based Typology of Bilingual Speech Patterns // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2007. Vol. 10. № 3. P. 298—340.

Haarmann 1984a — *Haarmann H.* Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas. Band 3: Aspekte der ingrisch-russischen Sprachkontakten. Hamburg, 1984.

Haarmann 1984b — *Haarmann H.* Soziolinguistisch-lexikologische Studien zu den ingrisch-russischen Sprachkontakten: mit einem ingrisch-russischen Wörterverzeichnis. Hamburg, 1984.

Inkeroinmurteiden sanakirja 1971 — *Inkeroinmurteiden sanakirja* / Toim. *Nirvi R. E.* Helsinki: 1971.

Kettunen, Posti 1932 — *Kettunen L., Posti L.* Näytteitä vatjan kielestä. Helsinki, 1932.

Köppen 1867 — *Köppen P.* Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. St. Petersburg, 1867.

Kuznetsova et al. 2015 — *Kuznetsova N., Markus E., Muslimov M.* Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background // *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and in the European Union: Comparative studies on equality and diversity* / Eds. *Heiko F. Marten, Michael Rießler, Janne Saarikivi, and Reetta Toivanen*. Heidelberg / New York / Dordrecht / London, 2015. P. 127—167.

Mägiste 1959 — *Mägiste J.* Woten Erzählen. Wotische Sprachproben. Helsinki, 1959.

Mustonen 1883 — *Mustonen O. A. F.* Muistoonpanoja Vatjan kielestä // *Virittäjä*. 1883. Num. 1. S. 144—188.

Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge, 2000.

Myers-Scotton 1997 — *Myers-Scotton C.* Duelling Languages. Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford, 1997.

Poplack 1980 — *Poplack S.* Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino espanol: Toward a Typology of Code-Switching // *Linguistics*. 1980. Vol. 18. P. 581—618.

Salminen 1928 — *Salminen V.* Vatjalaiset runot. Helsinki, 1928.

Salminen 1929 — *Salminen V.* Tutkimus vatjalaisten runojen alkuperästä. Helsinki, 1929.

Savijärvi 1998 — *Savijärvi I.* Cognate languages in contact. Ingria — where four Baltic-Finnic languages meet // *Language contact, variation, and change* / Eds. *Jussi Niemi, Terence Odlin ja Janne Heikkinen*. Joensuu, 1998. P. 269—286.

SKVR 2020 — <https://skvr.fi/> (по состоянию на 15 октября 2020 года)

Trefurt 1785 — *Trefurt F. L.* Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden // *Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit*. II Band, 2. Stück / Ed. *Fr. K. Gadebusch*. Riga, 1785. S. 89—122.

Tsvetkov 1925 — *Tsvetkov D.* Vadjalased // *Eesti Keel*. 1925. Iss. 4. № 1—2. Lk. 39—44.

Tsvetkov 1995 — *Tsvetkov D.* Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto / Toim. *J. Laakso*. Helsinki, 1995.

Vadja keele sõnaraamat 2013 — *Vadja keele sõnaraamat* / Toim. *S. Grünberg*. Tallinn, 2013.

Västriik 2007 — *Västriik E.-H.* Vadjalaste ja isurite usundi kirjeldamine keskajast 20. sajandi esimese pooleni: alliktekstid, representatsioonid ja tõlgendused. PhD Thesis. Tartu, 2007.

Старочувашский памятник с различением датива и аккузатива

Савельев Александр Владиславович, Институт языкознания РАН (Москва); a.savelyev@iling-ran.ru

Статья вводит в научный оборот языковой материал первого чувашского перевода Евангелия от Матфея, опубликованного в Казани в 1820 году. Детальный анализ особенностей диалекта-основы памятника — и, прежде всего, специфических инноваций на фонетическом и морфологическом уровнях — позволяет отнести язык Евангелия к группе курмышско-красночетайских говоров верхнего диалекта. Этот вывод согласуется с доступными экстралингвистическими свидетельствами о диалектной атрибуции памятника. Многие архаичные черты диалекта Евангелия обнаруживают параллели в ранее исследованных старочувашских источниках XVIII—XIX веков. В то же время язык памятника характеризует и одна уникальная особенность, а именно системное различение старых показателей дательного и винительного падежей (после определенного типа основ и грамматических показателей). Современный чувашский язык маркирует синкретический дательно-винительный падеж при помощи аффикса *-(n)A*, диал. *-(j)A*, в котором в результате фонетических изменений и действия парадигматических факторов совпали рефлекс праторских показателей датива и аккузатива. Это явление традиционно датируется достаточно ранним периодом истории чувашского языка, поскольку современные диалекты не обнаруживают следов бывшего противопоставления двух падежных показателей. Однако открытие системы с последовательным различением дательного и винительного падежей в старочувашском диалекте XIX века свидетельствует в пользу того, что синкретическое выражение значений датива и аккузатива, которое является одной из наиболее известных структурных особенностей чувашского языка, имеет недавнее происхождение. Таким образом, материал первого чувашского перевода Евангелия от Матфея оказывается бесценным источником сведений о состоянии чувашской падежной системы, предшествовавшем совпадению дательного и винительного падежей.

Ключевые слова: чувашский язык, старочувашские памятники, чувашская диалектология, история чувашского языка, синкретизм датива и аккузатива

A PRE-STANDARD CHUVASH TEXT WITH A DATIVE-ACCUSATIVE DISTINCTION

Alexander V. Savelyev, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); a.savelyev@iling-ran.ru

This paper introduces the linguistic evidence extracted from the first translation of the Gospel of Matthew into Chuvash, which was published in Kazan in 1820. On the basis of a detailed analysis of dialect-specific features, and especially phonological and morphological innovations, the attested variety should be classified among the Kärnäš—Xěrlě Ćutay varieties of Viryal Chuvash. Such a conclusion is consistent with the available extra-linguistic evidence regarding the dialect affiliation of this early Bible translation. Many of the archaic features found in the first translation of the Gospel of Matthew into Chuvash were previously documented in other pre-Standard Chuvash texts from the 18th—19th centuries. One salient feature that distinguishes the Gospel translation from the other contemporary sources is that the attested variety retains the old distinction between the dative and accusative case markers (after a limited number of lexical and grammatical morphemes). Modern Chuvash makes use of the syncretic dative-accusative case suffix *-(n)A*, dial. *-(j)A*, which developed through the merger of reflexes of Proto-Turkic dative and accusative case markers, owing to phonological and paradigmatic factors. The loss of the dative-accusative distinction is usually considered an early phenomenon in the history of Chuvash because there is no trace of such a distinction in the modern Chuvash dialects. However, the fact that at least one of the Viryal Chuvash varieties featured the dative-accusative distinction as late as the 19th century provides evidence for a recent origin of the case syncretism in Chuvash. This makes the first translation of the Gospel of Matthew into Chuvash a key source on the development of the Chuvash case system prior to the emergence of the dative-accusative syncretism.

Keywords: Chuvash, pre-Standard Chuvash texts, Chuvash dialectology, Chuvash language history, dative-accusative syncretism

1. Введение¹

Предметом исследования, представленного в настоящей статье, являются языковые особенности первого чувашского перевода Евангелия от Матфея [Святой Евангелъ 1820: 3—147], а особое внимание уделено одной уникальной черте этого памятника — различению дательного и винительного падежей, утраченному в современном чувашском языке.

Как и другие канонические Евангелия, Евангелие от Матфея было впервые переведено на чувашский в рамках недолгой деятельности казанского отделения Российского библейского общества. Представительство организации в Казани открылось в 1818 году, а уже в 1820-м чувашский перевод Четвероевангелия был завершён и напечатан тиражом 5000 экземпляров. Этот перевод, объём которого составил более 500 страниц печатного текста, стал крупнейшим памятником письменности старочувашской эпохи. Работа над полным переводом Нового завета продолжалась ещё несколько лет и была остановлена в 1826 году, когда из-за внутренних конфликтов в среде православного духовенства деятельность Библейского общества сошла на нет.

Редактурой чувашского Четвероевангелия, по-видимому, целиком занимался цензор чувашских книг Петр Талиев (1778—1832), но сами переводы были выполнены несколькими священниками, служившими в разных приходах на территории современной Чувашии. Согласно архивным источникам, которые цитируют Л. А. Таймасов и П. В. Денисов, Евангелие от Матфея переводили священники с. Пандикова и Красных Четай (оба ныне в Красночетайском районе Чувашии), от Марка — с. Чемеева (Моргаушский район), от Луки и от Иоанна — г. Ядрина [Таймасов, Денисов 2012: 93]. П. Я. Яковлев приводит отчасти противоречащие сведения: Евангелие от Матфея было переведено в с. Пандикове, от Марка — в с. Чемееве, от Луки и от Иоанна — в с. Большой Шатъме (Красноармейский район) [Яковлев 2019: 25]. В любом случае из архивных данных следует, что, во-первых, разные Евангелия, скорее всего, отражают языковой материал разных чувашских говоров, а во-вторых, от языка чувашского Евангелия от Матфея можно ожидать особой близости к красночетайскому говору (один из говоров верхового диалекта чувашского языка). Это предположение требует проверки исходя из анализа собственно лингвистического материала. Представленный ниже анализ основан на частичной росписи перевода Евангелия от Матфея. Исследование других книг чувашского Четвероевангелия 1820 года в контексте истории и, в частности, исторической диалектологии чувашского языка остается задачей будущих исследований.

Далее в разделе 2 дается обзор основных языковых особенностей чувашского перевода Евангелия от Матфея и устанавливается его диалектная принадлежность. В разделе 3 специально разбирается вопрос о различении показателей датива и аккузатива в памятнике на фоне более общей проблемы происхождения синкретического дательного-винительного падежа в современном чувашском языке. Некоторые выводы представлены в разделе 4.

Концептуально данная статья продолжает серию работ автора, посвященных системному описанию языка старочувашских памятников XVIII—XIX веков [Савельев 2013, 2014б, 2015, 2016, 2018б]. За некоторыми исключениями, к этим же работам восходят используемая система записи чувашских форм и прочие принципы подачи материала². Значительная часть статьи посвящена сопоставлению диалектных

¹ Я благодарю О. А. Мудрака за множество ценных замечаний в связи с основными положениями настоящего исследования, а также анонимных рецензентов журнала за внимательное прочтение и комментарии к ранней версии статьи.

² Отметим особо следующее изменение по сравнению с ранее принятой системой: квадратные скобки «[...]», в которые прежде заключались оригинальные записи в системах старочувашской орфографии, отныне предсказуемо используются для фонетических транскрипций (предполагаемых для старочувашских форм исходя из анализа орфографии и данных чувашской исторической фонетики). Для форм в оригинальной старочувашской орфографии теперь употребляется знак угловых скобок «<...>». Если не указано иное, помета «чув.» маркирует общечувашские прототипы форм памятника. Знак + используется для промежуточных лингвистических реконструкций (т. е. форм, предковых по отношению к современным чувашским формам, без четкой локализации во времени). Дефис применяется для обозначения морфемных границ в формах памятника и в их соответствиях в современном чувашском языке. Во избежание неоднозначности тот дефис, который в орфографии памятника маркирует клитики, заменяется во всех случаях на «=». В транскрипции не обозначается нефонологическая мягкость согласных (автоматическая палатализация рядом с переднерядными гласными), поскольку в противном случае транскрипция стала бы исключительно тяжеловесной; при этом обозначение мягкости не является необходимым в свете основной проблематики статьи. Акут и гравис оригинальной системы записи обобщены в транскрипции как акут, поскольку это различие, видимо, не несет фонетической информации, а является исключительно орфографическим. При необходимости используется следующая система обозначений для фонетических разрядов согласных:

черт памятника с современными чувашскими данными; в роли стандартного источника сведений о границах распространения тех или иных изоглосс в чувашских говорах используется монография [Сергеев 2007]. В необходимых случаях также даются ссылки на диалектные формы, зафиксированные в 17-томном «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина [СЧЯ].

2. Общая характеристика языка памятника и его диалектная принадлежность

Как будет показано ниже, язык первого чувашского перевода Евангелия от Матфея во многих отношениях близок языку других старочувашских памятников XVIII—XIX веков. Поэтому детальные интерпретации даются далее только в том случае, если освещение некоторого вопроса отсутствует в предыдущих работах цикла или если предложенные ранее объяснения нуждаются в пересмотре в связи с накоплением новых данных. В заключительном пункте этого раздела характерные черты языка Евангелия на фонетическом и морфологическом уровнях сопоставляются с собиравшимися начиная с конца XIX века и имеющими географическую привязку данными по чувашской диалектологии, на основании чего и предлагается диалектная атрибуция памятника.

2.1. Фонетика

Анализ фонетики чувашского Евангелия от Матфея значительно упрощает тот факт, что в этом памятнике применяется в целом та же система орфографии, что и в иных, уже изученных старочувашских источниках того же периода, ср. [Савельев 2016, 2018б]. В своей основе эта система использует принципы русской орфографии, но ориентирована на фонетическую, а не фонематическую запись. Наиболее самобытным приемом является использование в разнообразных функциях специально изобретенных диграфов — в частности, для передачи анлаутных *й*- и *ъ*- (диграф <*йу*->), взрывного *-g*- (<*gg*> в противоположность одинарной <*g*>, отражающей фрикативный *-y*-), сочетаний палатального *ś*- с огубленными гласными (например, *śo*- = <*śio*->) и тех сочетаний начального *j*- с гласными, которые отсутствуют в русском языке и поэтому неизвестны русской орфографии (например, *ji*- = <*ьи*->).

2.1.1. Вокализм: основные особенности

В языке Евангелия сохраняется прачувашский **o*, что традиционно считается ключевой особенностью верхового диалекта (> *u* в низовом диалекте), ср.: <*ой-рâ*> = [*oj-râ*] ~ чув. *oj-ra* 'поле-LOC', <*пóлы-замъ*> = [*pólъ-zam*] ~ чув. *polъ-zam* 'рыба-PL', <*чоль*> = [*čol*] ~ чув. *čol* 'камень'. Как заднерядный огубленный гласный *o* составляет оппозицию *u* <*y*>, особому напряженному гласному верхнего подъема, который происходит из пратюркских сочетаний с глайдами и имеется во всех чувашских диалектах. В части случаев на месте ожидаемого *u* записывается <*yв*> — например, <*түв-р-е*> ~ чув. *tu-r-ä* 'делать-PST-3SG'. Такая запись может отражать либо собственно напряженную артикуляцию (*u* ~ *u^h*), либо сочетание *ъv*. Это сочетание является позиционным вариантом *u* перед гласными в литературном языке, но имеет более широкую дистрибуцию, отчасти захватывая ауслат и позицию перед согласным, в некоторых говорах (в южных верховых и в средненизовых, см. [Сергеев 2007: 53—54]). Поскольку нет оснований для соотнесения языка памятника именно с этими говорами, см. п. 2.4, то вариант с отражением напряженности предпочтителен.

В первом слоге не только присутствует открытый *e* (= *ä*), соотносимый с *e* в современном чувашском, но и сохраняется закрытый *e* (= *e*) на месте чув. *i*. Этот гласный отмечается как в заимствованиях, так и в исконных словах: <*черьггю*> = [*čergü*] ~ чув. *čirgü* 'церковь' ← рус., <*кёрле*> = [*kerlə*] ~ чув. *kirlä* 'надо' < ПТю **ger*-. Формы с закрытым *e* были обнаружены ранее в чувашских материалах Словаря Палласа (конец XVIII века) и в памятнике «Конь святой бórнызинь...» середины XIX века [Савельев 2014б: 127—128; Савельев 2016: 91].

Как и другие старочувашские памятники, Евангелие от Матфея различает огубленные и неогубленные редуцированные гласные (в современном литературном языке и в некоторых говорах они совпадают в неогубленном варианте). Ср. примеры типа <*сóл-е*> = [*śól-ä*] ~ чув. *śól-ä* 'спасти-FUT.3SG', <*сюрю*> = [*śärǰ*] ~ чув. *śärǰ* 'кольцо', <*тлюлокъ=рâ*> = [*tǰlǰk=râ*] ~ чув. *tǰlǰk-re* 'сновидение-LOC' с отражением огубленного редуцированного vs. примеры типа <*ьж-ин-чê*> = [*ǰǰ-ǰn-čê*] ~ чув. *ǰǰ-ǰn-čê* 'нутро-POSS.3-LOC',

C — любой согласный, *T* — шумный согласный, *R* — плавный сонант, *N* — носовой сонант. В обозначениях рядов гласных *V* — любой гласный, *A* — открытый гласный *a* либо *e*, *U* — закрытый огубленный *u* либо *ü*, *I* — закрытый неогубленный *i* либо *ï*, *Ə* — редуцированный (*ь, ъ, ə, ä*).

<úлекъ> = [álek] ~ чув. *alək* ‘прежде’, <херь> = [xər] ~ чув. *xər* ‘дочь, девушка’ с отражением неогубленного.

На более переднюю артикуляцию чувашского анлаутного *i*- в сравнении с русским *ы* может указывать вариативность в записи <u-> ~ <ы->, ср. <úpa> = [iɾa] ~ чув. *ir̥* ‘добрый’, <ыдты> = [idti] ~ чув. *itti* ‘другой’. Последний пример иллюстрирует также отмеченное в чувашских говорах наведение гармонии *i* > *i* при заднерядном гласном в предшествующем слоге.

Системным образом на месте ожидаемого сочетания *iv* записывается <ув>, т. е. отражается лабиализация *i* перед *v*. Формально здесь могут передаваться зафиксированные в чувашских диалектах варианты развития в *iv* (с ослаблением до редуцированного) или *iv̥* (с лабиализованным *i*; о таком типе чувашских гласных см. [Савельев 2014a]). Однако с учетом предполагаемой диалектной атрибуции памятника, см. п. 2.4, в данном случае скорее имеет место переход *iv* > *iv̥*. Примеры на такое развитие: <úвыль> = [iɿv̥l] ~ чув. *iv̥l* ‘сын’, <шувъ> = [šiv̥] ~ чув. *šiv̥* ‘вода’, <ióвысь> = [jiv̥s̥] ~ чув. *jiv̥s̥* ‘дерево’, <сүвлекш-ба>, <сүвлекш-а> = [siv̥l̥š-bá], [siv̥l̥š-a] ~ чув. *siv̥l̥š-pa* ‘воздух-INS’, *siv̥l̥š-a* ‘воздух-DAT.ACC’.

В чувашском частотно отпадение начального редуцированного гласного в односложных словах с ударным *A* (= *a*, *e*) в одном из последующих слогах, в особенности если непосредственно за редуцированным следует сонант. В исследованном материале Евангелия от Матфея встретился пример с сохранением анлаутного гласного в такой позиции: <úмюльггэ-> = [ǰmǰlgé-]. Эта запись соответствует чув. *mǰlge* ‘тень, призрак’, но старые формы типа *ǰmǰlge* с начальным редуцированным отмечаются в диалектах [СЧЯ IV: 105].

Запись <шúльн-е> = [šǰln-ə] ~ чув. *šǰll-ə*, диал. *šǰln-ə* ‘младший брат-POSS.3’ отражает известное чувашским диалектам наведение гармонии по перегласовке: ⁺*šǰln-ə* > *šǰln-ə*. Сочетание <шuu-> может указывать как на заднерядную, так и на переднерядную огласовку, но отражаемый при помощи <ль> мягкий *-l'* совместим только со второй.

Не была ранее отмечена для старочувашского материала (как, по-видимому, и для современных чувашских диалектов) такая особенность языка Евангелия, как веляризация передних редуцированных гласных в позиции рядом с губными *m*, *p* [-*b*-], а также рядом с *r*, ср.: <кúль-д-ым-ыр̥> = [kil-d-ɿm-ɿr̥] ~ чув. *kil-d-ətm-ər* ‘прийти-PST-1-PL’, <кюрд-эд-ыб̥> = [kǰrd-éd-ɿb̥] ~ чув. *kǰrd-ed-əp* ‘вести-PRS-1SG’, <ильт-р-ыр̥> = [ilt-r-ɿr̥] ~ чув. *ilt-r-ər* ‘слышать-PST-2PL’.

2.1.2. Проблема конечного редуцированного

Язык чувашского перевода Евангелия от Матфея демонстрирует особую архаичность в части отражения конечных редуцированных (происходят из пратюркских узких гласных либо из особого ПТю **ə*, о необходимости реконструкции которого в случае соответствия общетюркскому нулю см. [СИГТЯ 2006: 48—56], а также [Савельев 2018a: 101—102]). В именных двусложных основах конечный редуцированный, как правило, сохраняется и в современном чувашском: ПТю **sesə* > чув. *saz̥*, *sas* ‘голос’ (<сазь> = [saz̥^h] в Евангелии). В многосложных основах в современном языке конечный редуцированный почти во всех случаях отпал. Его следы отмечаются только в посессивной парадигме 3-го лица, где в отдельных говорах (а в некоторых идиоматических выражениях — практически повсеместно) после основ, которые на поверхностном уровне выглядят как консонантные, используется поствокальный вариант аффикса принадлежности *-i*, а не постконсонантный *-ə*. Это, например, случай чув. *jiv̥s̥* ‘дерево’ <⁺*jiv̥ž̥*, откуда *jiv̥s̥s̥-i* ‘дерево-POSS.3’ (в устойчивых выражениях; продуктивный вариант — *jiv̥ž̥-ə*).

Как показывают старочувашские данные, вне посессивной парадигмы ауслатный редуцированный сохранялся в именных многосложных основах еще в XIX веке. В случае Евангелия следует отдельно рассматривать основы вида *CVTƏRƏ* и иные основы на *-ə*. Основы типа *CVTƏRƏ* полностью сохраняют конечный редуцированный, примером чего может служить форма <сюкпу> = [šǰkr̥^h], фонологически ⁺*šǰg̥r̥* ~ чув. низ. и литер. *šǰg̥r̥*, верх. *šǰkk̥r̥* ‘хлеб’. Тожественный форме памятника вариант *šǰkr̥* отмечался в т. н. «островных» говорах саратовских и ульяновских чувашей — «в виде реликта», по формулировке [Сергеев 2007: 107]. В зафиксированных в Евангелии основах иного вида конечный редуцированный уже находится на пути к отпадению, хотя остаточно и произносится. На это указывает то, что в основах с шумным согласным перед финальным <-ь> или <-b> этот согласный отражается как звонкий (в чувашском ауслате возможны только глухие шумные). Примеры в расписанной части памятника иллюстрируют, в первую очередь, позицию после велярного *x* [-*ɣ*-], ср. <тпузь> = [t̥r̥ɣ̥^h] ~ чув. *t̥r̥ɣ̥* ‘пролет, территория; (последлог) по, согласно чему-л.’, <сúлызь> = [s̥il̥ɣ̥^h] ~ чув. *s̥il̥ɣ̥* ‘грех’, <сумàзь> = [s̥m̥áɣ̥^h] ~ чув. *s̥m̥ax* ‘слово’, но ср. также <олбúдь> = [olb̥ú^h] ~ чув. *olbut* ‘господин, барин’. Отметим, что данные XIX века прямо подтверждают интерпретацию О. А. Мудрака [СИГТЯ 2006: 48—56], требующую реконструкции пратюркских сочетаний «велярный / вулярный + ə» в ауслате тех многослож-

ных основ, где заднеязычный согласный в современном чувашском сохраняется, а не отпадает. Отражаемое в старочувашском материале сочетание $^+y^b$ — это промежуточное состояние между ПТю $*-q\dot{a}$ и современным чув. $-x$.

Многие глагольные основы в памятнике также отражаются со звонким согласным в орфографическом исходе, ср. $\langle an=t\acute{o}g\dot{y} \rangle = [an=t\acute{o}y^b]$ ~ чув. $an=tox$ 'NEG=выходить.IMP.2SG', $\langle y\acute{o}-c\grave{a} \rangle = [y\acute{o}^b-s\acute{a}]$ ~ чув. $iv\acute{y}t-sa$ 'бросать-CVB'. Ранее эту особенность старочувашских источников первой половины XIX века было предложено объяснять отклонением от фонетического принципа орфографии в пользу морфологического, «предполагающего неизменность написания морфемы и игнорирование возможных фонетических вариантов». Согласно этой интерпретации, «в качестве инвариантов были генерализованы очень частотные сегменты со звонким исходом, которые были вычленены из большого числа форм глагольной парадигмы, где конечный согласный основы озвончается в позиции перед гласными аффикса» [Савельев 2016: 73], см. также [там же: 100] и [Савельев 2018б: 69]. Однако увеличение корпуса исследованного старочувашского материала позволяет утверждать, что морфологический принцип, в отличие от фонетического, для орфографии этого периода в целом крайне нехарактерен. Кроме того, звонкие отражения в исходе глагольных основ часто встречаются наряду с глухими, что лучше интерпретировать как переходное состояние между старой фонетикой и новой: для осознанного применения некоторого орфографического приема ожидалась бы значительно бóльшая регулярность в записи.

Таким образом, как и в случае с именными основами, отражение звонких согласных как бы в исходе глагольных основ также должно указывать на остаточное сохранение последующего редуцированного гласного. В современном чувашском основы такого вида отсутствуют. Однако на старый тип глагольных основ с конечным узким / редуцированным указывают не только старочувашские памятники, но и особенности морфонологии как чувашского языка, так и отдельных языков общетюркской ветви. В чувашском имеются случаи такого развития ПТю $*l$, синхронно на конце глагольной основы, как если бы за ним следовал гласный (согласно реконструкции О. А. Мудрака: в болгарской ветви $*l > l$, но \acute{s} перед гласным). Например, для чув. $xo\acute{s}$ - 'добавлять, соединять', которому соответствует $*qo\acute{s}$ - в большинстве подгрупп общетюркской ветви, в [СИГТЯ 2006: 168] реконструируется ПТю $*qo\acute{l}u-$ на основании сравнения с як. $xohuj-$ < $*xosuj-$ 'воспевать [героев]' (семантическое развитие из $*\text{'соединять слова (стихи) в поэму'}$). Ср. форму $\langle xoh\acute{z}-c\grave{a} \rangle = [xo\acute{z}^b-s\acute{a}]$ ~ чув. $xo\acute{s}-sa$ 'соединять-CVB', которая отмечается в чувашском Евангелии от Матфея в значении 'говорить' (с развитием из $*\text{'соединять [слова]'$, близким к якутскому). См. также [Мудрак 2014: 26—47], где необходимость реконструировать конечный редуцированный $*-\acute{a}$ для части пратюркских глагольных основ показывается на материале анализа каузативных классов в тюркском глаголе.

2.1.3. Консонантизм

Как и во многих других старочувашских памятниках, в Евангелии от Матфея отмечаются отражения $\#b-$ — т. е. звонкого анлаута, вопреки современной фонотактике, — в послелогох и частотных глаголах, ср. $\langle батн\grave{e} \rangle = [batn\acute{e}]$ ~ чув. $patne$ 'к чему-л.' (послелог), $\langle б\acute{i}-на \rangle = [bi-na]$ ~ чув. $pi-n\acute{y}$ 'идти-PST.PTCP' (наряду с этим встречаются и отражения глухого $\#p-$). В двух основах регулярно отражается звонкость начального дентального: $\langle дв\acute{a}mma \rangle = [d^b-v\acute{a}tta]$ ~ чув. $t\acute{v}vatt\acute{e}$ 'четыре', $\langle de- \rangle = [de-]$ ~ чув. $te-$ 'сказать'. Интерпретацию феномена звонкости начальных шумных в старочувашском (фонетически, по-видимому, полувзвонкости, которая имеет отчасти историческую природу — не путать с синхронным фразовым озвончением) см. в [Савельев 2016: 69—72; Савельев 2018б: 67—68].

На месте инлаутных шумных геминат современного чувашского языка в памятнике выступают отражения полувзвонких геминат (со звонким приступом и глухим исходом). В частности, зафиксированы сочетания $\langle -\acute{d}m- \rangle = [-dt-]$ ~ чув. $-tt-$, $\langle -z\acute{x}- \rangle = [-y\acute{x}-]$ ~ чув. $-xx-$, $\langle -z\acute{c}- \rangle = [-zs-]$ ~ чув. $-ss-$, $\langle -z\acute{y}c- \rangle$ перед буквой для обозначения йотированной гласной = $[-\acute{z}\acute{s}-]$ ~ чув. $-\acute{s}\acute{s}-$. Ранее подобная запись (наверняка отражение фонетической реализации геминат в старочувашском, а не просто орфографический прием) была отмечена в памятнике «Конь святой бóрнызинь...» [Савельев 2016: 74, 78, 80].

В ряде чувашских основ $-m$, закономерный рефлекс ПТю $*n$, $*\eta$ перед узким или отпадающим редуцированным гласным [Мудрак 1989: 218—220], развивается в части говоров (прежде всего, низовых) в $-n$, ср. чув. $so(l)y\acute{y}m \sim suly\acute{y}n$ 'прохлада; прохладный', $ild\acute{y}m \sim ilt(t)\acute{y}n$ 'золото', $t\acute{b}r\acute{y}m \sim t\acute{b}r\acute{y}n$ 'титул (в топонимах)'. Формы Евангелия имеют в этом отношении архаичный облик: $\langle ылдым\grave{y} \rangle = [ild\acute{y}m]$ 'золото'.

Для сочетаний типа $*N\acute{c}$ наблюдается развитие в $-\acute{s}\acute{s}-$ наряду с $-n\acute{z}-$: $\langle хусянь \rangle = [x\acute{b}\acute{s}(\acute{s})an]$, $\langle хонзя \rangle = [x\acute{b}n\acute{z}\acute{a}]$ ~ чув. $x\acute{b}\acute{z}an$, диал. $x\acute{b}n\acute{z}a$ 'когда'. Редкое сочетание $-\acute{s}t-$ развивается в $-\acute{s}t-$: $\langle ума \rangle = [\acute{s}ta]$ ~ чув. $(\acute{b})\acute{s}ta$, диал. $(\acute{b})\acute{s}ta$ 'где'. Отмечаемая в заимствованиях последовательность $-\acute{c}k-$ сохраняется: $\langle кычкыр \rangle = [k\acute{b}\acute{c}k\acute{y}r-]$ 'кричать' < тат. $q\acute{i}\acute{c}q\acute{i}r-$ т.ж.; в большинстве чувашских говоров это нехарактерное сочетание

разрешается за счет спирализации аффрикаты: *kǝškǝr-*, диал. *kǝškǝr-*. Форма *<шӱльн-е>* = [šǝln-ə] ~ чув. *šǝll-ə* ‘младший.брат-POSS.3’ отражает развитие ПТю **siŋil* с метатезой, но еще без ассимиляции *-ln- > -ll-*. Примечательна запись *<азше>* ‘его отец’ = [azʰšə] < *azʰšə* < *azʰšə* < *azʰšə*, образование с аффиксом принадлежности 3-го лица *-šə* от *aza* ‘отец’. В современном чувашском находим *aššə* с ассимиляцией, заменяющей внутреннюю форму, но ср. диал. *azʰšə* [СЧЯ II: 127].

Своеобразны формы с нестяженным инлаутным *-av-* (> *-a-* во многих говорах, а в части позиций и в литературном языке): *<тавлык>* = [tavlʲk] ~ чув. *talʲk*, диал. *tavlʲk* ‘сутки’, *<савындалык>* = [savʲndalʲk-] ~ чув. *šandalʲk*, диал. *šavʲndalʲk* ‘мир’.

Историческое сочетание *⁺-jr-* внутри основы стягивается в языке Евангелия в палатальный *-r-*: *<орех>* = [orʲx] ~ чув. верх. *orʲx* ‘другой’ (< *⁺ojrx*). В низовом варианте этого слова *⁺-jr- > -r-*: *orʲx*. На границе морфем стяжения в памятнике не происходит: *<кай-рань>* = [kaj-ran] ~ чув. *kaj-ran* (задняя часть-ABL) ‘потом’.

Интересна форма *<сӱвlesh>* = [sivʲlʲš-] ‘воздух, дух’, производная от незафиксированного *sivla-* ‘дышать’. Сочетание *-vʲ-* является источником геминаты *-ll-*, отмеченной в современном верх. *sullá-* ‘дышать’ < ПТю **sōjlu-*. В низовом диалекте представлен другой вариант: *sivla-* тж. < ПТю **sōjlu-* [СИГТЯ 2006: 168]. Как показывает старочувашский материал, похожие варианты должны реконструироваться еще для одной основы, ПТю **sjoŋra-* ~ **sjojra-* ‘искать’. Вариант с **-y-* отражается в чув. *šira-* < *⁺šivra-* [Мудрак 1993: 118]. Форма из Евангелия *<шуре>* = [širʲe-] развилась из *⁺šijra-* и указывает на прятюрский вариант с **-j-*. Переднерядный вариант *шуре-* отмечался позднее (без указания места фиксации) и у Н. И. Ашмарина [СЧЯ XVII: 203].

2.1.4. Акцентуация

Постановка ударения в Евангелии выглядит достаточно нерегулярной — впрочем, как и во многих других старочувашских памятниках. Это может быть связано с тем, что на отражение акцентуации влияет еще не полностью установленный ряд факторов. В целом действует правило постановки грависа над последним слогом, а иначе — акута, но соблюдается оно не строго. Что касается места ударения, то, с одной стороны, действуют правила, наблюдаемые в современном верховом диалекте, где ударение падает на последний нередуцированный гласный в слове, но на первый слог, если все гласные в слове редуцированные. Ср. примеры *<озаль>* = [ozál] ~ чув. *ozál* ‘злой’, *<манман-е>* = [taptán-ə] ~ чув. *taptán-ə* ‘оскверняться-FUT.3SG’, *<хӱже>* = [xʲžə] ~ чув. *xʲžə* ‘который’. Как и в современном чувашском, аффиксальный характер слога обычно не влияет на правила акцентуации: *<пидан-ма>* = [pidan-má] ~ чув. *pidan-má* ‘прятаться-INF’, *<хвел-я>* = [xʲvel-á] ~ чув. *xʲvel-é* ‘солнце-DAT.ACC’. С другой стороны, в части форм памятника аффиксы не перетягивают на себя ударение, даже если содержат гласный полного образования: *<арым-а>* = [arʲm-a] ~ чув. *arʲm-á* ‘жена-DAT.ACC’. Для надежной интерпретации этой и других особенностей акцентуации чувашского Евангелия от Матфея в будущем будет необходима полная роспись памятника; это позволит установить все возможные распределения и подтвердить каждое из них достаточным числом примеров.

2.2. Морфология

2.2.1. Имя

Основы на гласный присоединяют показатель генитива *-jən* и показатель датива-аккузатива *-ja*: *<Иуда-инь>* = [Iudá-jən] ~ чув. диал. *Iuda-jən* ‘Иуда-GEN’, *<опушка-я>* = [opʲšká-ja] ~ чув. диал. *opʲška-ja* ‘муж-DAT.ACC’. В современном литературном чувашском и в большинстве говоров эти показатели имеют вид *-n* (является допустимым и более архаичный вариант *-nən*) и *-na* соответственно.

Показатели локатива и аблатива в непосессивной парадигме несут черты клитик. Аффикс локатива обычно подчиняется сингармонизму, но наряду с этим встречаются и формы без гармонии: *<тюлюкь=рӱ>*, *<тиӱлюкь=рӱ>* = [tʲlʲk=rá], [tʲlʲk=rá] ~ чув. *tʲlʲk-re* ‘сновидение-LOC’. Аблативный аффикс следует гармонии только в местоимениях, а в именах системно выступает в негармонирующем заднерядном варианте: *<сир-день>* = [sir-den] ~ чув. *sir-den* ‘вы-ABL’, *<вись=рань>* = [vʲš=rán] ~ чув. *vʲš-ren* ‘конец-ABL’. Далее, для инструментального показателя отмечается почти исключительно негармонирующий заднерядный вариант, ср. *<пирень=ба>* = [pirən=ba] ~ чув. *pirən-be* ‘мы.OBL-INS’. Среди единичных случаев гармонии — *<ильт-не=бя>* = [ilt-nə=bä] ~ чув. *ilt-nə-be* ‘слышать-PST.PTCP-INS’. В современном языке все эти показатели гармонируют, а в старочувашском отражены, таким образом, разные стадии превращения клитик в аффиксы.

Показателем множественного числа в номинативе является негармонирующий заднерядный *-sam* (в современном литературном чувашском и в низовом диалекте представлен негармонирующий переднерядный *-sem*, а в верховом диалекте — гармонирующий *-sAm*). Ср. примеры <сыбык-сам> = [sɨbʲɨk-sam] ~ чув. *sibʲɨk-sem*, верх. *sibʲɨk-sam* ‘поколение-PL’, <сюлен-зам> = [sʲɨlɛn-zam] ~ чув. *šɨlen-zem* ‘змея-PL’. Неподчинение этого показателя гармонии опять же обусловлено клитическим происхождением (ПТю **sajin* ‘каждый’). Формы множественного числа в косвенных падежах специфичны расширенным употреблением основного алломорфа *-sam* (вместо ожидаемой косвенной формы *-san* ~ *-sañ*) и непосессивным склонением падежных показателей³. Ср. случаи <Иудей-зам-ынъ> = [ɨudɛj-zam-ɨn] ~ чув. *iudej-zeñ* ‘иудей-PL.GEN’, <кон-замъ=pà> = [kon-zam=rá] ~ чув. *kon-zeñ-že* ‘день-PL-LOC’, <вул-замъ=pàнь>, хотя также <хола-занъ=pàнь> = [xolá-zam=rán], [xola-zan=rán] ~ чув. *vʲɔ-zeñ-žen* ‘он-PL-ABL’, *xola-zeñ-žen* ‘город-PL-ABL’.

Среди посессивных показателей обращают на себя внимание варианты аффикса принадлежности 2-го лица единственного числа. После основ на гласный выступает вариант *-U*: <аб-ý> = [ab-ú] ~ чув. диал. *ab-u* ‘мать-POSS.2SG’ (основа ⁺*aba*). В современном литературном языке этот же вариант используется и с основами на согласный, но в памятнике в последнем случае представлен старый вариант *-Ə*: <ноз-е-бà> = [noz-ɛ-bá] ~ чув. *poz-ɨ-ba*, диал. *poz-ɛ-ba* ‘голова-POSS.2SG-INS’.

Как и в других старочувашских памятниках, в чувашском Евангелии от Матфея наблюдается формальное различие между вариантами слова *por* в атрибутивном употреблении (‘весь’) и в роли именного предиката (‘есть, имеется’) — <поръ> и <боръ> соответственно. Во-первых, предикатный вариант имеет звонкий анлаут — особенность, которая сближает его с частотными глаголами на #*b-*, см. п. 2.1.3. Во-вторых, атрибутивная форма отличается мягким исходом, что может быть объяснено только как *por* <⁺*por-ə* ‘весь-POSS.3’.

2.2.2. Местоимение

Для личных местоимений 1-го и 2-го лица восстанавливаются следующие прототипы: <áбе> = [ábə] ~ чув. *ebə* ‘я’, <áберъ> = [ábər] ~ чув. *ebir*, верх. *ebər* ‘мы’, <áзе> = [ázə] ~ чув. *ezə* ‘ты’, <áзеръ> = [ázər] ~ чув. *ezir*, верх. *ezər* ‘вы’. Ранее выписывание <a-> в старочувашском на месте ожидаемого #*e-* предлагалось интерпретировать как отражение начального открытого *e* (= *ä*) в тот период, когда более подходящая для этого буква <э-> еще не была усвоена чувашской письменной традицией [Савельев 2014б: 121; Савельев 2016: 83; Савельев 2018б: 70]. Однако дальнейшее накопление материалов по разным памятникам предполагает иное решение, которое и излагается ниже.

В ряде памятников конца XVIII и в особенности XIX века на месте современного #*e-* отмечаются и <a->, и <э->. Параллельное употребление разных орфограмм для одной и той же фонетической сущности не очень характерно для старочувашских текстов, при этом выбор между <a-> и <э-> часто зависит от конкретной основы. Поэтому предпочтительным выглядит предположение о том, что здесь отражаются разные фонемы: <a-> = *a-* [a-], <э-> = *e-* [ä-].

В пользу соответствия <a-> = [a-] ~ чув. #*e-* свидетельствует и следующее обстоятельство. В чувашском языке анлаутный *e-* крайне редок; его встречаемость практически ограничивается заимствованиями и словами, принадлежащими к специфическим лексико-грамматическим классам (помимо местоимений, это только междометия и идеофоны, а также дискурсивная частица *ep̄pin* ‘значит’). Важно, что в отражениях заимствованной лексики <a-> появляется в старочувашском на месте ожидаемого *e-* только в тех основах, которые известны в чувашском и в более архаичном варианте с *a-*. Например, в «Начертании...» В. П. Вишневого отмечена форма <арня> = [arñá] ~ чув. верх. *arña* при инновативном низ. и литер. *erñe* ‘неделя’ [Савельев 2018б: 70]; это старое и прямое заимствование из перс. *ādīna* ‘пятница’. Ср. другой пример из того же памятника: <эрешмёнъ> = [erešmɛn] ~ чув. *erešmen* ‘паук’, производное от *ereš* ‘плетение, узор’ ← перс. *ārājiš* ‘украшение’. По правдоподобию предположению Б. Шернера [Schermer 1977: 136], в чувашский это слово попало через посредство незафиксированного тат. **äräyěš* (= **äräjəš* в нашей транскрипции; основа перешла в передний ряд под влиянием *-j-*, в старых источниках засвиде-

³ В литературном чувашском языке и в большинстве говоров распределены варианты показателя множественного числа *-sem* (в номинативе и в косвенных падежах недавнего происхождения) и *-señ* (в архаичных косвенных падежах). Второй вариант — это развитие ПТю **sajin-* (косвенного варианта **sajin*) через промежуточное ⁺*sañ-*. Предшествуя показателям локатива и аблатива, ⁺*-ñ-* показателя PL вызывает палатализацию дентального согласного в падежном аффиксе: *-d-* > *-ž-*. Таким образом, локатив и аблатив склоняются как бы по посессивной парадигме, где наблюдается такое же развитие (*-že* и *-žen* соответственно при *-dA* ~ *-rA* и *-dAn* ~ *-rAn* в непосессивной парадигме).

тельствоваана только книжная форма тат. *arajiš* ‘украшение’). Наличие *ä-* уже в языке-источнике объясняет, почему ни в одном чувашском говоре *ereš(men)* не фигурирует в заднерядном варианте и, соответственно, никогда не записывается через <a-> в старочувашских текстах. Примеры такого рода заставляют считать, что в заимствованной лексике старочувашских памятников <a-> употребляется тривиально и отражает гласный нижнего подъема [a-], а не [ä-]. По-видимому, такую же картину можно предполагать и для анлаута местоимений.

Остается объяснить аттестацию начального *a-* в старочувашских местоимениях 1-го и 2-го лица с точки зрения этимологии⁴. Судя по специфическому употреблению в номинативных формах местоимений, этот элемент выполнял функцию эмфатической дейктической частицы. Предлагаемый сценарий исходит из реконструкции Палт **e-* > ПМо **e-* ‘этот’, ПТМ **e-* ‘этот’, ПТю **e-* ‘этот’. Рефлексы этой праалтайской основы в общетюркской ветви не найдены, но она сохранилась как архаизм **e-* в болгарской группе. В таком случае старыми сложениями являются булг. **e-* + **kō* ‘этот ближний’ > чув. *agъ* ‘вот’, **e-* + **bu* ‘этот дальний’ > чув. *avъ* ‘вон’⁵. На это указывает развитие гласных во вторых компонентах как в непервом слоге, а развитие **b* > *v* (как в интервокальной позиции) в *avъ* относит это сложение практически к периоду распада пратюркского единства (в менее древнем образовании ожидалось бы ***abъ*). Значительно более поздним временем следует датировать сложение др.-чув. **ä-* (регулярный рефлекс ПТю **e-*) с основами местоимений 1-го и 2-го лица. Продолжения этих форм и зафиксированы с закономерным начальным *a-* в старочувашских памятниках. В пользу позднего происхождения сложных форм с *a-* свидетельствуют, во-первых, несоблюдение гармонии (это указывает на сохранение у элемента *a-* свойств клитики); во-вторых, отсутствие эмфатического элемента в формах множественного числа в наиболее рано отделившемся северо-западном диалекте чувашского языка (*per* ‘мы’, *ser* ‘вы’). В конце XVIII — первой половине XIX века происходило наведение умлаута *a-* > *e-* в подсистеме личных местоимений 1-го и 2-го лица под влиянием переднего гласного в следующем слоге. В исследованном корпусе памятников форма с <э->, а именно <эбе> ‘я’, впервые обнаруживается наряду с <абе> в Словаре Палласа 1787—1789 годов [Савельев 2014б: 328].

Параллель к фонетическому развитию эмфатического дейктического **e-* в чувашских личных местоимениях находим в упомянутом выше слове *erpin* ‘значит, стало быть, итак’, которое функционально примыкает к местоимениям ввиду его служебной функции. Это слово восходит в конечном счете к ПТю **erä* ‘направление, сторона, лад’ [Мудрак 2007]. Закономерным рефлексом пратюркской формы является чув. ⁺*abъ*, не зафиксированное в виде чистой основы, но восстанавливаемое на основе ⁺*abъ-la* > *ap-la* (лад-ADV) ‘так’ и как раз ⁺*app-i-n* (лад-POSS.3-INS). Последняя форма отражена в старочувашском, ср. <абпийн> = [abpín] в Евангелии от Матфея, и даже в начале XX века у Н. И. Ашмарина [СЧЯ I: 297] — впрочем, он сопровождает запись *appin* пометой «сомнительно» (видимо, именно из-за неожиданного начального *a-*: «вместо этого у других *epin*», т. е. *erpin*). В современном чувашском, включая и диалекты, находим уже только *erpin* с перегласовкой под влиянием *-i-*.

Личное местоимение 3-го лица единственного числа выступает в Евангелии в неспецифичном варианте <вуль> = [vʉl] ~ чув. *vʉl*. В дательно-винительном падеже используется вариант <он-ä> = [он-ä] ~ чув. *ʉn-a*, диал. *on-a*. В чувашской подсистеме архаичных косвенных падежей распределены варианты косвенной основы этого местоимения *on-* (в генитиве, локативе и аблативе) и *ʉn-* (в дативе-аккузативе). Как и в некоторых современных говорах, в языке памятника вариант *on-* распространился и на датив-аккузатив. Личное местоимение 3-го лица множественного числа, как и в большинстве других старочувашских памятников, имеет архаичный вид <вул-зәмь> = [vʉl-zám]. В современном литературном чувашском и во многих говорах представлена форма *vʉzem* < ⁺*vʉl-zem* ‘он-PL’, но заднерядный вариант с *-l* сохраняется в диалектах.

⁴ Обзор ранних версий происхождения дейктического *e-* в чувашском см. в [Левитская 1976: 29—30]. В частности, для этого элемента предполагалось субстратное восточноевропейское (финно-угорское) происхождение, ср. зыр. *e-tajä* ‘вот этот’ (*tajä* ‘этот’), морд. *e-te* ‘этот’, *e-se* ‘тот’ и другие формы, приведенные, например, у М. Адамовича [Adamović 1984: 6]. Это маловероятно уже потому, что заимствование дейктического показателя предполагало бы такую степень субстратного воздействия на чувашский, которая едва ли совместима с общими современными представлениями о его ареальных связях. В чувашском есть надежные заимствования из финно-угорских языков, но они немногочисленны и не затрагивают настолько базовые элементы.

⁵ Предлагаемая этимология чув. *avъ* ‘вон’ опровергает традиционное представление об отсутствии в болгарской ветви следов указательного местоимения **bu* ‘этот’. Она подкрепляется еще одним образованием по схожей модели: чув. *šavъ* ‘вон тот’ < дейктический *ša-* (ср. *ša-gъ* ‘вот этот’, где второй элемент идентичен *ku* ‘этот’) + рефлекс **bu*. Этимологически точное соответствие чувашскому сложению *ša-vъ* обнаруживается в як. *su-bu* ‘вот этот’ (первый элемент — ПТю **čV-*, см. [СИГТЯ 2002: 668]).

Пока не обнаружены аналоги для засвидетельствованной в памятнике системы возвратных местоимений. В языке Евангелия не прослеживается противопоставление между формами 2-го и 3-го лица, при этом наряду с используемой в обоих лицах формой *xu* употребляется и вариант *x̣va* — по-видимому, эмфатический (? < *xu* + эмфатический действительный ⁺*a*, о котором см. выше). Ср. примеры: <*xu*> = [*xu*] ‘ты сам’, ‘он сам’ ~ чув. *xu* ‘ты сам’ при *x̣j(ə)* ‘он сам’, <*xuva*> = [*x̣va*] ‘он сам’ ~ чув. диал. *x̣va* ‘он сам’ [СЧЯ XVI: 307], <*xuva-zám*>, <*xuva-zám*> = [*x̣va-zám*] ‘вы сами’, ‘они сами’ ~ чув. диал. *x̣va-zem* ‘они сами’ (дано s.v. *x̣va* в [СЧЯ XVI: 307]). В этом наборе форм лишь *x̣va* зафиксирована только в одном лице (3-м: ‘он сам’), но вероятно, что формы со значением ‘ты сам’ просто не встретились в расписанном материале памятника. Такое значение у *x̣va* в любом случае ожидалось бы исходя из зафиксированного отражения *x̣va-zam* ‘вы сами’.

2.2.3. Глагол

Показатель 1-го лица единственного числа в формах настоящего и будущего времени имеет звонкий исход, ср. <*kal-ád-ыбъ*> = [*kal-ád-ьḅ*] ~ чув. *kal-ad-ьp* ‘говорить-PRS-1SG’, <*кюрд-эд-ыбъ*> = [*ḳrd-éd-ьḅ*] ~ чув. *ḳrd-ed-ьp* ‘вести-PRS-1SG’, <*тыр-ыбъ*> = [*ṭr-ьḅ*] ~ чув. *ṭr-ьp* ‘стоять-FUT.1SG’. Аналогичное явление уже отмечалось в других старочувашских памятниках, ср. [Савельев 2014б: 43; Савельев 2016: 73], но убедительной интерпретации ранее не предлагалось. Между тем звонкое отражение может указывать только на остаточный редуцированный гласный в исходе формы, ср. п. 2.1.2. Старописьменные данные наглядно демонстрируют происхождение чув. *-ьp* из ⁺*-ьḅ*, где первый *-ьḅ* — неэтимологический соединительный гласный, а элемент *-ьḅ* имеет клитическое происхождение и идентичен *-ьḅ* в *e-ьḅ* ‘я’.

Форма возможности, *-aj-* в современном литературном языке и в части говоров, имеет в памятнике известный по диалектам вид *-I-* (стяжение *-aj-* > *-i-* с дальнейшим развитием в *-i-* после заднерядных основ). Ср. примеры <*урд-и-м-е*> = [*ird-i-m-ə*] ~ чув. *ird-ej-m-ə* ‘пройти-POT-NEG-FUT.3SG’, <*тог-ы-м-ынь*> = [*toy-i-m-ьn*] ~ чув. *toy-aj-m-ьn* ‘выйти-POT-NEG-FUT.2SG’.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-nə* имеет архаичный вид *-mA-nə*: <*килл-мэ-не-рань*> = [*kill-mé-nə=ran*] ~ чув. *kil-me-n-ren* ‘хотеть-NEG-PST.PTCP-ABL’. Уже в эпоху Н. И. Ашмарина этот вариант сохранялся только в бранных выражениях: *аза шап-ма-нь* (молния бить-NEG-PST.PTCP) ‘не пораженный громом’ (в значении ‘разрази тебя гром!’), *мур хир-ме-нə* (мор губить-NEG-PST.PTCP) ‘не погубленный мором’ (в значении ‘погуби тебя мор!’) и т. п. [Ашмарин 1903: 416—417]. В современном чувашском данная форма имеет вид *-mA-n*, т. е. конечный редуцированный отпал.

Запись показателя деепричастия предшествования («временно-сравнительное» деепричастие в терминологии Н. А. Андреева [Андреев 1961: 623]) отражает вариант *-Aččen*. Эта форма еще встречается в диалектах наряду с синонимичной формой на *-iččen*, но в современном литературном языке используется только *-iččen*. Ср. следующие примеры: <*сид-етчень*> = [*sid-etčén*] ~ чув. *sid-iččen*, диал. *sid-eččen* ‘прежде чем достичь’, <*сюмлан-адчень*> = [*ṣ̌ṃllan-adčén*] ~ чув. *ṣ̌ṃllan-iččen*, диал. *ṣ̌ṃllan-aččen* ‘прежде чем разрешиться от бремени’. Аффиксы *-iččen* и *-Aččen* — независимые сложения (изначально имевшие несколько отличную семантику, см. сноску), где первые компоненты происходят из двух разных причастных форм, а второй, совпадающий, — аффикс терминативного (предельного) падежа *-ččen*⁶.

Показатель ретроспективного сдвига, *-ččə* в современном чувашском, в памятнике обычно записывается отдельно от сказуемого или через дефис: <*Иосифъ (...) ура синь че*> = [*Iósif̣ ʃ̣ra ṣ̌in (č)čə*] ~ чув. *Iosif̣ iṛ ṣ̌in-ččə* (Иосиф добрый человек-RETR) ‘Иосиф был добрым человеком’, <*полыз-сямь=че*> = [*poḷʒ̣ṣ̌-sám=(č)čə*] ~ чув. *poḷʒ̣ṣ̌-sam-ččə* ‘помочь-EMPH-RETR’ (маркер ретроспективного сдвига употреблен в значении показателя вежливости). Как и неподчинение гармонии, отмечающее и современную чувашскую форму, свидетельства старочувашской орфографии отражают клитическое происхождение этой морфемы (из претеритной формы тюркского бытийного глагола, см. [Левитская 1976: 59]).

⁶ Согласно [Ашмарин 1923: 32], деепричастная форма на *-Aččen* «первоначально... указывала на самый ход действия», а *-iččen* — «на его окончание, но теперь эта разница в употреблении обеих форм исчезла». В [Ашмарин 1898: 315] первый компонент формы *-iččen* правильно отождествляется с *-i* причастия возможности. Для первого компонента *-Aččen* там же предлагается производность от *-A* слитного деепричастия, однако возможность присоединения падежных показателей к деепричастиям в чувашском, насколько известно, не подтверждается какими-либо другими примерами. Л. С. Левитская [Левитская 1976: 108] обсуждает возможное деепричастно-падежное происхождение еще одного темпорального деепричастия — формы на *-Atšən*, но в этом случае вполне надежной выглядит приводимая ею альтернативная этимология В. Г. Егорова: показатель *-At-* настояще-будущего времени (о вероятном причастном происхождении которого см. [Дыбо 2017: 128]) + аффикс причинно-целевого падежа *-šən*. С учетом этой параллели видится правдоподобным происхождение *-Aččen* из ⁺*-Atčén* < *-At-* презент-футурума + падежный *-ččen*.

2.3. Из лексики

В контексте старочувашских исследований представляет интерес название голубя, <кувагáрзе> = [kʷvagarzʲ] ~ чув. *kʷvagarzʲn*, диал. *kʷvagarzʲn*. Ранее в Словаре Палласа была найдена форма <хуралч-и>, для которой восстанавливается низовой чувашский прототип *xuralzʲ-i* 'голубь-POSS.3' (основа ⁺*xuralzʲ*). Л. П. Петров отождествлял это слово с чув. *xoralzʲ* 'сторож' [Петров 1997], но в [Савельев 2014б: 405] предлагается иной сценарий: *xoral-* 'чернеть' + деривационный *-zʲ*. Теперь эта этимология может быть подкреплена записью из Евангелия от Матфея, которая является прозрачной параллелью к палласовской форме, поскольку впервые фиксирует вариант слова *kʷvagarzʲn* без конечного *-n*. Форма из Евангелия произведена от *kʷvagar-* 'синеть' при помощи деривационного аффикса *-zʲ* (~ *-zʲ*). Сосуществование в чувашском форм на *-zʲ* и *-zʲ* не представляет проблемы: речь идет о междиалектном фонетическом соответствии *-zʲ* ~ *-zʲ* в позиции после сонанта, которое может быть подтверждено и другими случаями (например, *solzʲ* ~ *solzʲ* 'лист').

Ни в современном чувашском языке, ни в старочувашских памятниках не отмечалось ранее слово <тýн(а)ла-> = [tʲn(ʌ)lʌ] 'волхв'. Это слово производно от чув. *tinʲ* 'свидетель' <ПТю **tanu-* 'знать, узнавать'; семантическая деривация 'свидетель' > 'волхв' обусловлена известной ролью волхвов в событиях после рождения Христа.

2.4. Диалектная атрибуция памятника

Из архивных материалов, на которые ссылаются Л. А. Таймасов и П. В. Денисов, следует, что Евангелие от Матфея было переведено священниками с. Пандикова Петром Яблонским и с. Красных Четай Михаилом Вознесенским [Таймасов, Денисов 2012: 93]. П. Я. Яковлев упоминает только «причта села Пандикова» [Яковлев 2019: 25] (по-видимому, речь идет о том же П. Яблонском). Таким образом, по умолчанию можно предполагать близость языка памятника к современным говорам Красночетайского района Чувашии — при правдоподобном допущении, что переводчик или переводчики происходили примерно из тех же мест, где несли церковную службу. Приняв красночетайскую атрибуцию памятника за рабочую гипотезу, обратимся теперь к диалектологической интерпретации собственно лингвистических черт языка Евангелия, представленных в пунктах 2.1—2.3.

Надежная интерпретация предполагает прежде всего анализ отмеченных в памятнике инноваций, а не архаизмов, поскольку последние малопоказательны в роли классифицирующего признака. Сравним две ситуации, в которых представлены географически нелокализованный старочувашский говор *X*, два современных чувашских говора *Y₁* и *Y₂* (оба — с четкой географической локализацией), а также некоторая диалектная черта, которая может пребывать в архаичном состоянии *A* либо демонстрировать инновативное развитие в состоянии *B*. Первая ситуация предполагает, что эта черта сохранилась в состоянии *A* в старочувашском говоре *X* и в современном говоре *Y₁*, в то время как современный говор *Y₂* отражает развитие *A > B*. Несмотря на внешнее сходство между говорами *X* и *Y₁*, говор *Y₂* формально также нельзя исключить из числа возможных продолжений говора *X* — постольку, поскольку развитие *A > B* в говоре *Y₂* могло произойти между временем создания старочувашского памятника и временем документации современного говора. Другая ситуация: архаичное состояние *A* представлено только в современном говоре *Y₁*, а в старочувашском говоре *X* и в современном говоре *Y₂* отражено развитие *A > B*. Только в этом случае говор *Y₁* (вернее, его предковое состояние) можно надежно исключить из числа кандидатов на роль диалекта-основы памятника.

Таким образом, задача соотнесения языка некоторого памятника с группой современных говоров может быть надежно решена при условии, что пучки специфических инноваций в старочувашском материале обнаруживаются также и в каком-то конкретном ареале на диалектной карте современного чувашского языка. Отсюда следует, что для диалектной атрибуции памятника необходимо, прежде всего, отграничить характерные для него инновации от архаизмов.

В чувашском Евангелии от Матфея есть такие особо архаичные черты, которые не находят параллелей в описаниях чувашских диалектов, создававшихся с конца XIX века (работы Н. И. Ашмарина) и далее. Именно эти черты позволяют говорить об особом старочувашском периоде в истории чувашского языка. К ним относятся: остаточное сохранение редуцированного гласного в исходе глагольных основ, в исходе многосложных именных основ после шумных (см. п. 2.1.2), а также в исходе глагольного показателя 1SG в формах настоящего и будущего времени (2.2.3); сохранение форм со звонкими анлаутными *b-* и *d-* (вне позиции фразового озвончения), что запрещено современной фонотактикой (2.1.3); полувзвонкая реализация геминат (2.1.3); выраженный клитический характер показателей локатива, аблатива, инструменталиса, множественного числа имени (2.2.1), ретроспективного сдвига (2.2.3); сохранение *a-* в

личных местоимениях 1-го и 2-го лица, а также в слове *appin* ‘значит’ — при повсеместном вторичном *e-* в современных диалектах (2.2.2); лексемы и варианты лексем, вышедшие из употребления на последующем этапе истории чувашского языка (2.3).

К характерным архаизмам чувашского Евангелия от Матфея, известным и в современных чувашских говорах, относятся: сохранение прачувашского **o* (см. п. 2.1.1); сохранение в части основ прачувашского закрытого **e* (2.1.1); сохранение огубленных редуцированных (2.1.1); сохранение начального редуцированного перед сонантом в неодносложных основах с ударным *A* (2.1.1); сохранение конечного редуцированного в именных основах вида *CVTƏRƏ* (2.1.2); сохранение ауслатного *-m* в соответствии с *-n* в других говорах (2.1.3); сохранение ряда специфических консонантных и вокально-консонантных сочетаний (2.1.3); система акцентуации (2.1.4); сохранение распределенных по типу основы вариантов посессивного показателя 2SG (2.2.1); форма *por'* ‘весь’ < ⁺*por-ə*, не совпадающая с *por* ‘есть, имеется’ (2.2.1)⁷; сохранение формы личного местоимения 3PL с неупрощенным сочетанием *-lz-* в инлауте (2.2.2); сохранение деепричастий предшествования на *-Aččen* (2.2.3); сохранение отрицательной формы причастия прошедшего времени в варианте *-mA-nƏ* (2.2.3). На современной диалектной карте эти изоглоссы разбросаны практически по всему чувашскому ареалу: от реликтового малокарачклинского говора на северо-западе Чувашии и почти через всю верховую территорию в сторону низовых говоров Татарстана, Самарской и Ульяновской областей вплоть до самых восточных территорий в пределах «традиционной» зоны расселения — низовых чувашских говоров Башкортостана. Хотя эти черты чуть более характерны для верховых говоров чувашского языка (с проблематичной дальнейшей локализацией), в целом, как и предполагалось, географическое распределение архаизмов не позволяет делать надежные выводы о диалектной принадлежности чувашского Евангелия от Матфея.

Иная картина получается при картографировании задокументированных в памятнике инноваций. Среди тех изменений, которые имеют четкий ареал на современной диалектной карте, есть характеризующие язык Евангелия как в широком смысле верховой [Сергеев 2007: 69, 353]. К ним относится стяжение в аффиксе возможности ⁺*-aj-* > *-i-* (см. пункт 2.2.3), а также редукция *i* > *ə* во втором слоге форм личных местоимений *ebər* ‘мы’ и *ezər* ‘вы’ (2.2.2). О первичном статусе широко распространенных вариантов *ebir* и *ezir* по отношению к формам с редуцированным см. [Мудрак 2009, вопрос № 7].

Далее, определенные изоглоссы указывают на более узкую территорию в пределах верхового ареала, будучи общими инновациями говоров красночетайского, моргаушко-ядринского и сундырского типа [Сергеев 2007: 50—54, 175, 355—358]. К таким особенностям относятся, во-первых, стяжение ⁺*-jr-* > *-r-* (см. пункт 2.1.2), а во-вторых, развитие поствокальных вариантов аффиксов датива-аккузатива *-jA* и генитива *-jƏn* (2.2.1). Об инновативном характере этих форм по отношению к более широко распространенным вариантам *-nA* и *-nƏn* см. [СИГТЯ 2002: 707]. В-третьих, к данной группе следует отнести развитие *iv* > *uv* (2.1.3). Запись <*uv*> в памятнике отражает промежуточную стадию в переходе *iv* > *u*, который отмечен в современных говорах указанного ареала.

Несколько характерных инноваций памятника отличаются еще более компактным ареалом на современной карте, а наиболее последовательно фиксируются в красночетайском говоре. К таковым относится, в частности, специфическое развитие в форме ⁺*šta* > *šta* ‘где’. Л. П. Сергеев считает эту форму «ярко выраженной принадлежностью красночетайского говора» [Сергеев 2007: 108]. Впрочем, среди атрибуций, включенных в [СЧЯ XVII: 386], находим аликовскую, ядринскую и шумерлинскую. Далее, умлаутная перегласовка *-ь-ə* > *-ə-ə* в форме *šəln-ə* ‘младший брат-POSS.3’ (~ чув. *šəll-ə*, диал. *šəln-ə*), согласно [Сергеев 2007: 86—87], находит параллели в «некоторых <верховых> говорах», где за перегласовкой последовало отпадение конечного редуцированного: *sorəx* ‘его овца’ < ⁺*sorəy-ə* < *sorьy-ə* ‘овца-POSS.3’, *jьтəк* ‘его младшая сестра’ < ⁺*jьтəг-ə* < *jьтьг-ə* ‘младшая сестра-POSS.3’. Н. И. Ашмарин отмечал форму *arəтə* ‘его жена’ с тождественным представленному в Евангелии развитием из *arьт-ə* ‘жена-POSS.3’ в курмышском говоре верхового диалекта [Ашмарин 1898: 28]. Речь идет о чувашском говоре Курмышского уезда Симбирской губернии, территория которого включала в том числе крайний запад современной Чувашии. Судя по задокументированным у Ашмарина формам, курмышский говор был чрезвычайно близок к известным по более поздним описаниям говорам Красночетайского района Чувашии — настолько, что в целом можно говорить о «курмышско-красночетайской» группе говоров верхового диалекта.

⁷ Варианты типа *por-ə* (с аффиксом принадлежности 3-го лица) отмечены у Н. И. Ашмарина [СЧЯ IX: 294—295]. В большинстве современных чувашских говоров и в литературном языке в номинативной форме этого слова произошло выравнивание ⁺*porə*, ⁺*por'* > *por*, так что атрибутивное ⁺*por-ə* совпало с предикативным *por*. Однако следы старой формы с посессивным показателем обнаруживаются в сочетаниях типа *por te* ‘все’ (PL), где передний ряд эмфатической частицы *tA* неизбежно предполагает былое ⁺*porə te*, ⁺*por' te*, а также в парадигме косвенных падежей (например, *por-ń-e* в дательном-винительном падеже, где обязателен посессивный *-ń-*).

Далее, Л. П. Сергеев соотносит исключительно с красночетайским говором развитие $i > i$ в аффиксах после заднерядных основ (см. пункт 2.1.1) [Сергеев 2007: 26—27, 30]. Аналогичные формы были ранее отмечены и в курмышском говоре [Ашмарин 1898: 10—11]. Таким образом, в этом случае в памятнике опять же отражена специфическая курмышско-красночетайская инновация.

Более подробного обсуждения требует еще одна инновативная особенность, указывающая на курмышско-красночетайскую основу памятника, а именно перестройка парадигмы падежного склонения во множественном числе (см. п. 2.2.1). Ниже в таблице 1 приведены сравнительные парадигмы архаичных падежей (т. е. без учета нескольких падежных показателей недавнего происхождения, которые образовались из энклитик) в языке Евангелия, в курмышско-красночетайских говорах и в литературном чувашском (последняя парадигма широко распространена и в диалектах). Красночетайские данные приводятся здесь по [Сергеев 2007: 186], курмышские — по [Ашмарин 1898: 122—124].

Таблица 1

	Евангелие от Матфея	Говоры курмышско-красночетайского типа	Литер. чув.
NOM	<-замъ>	кр.-чет. <i>-sem</i> , курм. <i>-sAm</i>	<i>-sem</i>
GEN	<-зам-ынь>	кр.-чет. <i>-señ-ən</i> ~ <i>-sAñ</i> , курм. ?	<i>-señ</i>
DAT/ACC	<-зам-а> DAT, <-зан-е> ACC ⁸	кр.-чет. <i>-sAñ-e</i> , курм. <i>-sAñ-e</i> ~ <i>-sAm-A</i>	<i>-señ-e</i>
LOC	<-зам=ра>	кр.-чет. <i>-sAñ-že</i> ~ <i>-sAm-rA</i> , курм. <i>-sAñ-že</i> ~ <i>-sAm-rA</i>	<i>-señ-že</i>
ABL	<-зам=ранъ> (~ <-зан=ранъ>)	кр.-чет. <i>-sAñ-žen</i> ~ <i>-sAm-rAn</i> , курм. <i>-sAñ-žen</i> ~ <i>-sAm-rAn</i>	<i>-señ-žen</i>

В чувашском литературном языке и почти повсеместно в говорах противопоставлены номинативный вариант показателя PL *-sem* и косвенный *-señ* (в диалектах также *-sAm* и *-sAñ* соответственно). Эта ситуация первична по отношению к ситуации языка Евангелия, где косвенный вариант практически вытеснен из парадигмы номинативным. Курмышско-красночетайский материал занимает как бы промежуточное положение, поскольку в нем представлены оба ряда показателей. В красночетайском формы с *-sAm-* в неноминативном употреблении отмечены в локативе и аблативе, в курмышском — еще и в дативе-аккузативе. Только для генитива такой вариант в курмышско-красночетайских говорах как будто не зафиксирован, но это может быть следствием ограниченной документации.

Согласно Л. П. Сергееву, формы с *-sAm-* в косвенных падежах узколокализированы именно в красночетайском говоре [Сергеев 2007: 189]. Впрочем, отмечают они еще и в «островных» говорах самарских чувашей. Наконец, хорошо соотносится с данными Евангелия малокарачкинская парадигма [там же: 187], где вариант *-sAm-*, наряду с *-sañ* ~ *-san*, отмечен во всех косвенных падежах, включая и генитив (*-sam-ып* ~ *-san*). Однако едва ли возможно только на этом основании рассматривать вопрос о малокарачкинской принадлежности памятника. Малокарачкинский говор отличается множеством других уникальных черт — как архаичных, так и инновационных, см. [Савельев 2018а: 100—102], — которые не находят параллелей в языке Евангелия.

По совокупности обнаруженных инноваций в фонетике и морфологии можно надежно идентифицировать диалект чувашского Евангелия от Матфея как верховой говор курмышско-красночетайского типа. Таким образом, анализ собственно языковых данных согласуется с экстралингвистическими (архивными) указаниями на то, что этот памятник был создан неподалеку от с. Красных Четай.

3. Различение датива и аккузатива

В этом разделе специально обсуждается старочувашский архаизм и уникальная особенность диалекта Евангелия от Матфея — системное различие (в части позиций) показателей дательного и винительного падежей. Эта особенность не отмечена ни в более поздних описаниях чувашских диалектов, ни в литературном языке. В современном чувашском имеет место синкретическое выражение значений датива и аккузатива при помощи постконсонантного показателя *-A* и поствокального *-nA*. Такая картина сложилась в результате совпадения в чувашском языке рефлексов пратюркского аккузативного **-Uy* и дативного **-yA* из-за фонетического развития и под влиянием парадигматических факторов [Левитская 1976: 18—20; СИГТЯ 2002: 707; СИГТЯ 2006: 233—235]. В части верховых говоров поствокальный вариант был затем замещен на *-jA* (см. пп. 2.2.1 и 2.4).

Задача интерпретации данных Евангелия в части различения датива и аккузатива потребовала подробной документации наблюдаемых в памятнике распределений. Благодаря этому удалось установить позиции, определяющие поведение показателей датива и аккузатива в языке памятника. В общем проце-

⁸ Эти варианты здесь не комментируются, поскольку они детально рассматриваются в следующем разделе.

дура вычленения таких позиций выглядела следующим образом. Сначала была выполнена сплошная роспись памятника в объеме 27 страниц (около 20% текста Евангелия от Матфея). Далее были выделены, с одной стороны, надежные распределения, имеющие совершенно регулярный характер и подтверждаемые множеством контекстов в расписанной части памятника. С другой стороны, для части распределений не обнаруживалось достаточного числа контекстов, что вело к неоднозначности. В таких случаях дальнейший текст памятника просматривался сплошным образом до тех пор, пока количество примеров на заданную позицию не достигало отметки, позволяющей повысить надежность ранее намеченных распределений или предложить более обоснованные альтернативы.

3.1. Документация распределений

В позиции после заднерядных основ показатели датива и аккузатива совпадают в постконсонантном варианте *-a* и поствокальном *-ja*. Это правило не знает исключений и подтверждается сотнями примеров в тексте памятника; ниже приводятся несколько примеров на контексты с ожидаемым аккузативным либо дативным управлением⁹. Аккузативные контексты:

<áрым-а иль-> ~ чув. *arým-a il-* (жена-АСС взять) ‘не бойся принять Марию, жену твою’¹⁰;

<ача-я́ кóр-> ~ чув. *aža-ja kor-* (ребенок-АСС видеть) ‘увидели Младенца’;

<он-а́ пителе-> ~ чув. *ǫn-a pidǎle-* (она-АСС изобличить) ‘не желая огласить ее’;

<оушкà-я сiорáт-> ~ чув. *obǫška-ja šorat-* (муж-АСС родить) ‘Иаков родил Иосифа, мужа Марии’;

<сióлдур-а кóр-> ~ чув. *šǫldǫr-a kor-* (звезда-АСС видеть) ‘мы видели звезду Его’.

Дативные контексты:

<водт-а́ браг-> ~ чув. *vod-a ǫraǫx-* (огонь-ДАТ бросать) ‘всякое дерево... бросают в огонь’;

<вырын-а́ кiр-> ~ чув. *virǫn-a kǫr-* (место-ДАТ войти) ‘да сбудется [букв. да войдет в место] реченное Господом’;

<он-а́ корн-> ~ чув. *ǫn-a korǫn-* (он-ДАТ показываться) ‘явился ему во сне’;

<Торр-а́ янтл[a]-> ~ чув. *torr-a jantla-* (Бог-ДАТ готовить) ‘приготовьте путь Господу’;

<чора-я́ бá[p]-> ~ чув. *šora-ja par-* (раб-ДАТ дать) ‘чтобы... судья не отдал тебя слуге’.

После переднерядных основ с исходом на гласный показатели датива и аккузатива совпадают в варианте *-jä*. Ср. следующие примеры с ожидаемым аккузативным управлением:

<тióлюхся-я яр-> ~ чув. *pǫlǫxś-e (**pǫlǫxśǎ-je) jar-* (ангел-АСС посылать) ‘Я посылаю Ангела Моего’;

<эрегé-я хо[p]-> ~ чув. *erege-je xor-* (вино-АСС класть) ‘не вливают... вина молодого в мехи ветхие’;

<эрегé-я хув-> ~ чув. *erege-je xiv-* (вино-АСС лить) ‘вино молодое вливают в новые мехи’.

Дативные контексты:

<сióмул-дарáхь тióвя-я тог-> ~ чув. *šǫmǫl-darax tǎve-je tox-* (легко-СОМП верблюд-ДАТ выйти) ‘удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши...’;

<тióрьмя-я лáрдт-> ~ чув. *tǎrme-je lart-* (тюрьма-ДАТ посадить) ‘тот посадил его в темницу’;

<тióрма-я́ хоб-тáр-> ~ чув. *tǎrme-je xop-tar-* (тюрьма-ДАТ закрыть-CAUS) ‘чтобы... не ввергли [тебя] в темницу’.

Более сложная картина вырисовывается в позиции после переднерядных основ с консонантным исходом, поэтому ниже приводятся все случаи с этой позицией, обнаруженные по результатам сплошного

⁹ Поскольку в современном чувашском показатели датива и аккузатива формально совпали, то контексты относились с тем или иным падежом исходя из общетипологических соображений (на основании типичных стратегий маркирования конкретных семантических ролей) и сравнительного материала других тюркских языков (например, предполагающего дативное маркирование конечной точки движения и т. п.).

¹⁰ Здесь и далее старочувашский материал дается в несколько упрощенном виде. В частности, не приводится фонетическая транскрипция, поскольку ее применение к целым фразам значительно затруднило бы восприятие, не будучи существенно необходимым для целей этой части статьи. Следует только иметь в виду, что <-я> в орфографии памятника имеет фонетическое значение [-ja] либо [-jä] в поствокальных употреблениях (рядность аффикса определяется рядностью основы). В постконсонантных употреблениях <-я> следует читать как [-a] (после заднерядных основ с исходом на палатальный согласный) либо [-ä] (после переднерядных основ). Подача современного чувашского материала ориентируется, за отдельными исключениями, на верховые данные. При этом верховые контексты иллюстрируют сугубо формальные соответствия к старочувашским пассажам; необязательно они употребительны в речи и/или имеют отмеченные в старочувашском значения. Вместо буквального перевода с чувашского на русский приводятся соответствующие старочувашскому тексту выдержки из Синодального перевода Евангелия на русский язык. Эти выдержки бывают несколько расширены в сравнении с цитируемыми старочувашскими фрагментами (для понимания более широкого контекста употребления дативных и аккузативных форм).

просмотра первых 100 страниц памятника (2/3 текста Евангелия). После большинства основ показатели датива и аккумулятива совпадают в варианте *-ä* <-я>. Ср. следующие аккумулятивные контексты:

<ййдин-я сундёр> ~ чув. *jədän-e sünder-* (лен-АСС гасить) 'и льна курящегося не угасит';

<йумбюв-я сюрáт> ~ чув. *əmbəv-e sorat-* (царь-АСС родить) 'Иисей родил Давида царя';

<пилеж-а йорáт> ~ чув. *pələž-e jorat-* (знакомый-АСС любить) 'люби ближнего твоего'¹¹;

<ничиж-а тьд-тáр> ~ чув. *piččəšń-e (**piččəž-e) tit-tar-* (старший.брат.POSS.3-АСС держать-CAUS) 'предаст же брат брата на смерть';

<томдир-я сапла> ~ чув. *tomdir-e sapla-* (одежда-АСС латать) 'никто к ветхой одежде не приставляет из заплат из небеленой ткани';

<хвел-я пыг-тар> ~ чув. *xəvel-e pəx-tar-* (солнце-АСС смотреть-CAUS) 'Он повелевает солнцу... восходить' (в чувашском тексте букв. 'заставляет солнце светить');

<шойтáнь эр-не-скер-я сьавьд-сá кю́[р-]> ~ чув. верх. *šojttan jer-nə-sker-e šavýt-sa kür-* (дьявол пристать-PTS.PTCP-SUBST-АСС провожать-CVB доставлять) 'привели к нему Человека немого бесноватого'.

Дативные контексты:

<вилем-я тур> ~ чув. *viləm-e tǔr-* (смерть-DAT встать) 'и осудят Его на смерть' (в чувашском тексте букв. 'и встанет Он к смерти');

<виренн-еггэн-я сид-еть> ~ чув. *vǎren-egen-e sid-et* (учиться-PRS.PTCP-DAT быть.достаточным-PRS.3SG) 'довольно для ученика, чтобы он был как учитель его';

<йумбюв-я кала-зá кьдáрт> ~ чув. *əmbəv-e kala-za kǔdart-* (царь-DAT говорить-CVB показать) 'расказали государю своему всё бывшее';

<йумбюв-я кил> (2 раза) ~ чув. *əmbəv-e kil-* (царь-DAT прийти) 'ибо приблизилось Царство Небесное' (в чувашском тексте букв. 'настало время прийти к Царю Небесному');

<килимз-я бáръ> ~ чув. *kələmž-e par-* (нищий-DAT давать) 'когда творишь милостыню' (в чувашском тексте букв. 'подаешь нищему');

<клед-я кирь> ~ чув. *kələd-e kǎr-* (клеть-DAT войти) 'войди в комнату твою';

<клед-я кюр(ь)д> (2 раза) ~ чув. *kələd-e kǔrt-* (клеть-DAT везти) 'Он... соберет пшеницу Свою в житницу', 'а пшеницу уберите в житницу мою';

<клед-я пог> ~ чув. *kələd-e pox-* (клеть-DAT собирать) 'они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы';

<ничиж-а казар> ~ чув. *piččəšń-e (**piččəž-e) kažar-* (старший.брат.POSS.3-DAT прощать) 'прощать брату моему';

<черггюв-я бы́[р]> ~ чув. *čirgəv-e pir-* (церковь-DAT идти) 'когда пришел Он в храм';

<черггюв-я кала-зá кьдáрт> ~ чув. *čirgəv-e kala-za kǔdart-* (церковь-DAT говорить-CVB показать) 'скажи церкви';

<черьггюв-я кирь> ~ чув. *čirgəv-e kǎr-* (церковь-DAT войти) 'священники в храме нарушают субботу' (в чувашском тексте букв. 'войдя в церковь, не чтят субботу');

<Эдем-я тушман-зáм> ~ чув. *edem-e tǔšman-žem* (человек-DAT враг-PL) 'враги человеку'.

Несколько основ, однако, ведут себя особым образом, поскольку для них отмечается оформление показателем *-e* <-e> — исключительно или наряду с *-ä* <-я>. Прежде всего, это основы личных местоимений *pir-* 'мы' и *sir-* 'вы', в склонении которых обнаруживается почти не знающее исключений и подтверждаемое сотнями примеров распределение надежных показателей: *-ä* <-я> в аккумулятиве, *-e* <-e> в дативе. В первых 50 примерах из Евангелия на данную позицию это распределение соблюдается 47 раз. Ср. употребления *pir-ä* (мы-АСС):

<пир-я кюрдь> ~ чув. *pir-e kǔrt-* (мы-АСС везти) 'и не введи нас в искушение';

<пир-я йужендер> ~ чув. *pir-e žžender-* (мы-АСС мучить) 'пришел Ты... мучить нас';

<пир-я клар> ~ чув. *pir-e kǎlar-* (мы-АСС выгонять) 'если выгонишь нас';

<пир-я сирлáх> ~ чув. *pir-e širlax-* (мы-АСС помирить) 'помилуй нас';

<пир-я сюл> (2 раза) ~ чув. *pir-e šǔl-* (мы-АСС спасти) 'но избавь нас от лукавого', 'Господи! спаси нас'.

Контексты с *pir-e* (мы-DAT):

<пир-э бáръ> ~ чув. *pir-e par-* (мы-DAT дать) 'хлеб наш насущный дай нам на сей день';

<пир-э калá> ~ чув. *pir-e kala-* (мы-DAT сказать) 'пошли нас в стадо свиней' (в чувашском тексте букв. 'скажи нам войти в стадо свиней');

<пир-э казáръ> ~ чув. *pir-e kažar-* (мы-DAT прощать) 'и прости нам долги наши';

<пир-э кэрле> ~ чув. *pir-e kirlə* (мы-DAT надо) 'ибо так надлежит нам'.

¹¹ Сочетание <-жа> здесь и далее имеет фонетическое значение [-žä]; оно использовано из-за запрета на последовательность <-жя> в старочувашской орфографии.

Контексты с *sir-ä* (вы-АСС):

<*sir-я тад*-> ~ чув. *sir-e tat-* (вы-АСС рвать) ‘чтобы они... не растерзали вас’;

<*sir-я биль*-> ~ чув. *sir-e pal-* (вы-АСС знать) ‘я никогда не знал вас’;

<*sir-я вирэнт*-> ~ чув. *sir-e varent-* (вы-АСС учить) ‘кто внушил вам?’ (в чувашском тексте букв. ‘кто учил вас?’);

<*sir-я кюрдт*- (< *кюр(ь)д*->) (3 раза) ~ чув. *sir-e kürt-* (вы-АСС ввести) ‘а если кто не примет вас’ (в чувашском тексте букв. ‘если не выпустит вас’), ‘я крещу вас’, ‘он будет крестить вас’ (в чувашском тексте букв. ‘я введу вас в веру’, ‘он введет вас в веру’);

<*sir-я сав*-> ~ чув. *sir-e sav-* (вы-АСС любить) ‘любить любящих вас’;

<*sir-я томландар*-> ~ чув. *sir-e tomlandar-* (вы-АСС одевать) ‘если же траву полевую... Бог так одевает, кольми паче вас’;

<*sir-я тув*-> ~ чув. *sir-e tu-* (вы-АСС делать) ‘я сделаю вас ловцами человеков’;

<*sir-я тывырла*-> ~ чув. *sir-e tvvrla-* (вы-АСС притеснять) ‘молитесь за... гонящих вас’;

<*sir-я яр*-> ~ чув. *sir-e jar-* (вы-АСС посылать) ‘Я посылаю вас’.

Контексты с *sir-e* (вы-DAT):

<*sir-ë ба-на бол-е*-> ~ чув. *sir-e pa-nъ pol-э* (вы-DAT дать-PST.PTCP быть-FUT.3SG) ‘и дано будет вам’;

<*sir-ë вүз*-> ~ чув. *sir-e viš-* (вы-DAT мерить) ‘такую [мерю] и вам будут мерить’;

<*sir-ë казяр*-> ~ чув. *sir-e kažar-* (вы-DAT прощать) ‘то простит и вам Отец ваш Небесный’;

<*sir-ë калá*-> (17 раз) ~ чув. *sir-e kala-* (вы-DAT говорить) ‘говорю вам’;

<*sir-ë кил*-> ~ чув. *sir-e kil-* (вы-DAT хотеться) ‘итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди...’ — в чувашских дезидеративных конструкциях используется глагол *kil-* ‘прийти’; современный чувашский в таких контекстах оформляет субъект генитивом;

<*sir-ë кили*-> ~ чув. *sir-e kilš-* (вы-DAT нравиться) ‘итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди’ (в чувашском тексте букв. ‘...чтобы люди делали так, как вам нравится’);

<*sir-ë óз*-> ~ чув. *sir-e oš-* (вы-DAT открывать) ‘и отворят вам’;

<*sir-ë озаль тув*-> ~ чув. *sir-e ozal tu-* (вы-DAT зло делать) ‘любите врагов ваших’ (в чувашском тексте букв. ‘вам зло делающих’);

<*sir-ë хожан*-> ~ чув. *sir-e хоžн-* (вы-DAT прибавляться) ‘и это всё приложится вам’;

<*sir-ë шәрь тув*-> ~ чув. *sir-e šar tu-* (вы-DAT бедствие делать) ‘молитесь за обижающих вас’ (в чувашском тексте букв. ‘...за причиняющих вам бедствия’).

Исключения из этого распределения единичны. В следующих двух аккузативных контекстах (идуших подряд в пределах одного предложения) обнаруживаем *sir-e*, хотя ожидалось бы *sir-ä* (вы-АСС):

<*sir-ë ылган*-> ~ чув. *sir-e ilyan-* (вы-АСС проклинать) ‘благословляйте проклинающих вас’;

<*sir-ë кор-ы-ма-н-зам-а*-> ~ чув. *sir-e kor-aj-ma-n-zeñ-e* (вы-АСС видеть-POT-NEG-PST.PTCP-PL-DAT) ‘благотворите ненавидящим вас’.

В единственном случае форма *sir-ä* отражена в ожидаемом дативном контексте: <*sir-я бол-дырь*> ~ чув. *sir-e pol-dыр* (вы-DAT быть-IMP.3SG) ‘по вере вашей да будет вам’.

Следующая специфическая основа — *šar* ‘земля’. На первых 100 страницах памятника аккузативных контекстов с ней не обнаружено, а в дативных наблюдается практически равноправное употребление *-e* и *-ä* (4 случая против 5).

Ср. случаи с *šar-e* (земля-DAT):

<*ножа сир-ë кáй*-> (2 раза) ~ чув. *požь šar-e kaj-* (пустой земля-DAT уйти) ‘что смотреть ходили вы в пустыню?’, ‘Иисус удалился... в пустынное место один’;

<*ножа сир-ë сявид-сá кáй*-> ~ чув. *požь šar-e šavt-sa kaj-* (пустой земля-DAT провожать-CVB уйти) ‘тогда Иисус возведен был Духом в пустыню’;

<*sir-ë кил*-> ~ чув. *šar-e kil-* (земля-DAT прийти) ‘приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской’ (в чувашском тексте букв. ‘приходит в пребывающую в нужде землю Иудейскую, чтобы учить’).

Случаи с *šar-ä* (земля-DAT):

<*пюдесь*=<*sir-я кюрд*-> ~ чув. *päd-es šar-e kürt-* (гибнуть-FUT.PTCP земля-DAT вести) ‘широки врата и пространен путь, ведущие в погибель’;

<*sir-я кáй*-> (2 раза) ~ чув. *šar-e kaj-* (земля-DAT уйти) ‘и иди в землю Израилеву’, ‘и пошел в Египет’ (в чувашском тексте букв. ‘в землю Египетскую’);

<*sir-я сит*-> ~ чув. *šar-e šit-* (земля-DAT достичь) ‘и пришел в землю Израилеву’ — для глагола *šit-* ‘достичь’ ожидалось бы именно дативное управление ввиду сравнительных тюркских данных, ср. тат. *žir-gü žit-* (земля-DAT достичь) ‘достичь земли’;

<*sir-я тáрь*-> ~ чув. *šar-e tar-* (земля-DAT убежать) ‘и беги в Египет’ (в чувашском тексте букв. ‘в землю Египетскую’).

Далее, особенным образом ведут себя основы *tən* ‘что’ и *tən* ‘вера’. В случае *tən* показатель *-e* используется и в нескольких найденных аккумулятивных контекстах, и в единственном дативном. Примеры с ожидаемым аккумулятивным управлением:

<мин-*ĕ* кор-*á*т-ырь> ~ чув. *tən-e kor-att-ər* (что-ACC видеть-PRS-2PL) ‘желали видеть, что вы видите’;

<мин-*ĕ* ильд-*ĕ*т-ырь> ~ чув. *tən-e ild-ett-ər* (что-ACC слышать-PRS-2PL) ‘и слышать, что вы слышите’;

<мин-*ĕ* *ś*орад-*á*ть> ~ чув. *tən-e śorad-á* (что-ACC рождать-PRS.3SG) ‘ибо дерево познается по плоду’ (в чувашском тексте букв. ‘по тому, что рождает’);

<мин-*ĕ* *m*[*ŷ*]р-*e*> (2 раза) ~ чув. *tən-e t̄r-ə* (что-ACC стоять-FUT.3SG) ‘и что следовать будет, дам вам’, ‘и что следовать будет, получите’ (в чувашском тексте в обоих случаях букв. ‘чего будет стоять ваша работа’ в соответствии с «что следовать будет» в русском тексте).

Ср. случай дативного употребления *tən*: <ни=мин-*ĕ* *ġ*ора-*má*-зырь> ~ чув. *nġmən-e ġora-ma-z̄r* (ничто-DAT годиться-INF-CAR) ‘она уже ни к чему негодна’.

Что касается основы *tən* ‘вера’, то аккумулятивных контекстов с ней не обнаружено, а в дативных регулярно отражается *-e*:

<тин-*ĕ* *k*ір-> (7 раз) ~ чув. *tən-e kər-* (вера-DAT войти) — конструкция, используемая в значении ‘креститься’;

<тин-*ĕ* *k*юр(ь)д-> (10 раз) ~ чув. *tən-e kürt-* (вера-DAT вводить) — конструкция со значением ‘крестить’.

Следующая позиция, характеризующаяся особым отражением показателей датива и аккумулятора, — после аффикса принадлежности 3-го лица, реализующегося в поствокальном варианте в виде *-iġ-*, а в постконсонантном — в виде *-ġ-*. В данном случае аффиксы датива и аккумулятора совпадают в варианте *-e*. Это подтверждается сотнями контекстов в расписанной части памятника, для иллюстрации ниже приводятся первые 50 (по тексту Евангелия) форм с показателем датива-аккумулятива в позиции после POSS.3.

Аккумулятивные контексты:

<амуш-н-*ĕ* (~ амуж-н-*ĕ*) тур-*zà* иль-> (4 раза) ~ чув. *am̄š-ġ-e t̄r-za il-* (мать.POSS.3-POSS.3-ACC встать-CVB брат) ‘встань, возьми Младенца и Матерь Его’ (2 раза), ‘он встал, взял Младенца и Матерь Его’ (2 раза);

<án-н-ын-*e* *k*ор-> ~ чув. *an-n-iġ-e kor-* (спускаться-PST.PTCP-POSS.3-ACC видеть) ‘и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил...’;

<бы-н-ын-*e* *k*ор-> ~ чув. *ri-n-iġ-e kor-* (идти-PST.PTCP-POSS.3-ACC видеть) ‘и увидел Иоанн Духа Божия, Который... ниспускался на Него’;

<ġumbiö бол-*zà* лар-н-ын-*e* ильт-> ~ чув. *ġmbü pol-za lar-n-iġ-e ilt-* (царь быть-CVB сесть-PST.PTCP-POSS.3-ACC слышать) ‘услышав же, что Архелай царствует...’;

<кемер-н-*ĕ* *k*ударт-> ~ чув. *keper-ġ-e k̄dart-* (великолепие-POSS.3-ACC показывать) ‘и показывает Ему все царства мира и славу их’ (букв. ‘...и великолепие их’);

<мышкыла-*zà* хвар-н-ын-*e* *k*ор-> ~ чув. *m̄šk̄lla-za x̄var-n-iġ-e kor-* (насмеяться-CVB оставить-PST.PTCP-POSS.3-ACC видеть) ‘увидев себя осмеянным’;

<опушкà-я Мари-ин-н-*e* *ś*орат-> ~ чув. *ob̄ška-ja Marij-ġn-ġ-e śorat-* (муж-ACC Мария-GEN-POSS.3-ACC рождать) ‘Иаков родил Иосифа, мужа Марии’;

<порь-н-*ĕ* *b*ар-> ~ чув. *por-ġ-e rar-* (весь-POSS.3-ACC дать) ‘всё это дам тебе’;

<*ś*орат-*má*-нн-ын-*e* *k*аз-> ~ чув. *śorat-ma-nn-iġ-e kas-* (рождать-NEG-PST.PTCP-POSS.3-ACC рубить) ‘дерево, не приносящее доброго плода, срубают...’;

<*ś*олдурь тур-*zà* тухтá-н-ын-*e* *k*ор-> ~ чув. *ś̄ld̄r t̄r-za t̄xta-n-iġ-e kor-* (звезда встать-CVB остановиться-PST.PTCP-POSS.3-ACC видеть) ‘увидев же звезду’ (в чувашском тексте букв. ‘увидев, что звезда встала’);

<туш-н-*ĕ* (~ тюш-н-*ĕ*) тур-> (2 раза) ~ чув. *t̄š-ġ-e t̄r-* (стоимость-POSS.3-ACC стоять) ‘сотворите же достойный плод покаяния’, ‘я не достоин понести обувь Его’ (в чувашском «достойный» — букв. ‘стоящий свою стоимость’);

<тiор-н-*e* тув-> ~ чув. *türr-iġ-e tu-* (правда-POSS.3-ACC делать) ‘исполнить всякую правду’;

<ху-н-*ĕ* *ś*ис-> ~ чув. *x̄ġ-ġ-e sis-* (она.сама-POSS.3-ACC чувствовать) ‘оказалось, что Она имеет во чреве...’ (в чувашском тексте букв. ‘почувствовала [себя], что она беременна’);

<хуш-н-*ĕ* *k*ор-*ч-е-сь*> ~ чув. *x̄š-ġ-e kor-ġ-ə-ś* (который-POSS.3-ACC видеть-PST-3-PL) ‘звезда, которую видели они на востоке’;

<чон-н-*ĕ* шир[*e*]-> ~ чув. *ġon-ġ-e šire-* (душа-POSS.3-ACC искать) ‘искавшие души Младенца’;

<Ывырь *ś*инь бол-н-ын-*e* *ś*ис-> ~ чув. *ġiv̄r śin pol-n-iġ-e sis-* (тяжелый человек быть-PST.PTCP-POSS.3-ACC чувствовать) ‘оказалось, что Она имеет во чреве...’ (в чувашском тексте букв. ‘почувствовала, что она беременна’).

Дативные контексты:

<киль=*ś*орт-н-*ĕ* кир-> ~ чув. *kil=śort-ġ-e kər-* (дом-POSS.3-DAT войти) ‘войдя в дом’;

<ус-н-ѐ кир-> (2 раза) ~ чув. *ǔs-ń-e kǎr-* (разум-POSS.3-DAT войти) ‘Ирод... выведаль’ (в чувашском тексте букв. ‘...вошел в разум’), ‘не искушай Господа Бога твоего’ (в чувашском тексте букв. ‘Господь Бог в твой разум да не войдет и не выйдет’).

Кроме того, исторически формами с застывшим дативным показателем являются следующие послелогии:

<бат-н-ѐ> (8 раз) ~ чув. *pat-ń-e* (сторона-POSS.3-DAT) ‘к чему-л.’;

<вырын-н-ѐ> ~ чув. *viŕǵn-ń-e* (место-POSS.3-DAT) ‘вместо чего-л.’;

<си-н-ѐ> (6 раз) ~ чув. *śi-ń-e* (поверхность-POSS.3-DAT) ‘на что-л.’;

<чох-н-ѐ> (11 раз) ~ чув. *čox-ń-e* (пора-POSS.3-DAT) ‘в какое-л. время’;

<-ш-н-ѐ> ~ чув. *š-ń-e* (нутро-POSS.3-DAT) ‘внутри чего-л.’.

Наконец, необходимо рассмотреть реализацию показателей датива и аккузатива в формах множественного числа. В этой позиции последовательно различаются формы на *-sań-e* (PL-ACC) и формы на *-sam-a* (PL-DAT). Таким образом, различный облик в дативных и аккузативных употреблениях имеют не только падежные показатели, но и алломорфы показателя множественного числа (!). В первых 50 (по тексту Евангелия) примерах это распределение соблюдается 49 раз.

Ср. следующие аккузативные контексты:

<адт-ы-зан-е ид-сà сюред-> ~ чув. *att-i-zeń-e jǔt-sa śüret-* (сапог-POSS.3-PL-ACC поднимать-CVB носить) ‘я не достоин понести обувь Его’;

<ача-зан-ѐ виляр-тǎр-> ~ чув. *ača-zeń-e vǎler-tter-* (ребенок-PL-ACC убить-CAUS) ‘и послал избить... младенцев’;

<ачá-зан-е тув-> ~ чув. *ača-zeń-e tu-* (ребенок-PL-ACC делать) ‘Бог может... воздвигнуть детей’;

<браг-аггáн-зан-е кóр-> ~ чув. *bray-agan-zeń-e kor-* (бросать-PRS.PTCP-PL-ACC видеть) ‘Он увидел... закидывающих сети в море’;

<вул-зан-ѐ виренд-> ~ чув. *vǔl-zeń-e vǎrent-* (он-PL-ACC учить) ‘учил их’;

<вул-зан-ѐ чин-> ~ чув. *vǔl-zeń-e čǎn-* (он-PL-ACC звать) ‘и призвал их’;

<вул-зан-ѐ чирдт-> ~ чув. *vǔl-zeń-e čǎrt-* (он-PL-ACC оживлять) ‘и Он исцелял их’;

<вул-зан-ѐ яр-> ~ чув. *vǔl-zeń-e jar-* (он-PL-ACC послать) ‘послав их в Вифлеем’;

<из-е-зан-е йүгген-н-й туш-н-ѐ тур-áн-зан-е тув-> ~ чув. *ǐž-ǎ-zeń-e ügǎn-n-i tǔš-ń-e tǔr-an-zeń-e tu-* (дело-POSS.3-PL-ACC каяться-PRS.PTCP-POSS.3 стоимость-POSS.3-ACC стоять-НАВ.PTCP-PL-ACC делать) ‘сотворите же достойный плод покаяния’ (в чувашском тексте букв. ‘сотворите дела, стоящие покаяния’);

<йкке сіол-гй-зан-е виляр-тǎр-> ~ чув. *igǎ śol-yi-zeń-e vǎler-tter-* (два год-ADJ-PL-ACC убить-CAUS) ‘и послал избить всех... от двух лет’;

<йóз-аггáн-зан-е кóр-> ~ чув. *joz-agan-zeń-e kor-* (чинить-PRS.PTCP-PL-ACC видеть) ‘увидел Он... починивающих сети свои’;

<парнǎ-зан-е кю[r]-> ~ чув. *parńe-zeń-e küir-* (дар-PL-ACC приносить) ‘сокровища свои’ (букв. ‘с собой принесенные дары’);

<перь=тувáн-зан-е кóр-> (2 раза) ~ чув. *pǎr=tǔvan-zeń-e kor-* (брат-PL-ACC видеть) ‘Он увидел двух братьев’, ‘увидел Он других двух братьев’;

<пóп-сан-е пыз-аггáнъ пóз-е-> ~ чув. *pop-seń-e pǔy-agan pož-ǎ* (священник-PL-ACC смотреть-PRS.PTCP начальник-POSS.3) — употребляется в значении ‘первосвященник’ (букв. ‘начальник, смотрящий за священниками’);

<пóз-е-зан-е поз-> ~ чув. *pož-ǎ-zeń-e pox-* (начальник-POSS.3-PL-ACC собрать) ‘собрав... первосвященников’ (букв. ‘начальников, смотрящих за священниками’);

<Прорóк-сан-е ху-зà клáр-> ~ чув. *prorok-seń-e xu-za kǎlar-* (пророк-PL-ACC гнать-CVB выгонять) ‘так гнали... пророков’;

<Пюлюхсе-зан-е хóж-е> ~ чув. *pǔlǎxśǎ-zeń-e xož-ǎ* (ангел-PL-ACC назначать-FUT.3SG) ‘ангелам Своим заповедает о Тебе’ (в чувашском тексте букв. ‘ангелов Своих назначит...’);

<Саддукей-зан-ѐ кор-> ~ чув. *saddukej-zeń-e kor-* (саддукей-PL-ACC видеть) ‘увидев же... саддукеев’;

<силых-сан-ѐ кала-> ~ чув. *śilǎx-seń-e kala-* (грех-PL-ACC сказать) ‘исповедуя грехи свои’;

<сін-зан-е кюд-сǎ полдáр-> ~ чув. *śin-zeń-e kǎt-se poldar-* (человек-PL-ACC пасти-CVB смочь) ‘Вождь, который упасет народ Мой’;

<сін-зан-ѐ сјол-> ~ чув. *śin-zeń-e śǔl-* (человек-PL-ACC спасти) ‘Он спасет людей...’;

<син-зан-ѐ тыд-аггáнъ> ~ чув. *śin-zeń-e tid-agan* (человек-PL-ACC ловить-PRS.PTCP) ‘ловец человек’ в контексте ‘Я сделаю вас ловцами человеков’;

<сирь-зан-е кудáрт-> ~ чув. *śǎr-zeń-e kǎdart-* (земля-PL-ACC показывать) ‘и показывает Ему все царства мира’;

<сокмак-сан-ѐ тюрлéd-> ~ чув. *sokmak-seń-e türlǎt-* (тропа-PL-ACC выпрямлять) ‘прямыми сделайте стези Ему’;

<сумаг-сан-ѐ итлѐ> (2 раза) ~ чув. *s̆m̆ax-señ-e itle-* (слово-PL-ACC слушать) ‘и Ему одному служи’, ‘и служили Ему’;

<тедѐль-зан-е браг> ~ чув. *tedel-zeñ-e p̆rax-* (сеть-PL-ACC бросать) ‘оставив сети’;

<тедѐль-зан-е лар-зà iõза> ~ чув. *tedel-zeñ-e lar-za joza-* (сеть-PL-ACC сидеть-CVB чинить) ‘починивающих сети свои’;

<т̆инла-зан-е ч̆инь> ~ чув. ***t̆inl̆-zeñ-e č̆an-* (волхв-PL-ACC звать) ‘призвав волхвов’ (слово *t̆inl̆* современному чувашскому языку неизвестно);

<Фарисей-зан-ѐ кор> ~ чув. *farisej-zeñ-e kor-* (фарисей-PL-ACC видеть) ‘увидев же... фарисеев’;

<халзыр-зан-е кюр> ~ чув. *xalz̆r-zeñ-e k̆ür-* (бессильный-PL-ACC доставлять) ‘и приводили к Нему всех немощных’;

<чирь х̆инь=да кор-агг̆ан-зан-ѐ кюр> ~ чув. *č̆ir x̆an=de kor-agan-zeñ-e k̆ür-* (болезнь мучение=COORD видеть-PRS.PTCP-PL-ACC доставлять) ‘приводили к Нему... одержимых различными болезнями и припадками’;

<в̆ыйле-ме-ны-зан-ѐ кюр> ~ чув. ***v̆yj̆le-me-n-zeñ-e k̆ür-* (укрепляться-NEG-PST.PTCP-PL-ACC доставлять) ‘приводили... расслабленных’ (глагол *v̆yj̆le-*, явно производный от *v̆yj̆* ‘сила’, современному чувашскому языку неизвестен);

<ор-на-скерь зан-ѐ кюр> ~ чув. *or-n̆-sker-zeñ-e k̆ür-* (беситься-PST.PTCP-SUBST-PL-ACC доставлять) ‘приводили... бесноватых’;

<тыд-агг̆ан-зан-ѐ кюр> ~ чув. *tid-agan-zeñ-e k̆ür-* (хватать-PRS.PTCP-PL-ACC доставлять) ‘приводили... лунатиков’ — ср. чув. *tid-amak, tid-an amak* ‘эпилепсия, падучая’;

<халыг-сан-ѐ кор> ~ чув. *xal̆x-señ-e kor-* (народ-PL-ACC видеть) ‘увидев народ’;

<хоть бил-егг̆ен-зан-е пог> ~ чув. *xot p̆al-egen-zeñ-e pox-* (грамота знать-PRS.PTCP-PL-ACC собрать) ‘собрал... книжников’;

<хуж-сан-ѐ чид-ы-м-асе> ~ чув. *x̆š̆-señ-e č̆yd-aj-m-aš̆š̆a* (который-PL-ACC терпеть-POT-NEG-PRS.3PL) ‘блаженны изгнанные за правду’ (в чувашском тексте букв. ‘...которых не могут терпеть за правду’);

<ш̆ильн-е-зан-ѐ (~ шильн-е-зан-ѐ) с̆iõp̆am> (2 раза) ~ чув. *š̆yll-ə-zeñ-e š̆orat-* (младший.брат-POSS.3-PL-ACC родить) ‘Иаков родил Иуду и братьев его’, ‘Иоаким родил Иехонию и братьев его’.

В единственном случае форма на *-sañ-e* появляется в контексте с ожидаемым дативным управлением: <хуж-сан-ѐ с̆i-ясс-ы̆ из-ясс-ы̆=да кил-ѐть ч̆ин-н-е> ~ чув. *x̆š̆-señ-e š̆ij-ess-i əz̆-ess-i=de kil-et č̆yn-ñ-e* (который-PL-DAT есть-FUT.PTCP-POSS.3 пить-FUT.PTCP-POSS.3=COORD хотеться-PRS.3SG правда-POSS.3-DAT) ‘блаженны алчущие и жаждущие правды’ (в чувашском тексте букв. ‘к которым приходят голод и жажда к правде’). Ср. выше случаи <сир-ѐ кил> ~ чув. *sir-e kil-* (вы-DAT хотеться) ‘итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди’, где в этой же дезидеративной конструкции при субъекте ожидаемо выступает дативный *-e*.

В прочих дативных контекстах во множественном числе представлен вариант *-sam-a*:

<вул-зам-à бол-ать (~ бол-ать)> (2 раза) ~ чув. *v̆ə-zeñ-e pol-aí* (он-PL-DAT быть-PRS.3SG) ‘ибо их есть Царство Небесное’ (в чувашском тексте букв. ‘им есть’);

<вул-зам-à (~ вул-зам-à) калá> (2 раза) ~ чув. *v̆ə-zeñ-e kala-* (он-PL-DAT сказать) ‘сказал им’, ‘и говорит им’;

<вул-зам-à сирь т̆ив-е> ~ чув. *v̆ə-zeñ-e š̆ar tiv-ə* (он-PL-DAT земля доставаться-FUT.3SG) ‘ибо они наследуют землю’ (в чувашском тексте букв. ‘им достанется земля’);

<вул-зам-à таврын-м-ась> ~ чув. *v̆ə-zeñ-e **tav̆r̆n-m-as* (он-PL-DAT возвращаться-NEG-FUT.PTCP) ‘получив во сне откровение не возвращаться к Ироду’ (в чувашском тексте букв. ‘...им не возвращаться’, отрицательная форма причастия *tav̆r̆n-m-as* в современном чувашском неграмматична);

<лар-агг̆ан-зам-а с̆юдул-ч-е> ~ чув. *lar-agan-zeñ-e š̆ud̆yl-č̆-ə* (сидеть-PRS.PTCP-PL-DAT осветиться-PST.3SG) ‘и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет’.

Поскольку среди первых 50 контекстов дативные употребления немногочисленны, для наглядности предлагаемого распределения необходимо привести еще случаи с *-sam-a* (PL-DAT), встретившиеся далее в расписанной части памятника:

<ача-зам-à ба[r]> ~ чув. *ač̆a-zeñ-e par-* (ребенок-PL-DAT давать) ‘умеете даяния благие давать детям вашим’;

<б̆арым-ла-зам-à казар> ~ чув. *par̆m-l̆-zeñ-e kažar-* (долг-PRPR-PL-DAT прощать) ‘как и мы прощаем должникам нашим’;

<вул-зам-à кал[a]> ~ чув. *v̆ə-zeñ-e kala-* (он-PL-DAT сказать) ‘и тогда объявлю им’;

<вул-зам-à т̆ув> ~ чув. *v̆ə-zeñ-e t̆u-* (он-PL-DAT делать) ‘так поступайте и вы с ними’ (в чувашском тексте букв. ‘...делайте им’);

<ид-агг̆ан-зам-а б̆ар> ~ чув. *ijd-agan-zeñ-e par-* (просить-PRS.PTCP-PL-DAT давать) ‘Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него’;

<кiлeмзь-сам-а ба[р]-> ~ чув. *kələmzə-zeñ-e par-* (нищий-PL-DAT давать) ‘не творите милостыни вашей пред людьми’ (в чувашском тексте букв. ‘не давайте нищим...’);

<кор-ы-ма-н-зам-а ыра тыв-> ~ чув. *kor-aj-ma-n-zeñ-e irь tu-* (видеть-POT-NEG-PST.PTCP-PL-DAT добро делать) ‘благоотворите ненавидящим вас’;

<лар-агган-зам-а сюд-> ~ чув. *lar-agan-zeñ-e şut-* (сидеть-PRS.PTCP-PL-DAT светить) ‘и светит всем в доме’;

<нилеш-сам-а ыра сон-> ~ чув. *pələş-señ-e irь son-* (знакомый-PL-DAT добро желать) ‘и если вы приветствуете только братьев ваших’ (в чувашском тексте букв. ‘...желаете добра ближним’);

<син-зам-а казар-> (2 раза) ~ чув. *şin-zeñ-e kažar-* (человек-PL-DAT прощать) ‘ибо если вы будете прощать людям согрешения их’, ‘а если не будете прощать людям согрешения их’;

<син-зам-а калá- (~ калá-)> (3 раза) ~ чув. *şin-zeñ-e kala-* (человек-PL-DAT сказать) ‘вы слышали, что сказано древним’;

<син-зам-а корн- (~ кóрын-)> (2 раза) ~ чув. *şin-zeñ-e korьn-* (человек-PL-DAT показаться) ‘чтобы показаться перед людьми’, ‘чтобы явиться постыжимся не пред людьми, но пред Отцом твоим’;

<син-зам-а кыдард-> ~ чув. *şin-zeñ-e kьdart-* (человек-PL-DAT показать) ‘чтобы показаться людям постыжимся’;

<ыда-зам-а бáр-> ~ чув. *jidь-zeñ-e par-* (собака-PL-DAT давать) ‘не давайте святыни псам’.

Установленные распределения суммированы ниже в таблице 2. Хотя аккузативные контексты для основ *şar* ‘земля’ и *tən* ‘вера’ не найдены, эти ячейки могут быть условно заполнены по аналогии — см. об этом следующий раздел.

Таблица 2

Позиция	DAT	ACC
После заднерядных основ	<i>(-V)-ja, (-C)-a</i>	
После переднерядных основ с исходом на гласный	<i>-jă</i>	
После переднерядных основ с исходом на согласный, за исключением следующих основ:	<i>-ă</i>	
<i>pír-</i> ‘мы’	<i>-e</i>	<i>-ă</i>
<i>sír-</i> ‘вы’	<i>-e</i>	<i>-ă</i>
<i>şar</i> ‘земля’	<i>-e ~ -ă</i>	<i>(-ă?)</i>
<i>tən</i> ‘что’	<i>-e</i>	<i>-e</i>
<i>tən</i> ‘вера’	<i>-e</i>	<i>(-e?)</i>
После показателя POSS.3 <i>-ń-</i>	<i>-e</i>	<i>-e</i>
После показателя PL <i>-sam-/sañ-</i>	<i>(-sam)-a</i>	<i>(-sañ)-e</i>

3.2. Историческая интерпретация

Как видно из таблицы 2, по умолчанию показатели датива и аккузатива в памятнике совпадают в поствокальных вариантах *-ja / -jă* и в постконсонантных *-a / -ă*. Иные варианты, в том числе различающие датив и аккузатив, возникают после основ *pír-* ‘мы’, *sír-* ‘вы’, *şar* ‘земля’, *tən* ‘что’ и *tən* ‘вера’, а также после показателя POSS.3 *-ń-* и показателя PL *-sañ-*.

Что объединяет эти случаи? На синхронном фонетическом уровне все эти основы и грамматические показатели имеют в исходе этимологически палатальный или автоматически палатализованный (в переднерядном вокалическом окружении) сонант [ʀ], [ń]. При этом в расписанной части памятника имеются также лексические и грамматические морфемы с исходом на сонант после переднего гласного, не демонстрирующие особых распределений: *jədən* ‘лен’, *tomdir* ‘одежда’, субстантиватор *-(ə)sker* (< *asker* ‘вещь’), переднерядный вариант показателя причастия настоящего времени *-egen*. Возможно, ключ к интерпретации распределений — в том, что во всех примерах последней группы сонант находится в исходе двух- или многосложной формы. В таком случае сохранение особых распределений могло быть связано с более выраженной палатализацией сонантов в позиции после первого гласного в слове в сравнении с позицией после гласных непервых слогов. Датив и аккузатив различались после этимологического палатального, а также в случае автоматически палатализованного сонанта в исходе односложной основы, однако последнее правило не действовало в непервых слогах¹².

¹² Я благодарю А. В. Дыбо за указание на возможность такой интерпретации.

Другое возможное решение — считать все основы с особым распределением случаями с этимологическим палатальным ^+r , ^+n из сочетаний ^+jr , ^+jn . Во-первых, промежуточное сочетание ^+jr действительно восстанавливается для чув. *pir-* ‘мы’, *sir-* ‘вы’. В пратюркском эти основы имели облик $*b\acute{e}n\acute{r}$ (~ $*bi\acute{n}\acute{r}$), $*s\acute{e}n\acute{r}$ [Мудрак 2009, вопрос № 7]¹³. В болгарской ветви они развивались в $*b\acute{a}j\acute{r}$, $*s\acute{a}j\acute{r}$ и далее в др.-чув. $*bi\acute{r}$, $*si\acute{r}$. Во-вторых, сочетание ^+jn восстанавливается в показателе POSS.3. В пратюркском этот показатель имел вид $*-i(n)$ и свойства клитики. Поэтому в чувашском происходило развитие $*-i$ как в анлауте: $*-i(n) > ^+j\acute{a}(n)$, откуда $^+jn > ^+n$. На исторически палатальный характер сонанта в показателе POSS.3 указывает и неожиданная палатализация $-d- > -\acute{z}-$ в показателях локатива и аблатива: $-dA(n)$ после сонантов, но $(-n)\acute{z}e(n)$ в посессивном склонении. Так же вел себя и косвенный вариант показателя множественного числа $-sa\acute{n}-$ (< $^+sajn-$). Возможно, по аналогии в этот парадигматический класс встроилась основа *t\acute{a}n* ‘что’, имеющая в исходе $-n$ местоименного склонения (< ПТю $*n\acute{e}-n-$ ‘что’, см. [Мудрак 1989: 219]). В заимствованной основе *t\acute{a}n* ‘вера’ < араб. *d\acute{i}n* можно предполагать промежуточное сочетание ^+jn , возникшее из-за адаптации иноязычного долгого гласного через дифтонг: $^+di\acute{j}n > ^+t\acute{a}n$. Для основы *\acute{s}ar* ‘земля’ (~ $*\acute{z}er$ в общетюркской ветви) свидетельства об историческом ^+jr отсутствуют. Однако у этого слова нет и хорошей алтайской этимологии, поэтому вопрос о том, мог ли $*j$ присутствовать в предковой форме данной основы, остается открытым.

Очень небольшое число основ, демонстрирующих особые распределения в зоне датива-аккузатива, оставляет пространство для обоих вариантов интерпретации. Независимо от того, каким именно признаком объединены данные основы с точки зрения диахронии, в диалекте памятника XIX века они ведут себя как морфонологически единообразные формы с исходом на сильно палатализованный сонант: $^+pi\acute{r}-$, $^+si\acute{r}-$, $^+s\acute{a}r$, ^+n -, $^+sa\acute{n}-$, $^+m\acute{a}n$, $^+t\acute{a}n$. Интерпретация распределений, в которые вовлечены эти основы, возможна при помощи следующей цепочки умозаключений.

Все формы с исходом на ^+n представляют один и тот же тип склонения с синхронным совпадением показателей датива и аккузатива в варианте $-e$: $^+t\acute{a}n-e$ (вера-DAT.ACC), $^+m\acute{a}n-e$ (что-DAT.ACC), ^+n-e (POSS.3-DAT.ACC). Сюда же относится и показатель PL, аккузативная форма которого имеет облик $^+sa\acute{n}-e$. Дативная форма $^+sam-a$ не препятствует такому сближению, поскольку она отражает явную инновацию — частичное распространение номинативного алломорфа $^+sam-$ на зону косвенных падежей. Если бы в языке памятника не произошло замены косвенного $^+sa\acute{n}-$ на $^+sam-$, то в дативе следовало бы ожидать форму $^+sa\acute{n}-e$, совпадающую с аккузативной.

При этом сам факт замены косвенного варианта показателя PL $^+sa\acute{n}-$ на $^+sam-$ только в дативе, но не в аккузативе доказывает, что на момент замещения в говоре еще сохранялось противопоставление между формами PL-ACC и PL-DAT. Поскольку другие основы на ^+n представляют тот же тип склонения, то для них также следует восстанавливать оппозицию датива и аккузатива на более ранней стадии. Прямые свидетельства о том, как именно выглядело различие датива и аккузатива после основ на ^+n , отсутствуют. Но аналогией служит склонение основ на ^+r , где наблюдаем распределение $-e$ (DAT) / $-a$ (ACC).

Исторически противопоставление дативных и аккузативных форм в чувашском было завязано, по-видимому, на различные акцентные схемы. Согласно О. А. Мудраку, проанализировавшему постановку ударений в одном из памятников XVIII века («Сочинений...» 1769 года), еще в тот период в чувашских говорах могли сохраняться следы такого различия [Мудрак 2011]. На некоторой ранней стадии продолжением пратюркского показателя дательного падежа $*-ya$ в чувашском был обычный ^+A , принимавший на себя ударение (и выступающий в заднем сингармонистическом ряду, но фактически — гласный среднего ряда). Показатель винительного падежа, восходящий к ПТю $*-Uy$ с узким гласным, давал в диалекте Евангелия промежуточный рефлекс ^+e с дальнейшим прояснением в ^+A — открытый гласный среднего ряда, который всегда оставался безударным (т. е. вел себя как *I*, *U*). В переднем сингармонистическом ряду (фонетически — передне-среднем) в качестве аналога ^+a (DAT) выступал простой $-e$, а аналогом ^+a (ACC) был особый безударный $-a$.

Учитывая сказанное, возникновение отражаемой в Евангелии системы с различием датива и аккузатива можно описать следующим образом. На ранней стадии в чувашском существовало противопоставление между аккузативными формами типа $C\acute{V}C-\acute{A}$, $C\acute{V}CV-n\acute{A}$ и дативными формами типа $CVC-\acute{A}$, $CVCV-n\acute{A}$. Далее в диалекте Евангелия это противопоставление было нейтрализовано в склонении всех типов основ, кроме части основ с исходом на ^+r , ^+n . В последнем случае старые аккузативные формы вида $C\acute{V}r-\acute{A}$, $C\acute{V}n-\acute{A}$ дали $CVr-A$, $CVn-A$, где гласный аффикса реализовался как $-a$ в заднем сингармони-

¹³ Согласно О. А. Мудраку (устное сообщение), $*n$ в данных пратюркских формах — источник ^+j в болгарской ветви — является результатом автоматической палатализации $*-n$ местоименного склонения в позиции перед $*-r$: $*b\acute{e}(n)$ ‘я’ + $*-r$ формы парной множественности = $*b\acute{e}n\acute{r}$, $*s\acute{e}(n)$ ‘ты’ + $*-r$ = $*s\acute{e}n\acute{r}$.

стическом ряду и как *-ä* в переднем. В старых же дативных формах вида *CVr-Á*, *CVñ-Á* в ударной позиции имело место развитие (*-r/ñ*)-*A* > *-e*. Замечательно, что примеры на такое сужение обнаруживаются и за пределами падежной парадигмы, ср. ⁺*šjǫrá*- ‘искать’ (см. п. 2.1.3), откуда *šjǫre-* в языке памятника (записано как <*шупре*->; при отражении *šjǫrǎ-* ожидалось бы <*шуря*->).

На этом этапе показатель PL-DAT ⁺*sañ-e* был вытеснен из парадигмы в результате частичной экспансии на формы косвенных падежей номинативного алломорфа *-sam*. Оппозиция между формами датива и аккузатива в PL приобрела вид ⁺*sañ-a* (PL-ACC) — ⁺*sam-a* (PL-DAT).

Наконец, в этом диалекте продействовало фонетическое правило ⁺*ñA* (= *-ña*, *-ñä*) > *-ñe*. В результате показатель PL-ACC приобрел облик ⁺*sañ-e*. Различение датива и аккузатива в формах PL сохранилось из-за предшествующей замены алломорфа, а в прочих случаях с ⁺*ñ* оно было утеряно за счет совпадения в варианте *-e*.

Следует оговориться, что в части случаев предлагаемые распределения остаются не вполне надежными, поскольку падежные формы от *šar* ‘земля’, *tən* ‘что’, *tən* ‘вера’ в тексте редки. Только по аналогии с другими основами на ⁺*-r* можно предполагать, что с основой *šar* ‘земля’ употреблялся аккузативный показатель *-ä*. По аналогии с другими случаями на ⁺*-ñ* форму *tən* ‘вера’ в винительном падеже можно восстанавливать в виде *tən-e*. Единственный случай, выглядящий как свободное варьирование, — параллельное употребление *-e* и *-ä* в дативных контекстах у лексемы *šar* ‘земля’ — опять же приходится на формы с низкой частотностью. Варьирование не наблюдается в склонении высокочастотных основ *pir*- ‘мы’, *sir*- ‘вы’ и также очень употребительного показателя множественного числа. Эти формы последовательно различают показатели датива и аккузатива; исключения носят единичный характер, поэтому ими можно пренебречь, списав на ошибки переводчика.

4. Заключение

Первый чувашский перевод Евангелия от Матфея отражает очень своеобразную и еще очень мало изученную стадию в истории чувашского языка и чувашской письменной культуры. Диалект памятника может быть надежно атрибутирован как принадлежащий к числу верховых говоров курмышско-красночетайского круга. Как предположил еще в 1946 году Г. И. Комиссаров [Комиссаров 2003: 320, 337], эти говоры играли ключевую роль в старочувашской письменной традиции XVIII века. Ранее всесторонний лингвистический анализ подтвердил красночетайскую атрибуцию верхового чувашского материала в Словаре Палласа 1787—1789 годов [Савельев 2015]. Настоящее исследование показывает, что определяющее для чувашской письменной культуры значение сохранялось за курмышско-красночетайскими говорами по крайней мере и в первой четверти XIX века.

Анализ языка Евангелия однозначно свидетельствует, что одна из наиболее известных структурных особенностей чувашского языка — синкретическое выражение значений датива и аккузатива — имеет совсем недавнее происхождение. Курмышско-красночетайские говоры, в которых различение этих показателей сохранялось до XIX века включительно, не образуют какой-то отдельный древний узел на дереве чувашских диалектов; наоборот, это довольно типовые говоры верховой группы. Поэтому вероятно, что различение датива и аккузатива сохранялось в это время, по крайней мере, и в некоторых других говорах чувашского языка¹⁴.

Вопрос о том, когда различение датива и аккузатива в чувашских говорах было окончательно утрачено, остается пока открытым. Еще на рубеже XIX—XX вв. Н. И. Ашмарин отмечал в говорах курмышско-красночетайского типа параллельные варианты в парадигме PL для дательного-винительного падежа (см. таблицу 1). Хотя Н. И. Ашмарин не оставил указаний о функциональном распределении этих параллельных форм, все же нельзя исключать, что речь здесь идет не о свободных вариантах, а об остаточном различии датива и аккузатива. В связи с этим в будущем было бы необходимо уделить особое внимание документированию нетривиальных вариантов показателя дательного-винительного падежа и при полевом описании современных красночетайских говоров.

¹⁴ Поздней датировке совпадения датива и аккузатива в чувашском как будто могут противоречить данные волжско-булгарских эпитафий XIII—XIV вв. Согласно интерпретации [Erdal 1993: 87], уже в источниках этого времени наблюдаются признаки синкретизма дательного и винительного падежей. Однако, ознакомившись с ранней версией настоящей статьи, М. Эрдал отметил, что волжско-булгарские данные не обязательно должны указывать на раннее совпадение падежных показателей: вероятно, что арабская графика — с ее очень ограниченными возможностями для отражения иноязычного вокализма — просто не передавала существовавшее противопоставление дативных и аккузативных форм. Я благодарю М. Эрдала за это ценное замечание.

Сокращения

Языки и диалекты

араб. — арабский язык	низ. — низовой диалект чувашского языка
булг. — болгарская ветвь тюркских языков	перс. — персидский язык
верх. — верховой диалект чувашского языка	ПАлт — праалтайский язык
др.-чув. — древнечувашский язык	ПМо — прамонгольский язык
зыр. — коми-зырянский язык	ПТМ — пратунгусо-маньчжурский язык
кр.-чет. — краснечетайский говор верхового диалекта чувашского языка	ПТю — пратюркский язык
курм. — курмышский говор верхового диалекта чувашского языка	рус. — русский язык
литер. — литературный язык	тат. — татарский язык
морд. — мордовские языки	чув. — чувашский язык
	як. — якутский язык

Глоссы

1 — первое лицо	IMP — повелительное наклонение (императив)
2 — второе лицо	INF — инфинитив
3 — третье лицо	INS — творительный падеж (инструменталис)
ABL — исходный падеж (аблатив)	LOC — местный падеж (локатив)
ACC — винительный падеж (аккузатив)	NEG — отрицательная форма
ADJ — адъективизатор	NOM — именительный падеж (номинатив)
ADV — адвербиализатор	OBL — косвенная основа
CAR — лишительный падеж (каритив)	PL — множественное число
CAUS — понудительный залог (каузатив)	POSS — форма принадлежности
COMP — сравнительная степень	POT — форма возможности (потенциалис)
COORD — сочинительная клитика	PRPR — проприетив ('имеющий X')
CVB — деепричастие	PRS — настоящее время
DAT — дательный падеж (датив)	PST — прошедшее время
EMPH — эмфатическая частица	PTCP — причастие
FUT — будущее время	RETR — показатель ретроспективного сдвига
GEN — родительный падеж (генитив)	SG — единственное число
NAV — хабитуальная форма	SUBST — субстантиватор

Литература

- Андреев 1961 — *Андреев Н. А.* Краткий грамматический очерк чувашского языка // Чувашско-русский словарь (под ред. М. Я. Сироткина). М., 1961. С. 599—630. {*Andreyev N. A.* A concise Chuvash grammar sketch // Chuvash-Russian dictionary (edited by M. Ya. Sirotkin). Moscow, 1961. P. 599—630.}
- Ашмарин 1898 — *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. {*Ashmarin N. I.* Materials for a study of Chuvash. Kazan, 1898.}
- Ашмарин 1903 — *Ашмарин Н. И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть первая. Казань, 1903. {*Ashmarin N. I.* A study on Chuvash syntax. Part 1. Kazan, 1903.}
- Ашмарин 1923 — *Ашмарин Н. И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть вторая. Симбирск, 1923. {*Ashmarin N. I.* A study on Chuvash syntax. Part 2. Simbirsk, 1923.}
- Дыбо 2017 — *Дыбо А. В.* Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках // Урало-алтайские исследования. 2017, 3 (26). С. 127—147. {*Dybo A. V.* Once more on the history of person-number markers in the Turkic languages // Ural-Altaic Studies. 2017, 3 (26). P. 127—147.}
- Комиссаров 2003 — *Комиссаров Г. И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / Сост. В. Г. Родионов. Чебоксары, 2003. {*Komissarov G. I.* On the Chuvash people: studies, memoirs, diaries, letters / Compiled by V. G. Rodionov. Cheboksary, 2003.}
- Левитская 1976 — *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. {*Levitskaya L. S.* A historical morphology of Chuvash. Moscow, 1976.}
- Мудрак 1989 — *Мудрак О. А.* Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М., 1989. С. 216—222. {*Mudrak O. A.* Specific split developments of consonants in Chuvash // Linguistic reconstruction and the ancient history of the East. Part 1. Moscow, 1989. P. 216—222.}

Мудрак 1993 — *Мудрак О. А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993. {*Mudrak O. A.* Historical correspondences between the Chuvash and Turkic vowels. Moscow, 1993.}

Мудрак 2007 — *Мудрак О. А.* Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош // Аспекты алтайского языкознания (Материалы Тенишевских чтений — 2007). М., 2007. {*Mudrak O. A.* An Avar inscription on a vessel from the Treasure of Nagyszentmiklós // Aspects of Altaic linguistics (Materials of the Tenishev memorial conference — 2007). Moscow, 2007.}

Мудрак 2009 — *Мудрак О. А.* Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М., 2009. {*Mudrak O. A.* Glottochronological classification of the Turkic languages and dialects based on a questionnaire on morphology and historical phonology. Moscow, 2009.}

Мудрак 2011 — *Мудрак О. А.* Система акцентуации в старочувашском памятнике XVIII века. Презентация, представленная на Научных чтениях к 80-летию В. А. Дыбо (Москва, РГГУ, 5 мая 2011 года). {*Mudrak O. A.* Accent system in a pre-Standard Chuvash text from the 18th century. Talk presented at V. A. Dybo's 80th Birthday Conference (Moscow, RSUH, May 5, 2011).}

Мудрак 2014 — *Мудрак О. А.* Классы каузативов в тюркском глаголе // Вопросы тюркологии. 2014, 3. С. 16—54. {*Mudrak O. A.* Causative classes in the Turkic verb system // Issues of Turkology. 2014, 3. P. 16—54.}

Петров 1997 — *Петров Л. П.* Исконная и заимствованная орнитолексика чувашского языка // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. V. Чебоксары, 1997. С. 94—113. {*Petrov L. P.* Inherited and borrowed bird names in Chuvash // Materials on Chuvash dialectology. Iss. 5. Cheboksary, 1997. P. 94—113.}

Савельев 2013 — *Савельев А. В.* Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. 2013, 1 (8). С. 34—54. {*Savelyev A. V.* Vowel systems of the Chuvash dialects attested in Peter Pallas's dictionary // Ural-Altaic Studies. 2013, 1 (8). P. 34—54.}

Савельев 2014а — *Савельев А. В.* Огубленные «ы» и «и» в низовых говорах чувашского языка // Вестник КИГИ РАН. 2014, 1. С. 36—41. {*Savelyev A. V.* Rounded *i* and *i* in Anatri Chuvash // Bulletin of KIGI RAN. 2014, 1. P. 36—41.}

Савельев 2014б — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. {*Savelyev A. V.* Dialectal features in pre-Standard Chuvash sources from the 18th century (based on the evidence from Peter Pallas's dictionary). PhD thesis. Moscow, 2014.}

Савельев 2015 — *Савельев А. В.* Диалектная основа чувашских материалов в Словаре Палласа // Материалы XV всероссийской конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 2015. С. 229—233. {*Savelyev A. V.* Dialectal affiliation of the Chuvash records in Peter Pallas's dictionary // Proceedings of the 15th conference "Current issues in dialectology of the languages of Russia". Ufa, 2015. P. 229—233.}

Савельев 2016 — *Савельев А. В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2016, 1 (20). С. 68—104. {*Savelyev A. V.* A Chuvash translation of a sermon from the mid-19th century // Ural-Altaic Studies. 2016, 1 (20). P. 68—104.}

Савельев 2018а — *Савельев А. В.* К уточнению сценария чувашско-марийских контактов // Языковые контакты народов Поволжья: сб. ст. XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21—24 мая 2018 г.), сост. и отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. Чебоксары, 2018. С. 95—104. {*Savelyev A. V.* An update on the Chuvash-Mari contact history // Eds. A. M. Ivanova, E. V. Fomin. Proceedings of the 11th Symposium on language contacts of the Volga region nations (Cheboksary, May 21—24, 2018). Cheboksary, 2018. P. 95—104.}

Савельев 2018б — *Савельев А. В.* «Начертание...» В. П. Вишневого и язык чувашской письменности в первой половине XIX века // Урало-алтайские исследования. 2018, 3 (30). С. 62—81. {*Savelyev A. V.* Victor Vishnevsky's *Načertanije* and the written Chuvash language in the first half of the 19th century // Ural-Altaic Studies. 2018, 3 (30). P. 62—81.}

Святой Евангелъ 1820 — Святой Евангелъ Матѳей ранъ, Маркъ ранъ, Лукà ранъ, Иоáннъ ранъ да чувашъ чильгè синè сывырзà хоны Хозанъ холары архерей пыгагганъ черггю таврашсамба. Казань, 1820. {The Holy Gospels of Matthew, Mark, Luke and John, translated into Chuvash by clergymen of the Diocese of Kazan under the bishop's guidance. Kazan, 1820.}

Сергеев 2007 — *Сергеев Л. П.* Диалектная система чувашского языка. Чебоксары, 2007. {*Sergeyev L. P.* Dialects of Chuvash. Cheboksary, 2007.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 2002. {A historical comparative grammar of the Turkic languages: Regional reconstructions / Ed. Tenišev È. R. Moscow, 2002.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {A historical comparative grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language. The worldview of the Proto-Turkic people according to linguistic evidence / Eds. Tenišev È. R., Dybo A. V. Moscow, 2006.}

СЧЯ — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. I—XVII. Казань, Чебоксары, 1928—1950. {*Ashmarin N. I.* Dictionary of the Chuvash language. Vol. I—XVII. Kazan — Cheboksary, 1928—1950.}

Таймасов, Денисов 2012 — *Таймасов Л. А., Денисов П. В.* Казанский комитет Российского Библейского общества и переводы Священного Писания на языки народов Среднего Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2012, 2. С. 92—95. {*Taymasov L. A., Denisov P. V.* The Kazan committee of the Russian Bible society and translations of the Holy Scripture into the languages of the Middle Volga region // Bulletin of the Chuvash University. 2012, 2. P. 92—95.}

Яковлев 2019 — *Яковлев П. Я.* Переводы «Отче наш» в свете становления и развития письменного чувашского языка // Родной язык. 2019, 1. С. 9—40. {*Yakovlev P. Ya.* Translations of the Lord's Prayer and the development of Literary Chuvash // Rodnoy yazyk. 2019, 1. P. 9—40.}

Adamović 1984 — *Adamović M.* Deiktika im Tschuwaschischen // Central Asiatic Journal. 1984, 28 (1/2). P. 1—9.

Erdal 1993 — *Erdal M.* Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. (Turcologica, 13.) Wiesbaden, 1993.

Scherner 1977 — *Scherner B.* Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen: Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen. Wiesbaden, 1977.

Фонетические особенности ненецких заимствований в обско-угорских языках

Урманчиева Анна Юрьевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); urmanna@yandex.ru

Статья посвящена вопросу о ненецких заимствованиях в обско-угорских языках: хантыйском и мансийском. Основной корпус этих заимствований был выделен еще В. Штейницем в работе, опубликованной более полувека назад. В данной работе мы сосредоточимся в основном на фонетическом облике заимствованных слов. Эти заимствования ограничиваются по преимуществу культурной и ландшафтной лексикой и распространены прежде всего в северных диалектах мансийского и хантыйского. Несмотря на это, многие из них сохраняют весьма архаичные черты ненецкой фонетики. Это позволяет рассматривать контакты между обско-угорскими языками и ненецким как достаточно давние. Кроме того, рассмотрение корпуса обско-угорских заимствований позволяет уточнить относительную хронологию некоторых звуковых переходов в истории ненецкого языка.

Языком-донором послужил, безусловно, тундровый, а не лесной ненецкий: приведенные в статье слова лесного и тундрового ненецкого, соответствующие обско-угорским заимствованиям, показывают, что в ряде случаев в лесном ненецком может вовсе отсутствовать данная основа, в других же случаях она может отстоять фонетически (и/или деривационно) слишком далеко от обско-угорского слова.

Заимствования в обско-угорские языки из ненецкого могут отражать следующие архаичные черты ненецкой исторической фонетики: сохранение финальных гласных (до редукции в $^{\circ}$); сохранение финальных согласных, перешедших в современном ненецком в гортанный смычный; сохранение интервокального *-m-*, перешедшего в современном ненецком в *-w-*; сохранение финального глайда *-w*, в современном ненецком перешедшего в \emptyset .

По этим параметрам заимствования в хантыйский и мансийский разбиваются на две группы: одни отражают более архаичное состояние ненецкой фонетики, другие — более близкое к современному состоянию.

Еще одна черта, позволяющая провести такую относительную датировку, — лабиализация гласных в казымском хантыйском и в мансийском: в более ранних заимствованиях ненецкий *a* отражается в казымском хантыйском и в мансийском как лабиальный гласный, в более поздних — как *a*.

Ключевые слова: языковые контакты, лексические заимствования, обско-угорские языки, ненецкий язык

PHONETIC FEATURES OF NENETS LOANWORDS IN THE OB-UGRIC LANGUAGES

Anna Yu. Urmanchieva, Institute of Linguistic Studies, RAS (St. Petersburg); urmanna@yandex.ru

The article deals with the Nenets borrowings in the Ob-Ugric languages: Khanty and Mansi. The main list of these borrowings was compiled by Wolfgang Steinitz in a work published more than half a century ago. In the paper I focus on phonetic features of the borrowed words. These borrowings represent predominantly the cultural vocabulary and are geographically quite limited being presented only in the northern dialects of Mansi and Khanty. Despite of this many of these words retain very archaic features of Nenets phonetics. This allows us to consider linguistic contacts between the Ob-Ugrians and the Nenets as rather old. Consideration of the corpus of the borrowings also allows to shed some light on the relative chronology of historical sound changes in the Nenets language.

In the paper all Nenets loans in Mansi and Khanty are compared with their possible sources in Tundra Nenets and in Forest Nenets. This comparison shows that in Forest Nenets a potential corresponding word is often missing or looks phonetically too different and therefore can not be regarded as the source of borrowing. Thus, the donor language was definitely the Tundra Nenets, and not the Forest Nenets language.

Mansi and Khanty words borrowed from Tundra Nenets may reflect the following archaic features of Nenets historical phonetics: final vowels (before reduction into $^{\circ}$); final consonants, changed into the glottal stop in modern Nenets; intervocalic *-m-*, changed into *-w-* in modern Nenets; final glide *-w*, disappeared in modern Nenets.

All words borrowed in Ob-Ugric languages from Nenets can be divided in two groups with respect to these parameters: some of them definitely preserve a more archaic state of Nenets phonetics, whereas others are phonetically much closer to modern Nenets words.

Another feature that allows to evaluate the relative age of borrowings is the labialization of vowels in Kazym Khanty and in Mansi: in earlier borrowings Nenets vowel *a* has changed in Kazym Khanty and Mansi into a labial vowel, whereas in later ones it has preserved its original quality.

Keywords: language contacts, lexical borrowings, Ob-Ugric languages, Nenets language

1. Введение

Вольфганг Штейниц [Steinitz 1959] выделил основной корпус лексических заимствований из ненецкого в обско-угорские языки: мансийский и хантыйский. Хорошо известно, что эти заимствования ограничиваются по преимуществу культурной и ландшафтной лексикой и распространены прежде всего в северных диалектах обоих обско-угорских идиомов. Кай Доннер [Donner 1927] в статье о возрасте обско-угорского оленеводства касается возможности датировать заимствования:

...заимствования дают нам несколько более точные данные о возрасте оленеводства. Некоторые относящиеся к этой сфере ненецкие заимствования с *ā, по крайней мере частично, представлены в мансийском с ā. Например, нен. (Лехтисало) hārt ‘самец, бык’ > манс. So. хōрт ‘кастрированный олень или конь’ и нен. (Лехтисало) pārkko ‘шуба’ > манс. So. pōḡḡā ‘шуба из легкой и тонкой оленьей шкуры’. Так как Каннисто показал, что, с одной стороны, в более новых заимствованиях ā сохраняется, а с другой — что прамансийский *ā в первом слоге сохранялся еще во второй половине XV века, можно предположить, что манси заимствовали наиболее ранние из относящихся к сфере оленеводства самодийских слов самое позднее — в данный период. Хантыйские заимствования ненецкого происхождения, насколько мне известно, не дают подобной хронологической привязки [Donner 1927: 119—120]. (Перевод мой. — А. У.)

В то же время анализ корпуса заимствований из ненецкого в обско-угорские языки показывает, что в ряде случаев в заимствованных словах сохраняются весьма архаичные черты ненецкой исторической фонетики. Предлагаемый ниже анализ корпуса заимствований позволяет произвести их хронологическую стратификацию по следующим параметрам:

- а) упомянутое выше двойное отражение нен. *a* (< ПС *ā). Как будет показано ниже, такая двойная рефлексия гласных в заимствованиях представлена не только в мансийском, но и в казымском диалекте хантыйского. Кроме того, это касается не только рефлексов ПС *ā, но и ПС *ä > нен. *a* и, возможно, ПС *a;
- б) отражение финальных гласных, в т. ч. узких ПС *i и *u, перешедших в нен. в °;
- в) отражение финального согласного (в современном ненецком перешедшего в гортанный смычный, так что исходный консонант проявляется только в формах склонения и в словообразовании);
- г) отражение интервокального *-m-* (в современном тундровом ненецком перешедшего в *-w-*);
- д) ? отражение финального глайда ПС *w, в современном тундровом ненецком перешедшего в 0.

Кроме того, анализ заимствований позволяет уточнить относительную хронологию исторических звуковых переходов в тундровом ненецком.

В статье слова тундрового ненецкого цитируются в фонологической транскрипции по [Salminen 1998], кроме того, для ненецких слов приводится материал из словаря [Lehtisalo 1956] как по тундровому, так и по лесному ненецкому, что позволяет оценить, какой из ненецких идиомов послужил источником заимствований. Данные обско-угорских языков приводятся в неизменном виде по [Steinitz 1959].

2. Двойная рефлексия нен. *a* < ПС *ā, ä, нен. *a* < ПС *a в мансийском и казымском диалекте хантыйского

Выше приводилась цитата из К. Доннера, указывавшего со ссылкой на А. Каннисто, что в мансийском в старых заимствованиях ненецкий *a* (обозначаемый им, вслед за Т. Лехтисало, как ā) отражается как *o*, тогда как в новых заимствованиях — сохраняется в неизменном виде. Анализ собранного В. Штейницем материала по ненецким заимствованиям в обско-угорских языках показывает, что этот параметр релевантен не только для мансийского языка, но и для казымского диалекта хантыйского (при этом в обдорском диалекте хантыйского нен. *a* всегда передается в неизменном виде). Ниже в разделе 2 данные из работы [Steinitz 1959] дополнены хантыйскими материалами по [Steinitz 1966] (в подавляющем большинстве случаев идентичными данным из [Steinitz 1959]) и мансийскими данными по [Kálmán, Munkácsi 1985]. Эти дополнения позволяют проверить, насколько справедливо сформулированное К. Доннером для мансийского (и распространенное в настоящей статье на казымский) правило о возможности датировать заимствования по двойной рефлексии ненецкого *a* (и, возможно, *a*)¹.

¹ При каждом заимствовании в 2.1 указывается, нет ли в [Steinitz 1966] или [Kálmán, Munkácsi 1985] данных, противоречащих правилу о двойной рефлексии; в 2.2 таких комментариев не приводятся, так как случаев *a*-обратной рефлексии нен. *a* в обско-угорских языках всего два (см. 2.2.2), и они не вполне надежны.

2.1. Слова с нен. а < ПС *â, *ä:

2.1.1. нен. а > манс. о, э, каз. хант. э

ПС *â

1. нен. *xabt*^о ‘кастрированный олень’ > Kaz *χэпти* || манс. LO *χōpt*, So *χῶpt***DEWOS** 534²Š *χэртэ* Kaz. *χэпти*, *χэпти* Sy. *χэпти* O *χэпти*; *χэпти*- ‘kastrieren’ Ahl *хэпти*;**КМ**³N *χāpt* ~ *χāpt* [χōpt], LM *khōptä* ~ *khāptä*;

L 172 b

Т. нен. O Sj. U U-Ts. MB⁴ *χāpt*;Л. нен. Lj. S Kis. Nj. *kāpt*.2. нен. *xabt*^о*rka* ‘бесплодная важенка, которую дрессируют для езды’ > Kaz. *хэптэрка* || манс. So *χῶptərka*, Syg. *χῶptərka***DEWOS** 534Kaz. *хэптэрка* O *хэптэр’ка* Ahl *хэпти*;**КМ**N *χāptərka* ~ *χāptərka* [χōptərka];Данные DEWOS и КМ не противоречат правилу о двоякой рефлексии (в частности, в КМ в квадратных скобках указано, что звук, записанный как *ā*, *ā̄*, реализуется как *o*)⁵.

L 173 a

Т. нен. OP *χābitərkkæ* K *χāpturkkæ* U-Ts. *χāptərkkæ*;Л. нен. S *kāptərki*, Nj. *kāptərki*.3. нен. *maly*^о*суа* ‘малица’ > Kaz. *мәл’си* [иногда: *мәләпси*] || манс. LO *mol’śaŋ*, So *māl’śaŋ***DEWOS** 930V *mələwsj* Trj. *mäləpsj* Ni. *mələpsa* J *mäləpsj* Kaz. *мәл’си* [иногда: *мәләпси*] Sy. *мәл’саŋ* O *mał’śaŋ*, *mał’śaŋ* Ahl *mol’saŋ*, *moljpsa*;**КМ**N *mol’säŋ* ~ *mol’säŋ* ~ *mōl’sēŋ* [mol’saŋ], LM *mol’sēŋ* ~ *māl’sēŋ*;Данные DEWOS и КМ не противоречат правилу о двоякой рефлексии (в частности, в КМ для всех диалектов мансийского зафиксирован вариант с *o*).

L 251 b

Т. нен. O T1 Sj. U *māl’sē*;

{L 280 a

Л. нен. Lj. S Ni. Nj. P *muŋ*}.4. нен. *nyada* ‘ягель’ > Kaz. *нэта***DEWOS** 534Kaz *нэта*, O *натá*, Ahl *нōта*, PB *нāта*;

Данные DEWOS не противоречат правилу о двоякой рефлексии.

L 310 b

Т. нен. O, OP *нāдэ* Sj. K U M *нāдāej*;Л. нен. Lj. Nj. *нāттэ*, P *нāттэ*.5. нен. *pan*^о ‘нижний край (например, нюка); подол одежды’ > Kaz *рәп***DEWOS** 1173Kaz. *рәп* Sy. *рәп* O *пан* Ahl *пон*;² Также в DEWOS отмечено V Vj *kəwtj* как заимствование из селькупского, ср. сельк. *kōptä* [SelkWb 1799].³ Мансийский цитируется по электронной версии словаря [Kálmán, Munkácsi 1985] на сайте проектов “Ob-Ugric languages” и “Ob-Ugric database” <http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=munka&subnavi=edictionary>.⁴ Расшифровку индексов, обозначающих места записи ненецких словарных материалов, см. в [Lehtisalo 1956: СП—CV].⁵ Следует также обратить внимание, что из *a*-образных рефлексов для мансийского по КМ в словах из 2.1.1 представлены только *ā*, а в словах из 2.1.2 — только *a*.

Данные DEWOS не противоречат правилу о двойкой рефлексии.

L 346 b

Т. нен. О Т Sj. М *pān*;

Л. нен. Lj. Nj. *pān*.

6. нен. *parka* ‘парка’ > Kaz. *pərça* || манс. LO *pōrça*, So *pōrça*

DEWOS 1210

Ni. Kaz. *pərça* Ahl *parça*, *porça*;

КМ

N *porçä*;

Данные DEWOS и КМ не противоречат правилу о двойкой рефлексии.

L 346 a

Т. нен. О Sj *pārkkp*;

Л. нен. —.

7. нен. *tati* ‘младшая жена (при многоженстве)’ > Kaz. *tōtti*

DEWOS 1487

Kaz. *tōtti*, О *tātti*;

Данные DEWOS не противоречат правилу о двойкой рефлексии.

L 478 a

Т. нен. О Sj. К U U-Ts. Sjo. *tāttī*;

Л. нен. Lj. *tīē²ttī* S Kis P *tē²ttī*.

ПС *ä

8. нен. *syaqmeu*^o ‘менструация’ > Kaz. *śom’ja* [современное ненецкое слово дополнительно оформлено атрибутивным суффиксом у^o, перед которым происходит перегласовка гласного, то есть *syaqmeu*^o < *syaqma*-у^o; очевидно, что источником заимствования послужила ненецкая форма без атрибутивного суффикса].

DEWOS 1517

Kaz *śom’ja*, О *śamma*;

Данные DEWOS не противоречат правилу о двойкой рефлексии.

L 428 b

Т. нен. О *śāmmài* Sj. *śa’’mài* Oks. *śā’’mäëi*;

Л. нен. Nj. *śěām’’m²i* Kis. *śām’’mī* P *śěām’’mäëi*.

2.1.2. нен. *a* > манс., хант. *a*

ПС *ä

9. нен. *ηaw^oka* ‘авка’ > хант. Kaz *awka* || манс. Syg *okka* (где *o-* < *aw-*);

DEWOS 232—233

Kaz *awka*, О *awka*;

КМ —;

Данные DEWOS не противоречат правилу о двойкой рефлексии.

L 14 b

Т. нен. О *àβk̄k̄v* OP *āβk̄k̄v^o* Sj. *ηàβk̄k̄v* U *āβk̄k̄v*;

Л. нен. —.

10. нен. *yamtuo* ‘украшение на оленьей упряжи (из кожи или крашеной замши)’ > (хант. Vol. Ethn. *янду*) || манс. N *jāmt’uw*, *jāmt’əw*

DEWOS 381

Vol. Ethn. *янду*;

КМ

N *jāmt’ew* ~ *jāmt’uw* ~ *jāmt’əw* [jāmt’uw];

Данные DEWOS и КМ не противоречат правилу о двойкой рефлексии.

L 98 a

Т. нен. О *jāmt’u* OP *jāmt’u* Sj. *jāmDui*;

Л. нен. Nj. *jěām’šiu* P *d’īm’šūttv* (Pl.3Sg) Lj. *jāmD’žiu*’’ (Pl).

11. нен. *mador* ‘группа, толпа, стадо, стая’ > Kaz.-St. *matər*

DEWOS 975

KazSt *matər*;

Данные DEWOS не противоречат правилу о дwoйкой рефлексии.

L 256 b

Т. нен. О *māḍōr* ‘‘густой лес; тесно сгрудившаяся толпа и т. п.’’

Л. нен. —.

12. нен. *panəd^oq* (Тер. *панд* ‘‘ < ḍ)) ‘нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)’ > манс. Syg. *pānti*

КМ —;

L 347 a

Т. нен. О Sj. *pānt* ‘‘;

Л. нен. Lj. *pāntat*^N Nj. *pāntat, pānat*.

13. нен. *sada* ‘лужа’ > манс. N Cern. *sata* ‘ложбинка, поросшая кустарником’

КМ —;

L 407 b

Т. нен. О T Sj. *sāḍv* OP M *sāḍæ* ‘лужа’;

Л. нен. S *χāttvḍ* ‘влажное, но не полное водой болото’, P *χāttæ* 1) ‘болотный мох (его сушат и измельчают, потом делают из него подстилку в люльке)’; 2) ‘небольшое поросшее мхом углубление, яма в трясине (может быть без воды)’.

14. нен. *waŋk^odi^o* ‘яловая важенка’ > хант. Vol. Ethn. *вангыда* || манс. N *vāŋkāti*

DEWOS 1612

Vol. Ethn. *вангыда*;

КМ

N *vāŋkāti*;

Данные DEWOS и КМ не противоречат правилу о дwoйкой рефлексии.

L 56 a

Т. нен. Oks. MB *βāŋgadī*;

Л. нен. S Nj. P *βankat*.

ПС *ä

15. нен. *suən^o* ‘две плоские костяшки, скрепленные ремнем на узде оленьей упряжки’ > хант. Kaz. *śaŋəw, -ŋw* || манс. N *śāneuw*, LO, So *śaniu*

DEWOS 1518—1519

О *śan*, Kaz. *śaŋəw, -ŋw* Vol. Ethn. *сянь* Vol H 113 *śaŋ*;

КМ

N *śāneuw* ~ *śaneuw* [śānuw]

Данные DEWOS и КМ не противоречат правилу о дwoйкой рефлексии.

L 429 b

Т. нен. О T Sj. M *śān*;

Л. нен. S *śān* Nj. P *śēān*.

16. нен. *syar* ‘кожа (под волосами)’ > Kaz. *śar*, O *śār* ‘верхний слой шкуры, удаляемый при обработке’

DEWOS 1530—1531 = **OstjWb** 915 b

Kaz. Sy. *śar* O *śār*;

Данные DEWOS не противоречат правилу о дwoйкой рефлексии.

L 427 a

Т. нен. OP *śēār* ‘‘ O Sj. *śār* ‘‘ ‘твердый внутренний слой шкуры, удаляемый при обработке’;

Л. нен. — только в значении ‘небесный свод’ в сочетаниях Kis *nūm śēār* ‘небесный свод’ Lj. *nūm śēār.rmnāj* ‘по небу’ (пролатив).

17. нен. *nyarawa* ‘медь, латунь’ (Т. Лехтисало приводит для говоров Nj, OP также значение ‘белый (о масти оленя, об оленьей шкуре)’ > манс. N *nāraw, nārāw, nāraw* ‘белый, серо-белый (об олене)’.

КМ

N *n̄araw* ~ *n̄araw* [n̄araw]

Данные КМ не противоречат правилу о двойной рефлексации.

L 304 b

Т. нен. О Sj. К N *n̄aràββ̄p̄*;

Л. нен. Nj. *n̄ar̄p̄mm̄p̄ä*.

Есть одно возможное заимствование, в котором нен. *a* соответствует Kaz. *õ* вместо ожидаемого Kaz. *ə*.

18. (отсутствует в [Steinitz 1959]) нен. *naroh* (*h < η*) '1) шкура, подстилаемая на ездовую нарту мужчины; 2) подставка; подстилка'. Ср. также «*ва''äv уылы нароуотавы б.-з. под постель подостлана подстилка (ненецкая постель состоит из оленьих шкур, расстилаемых на циновки из травы, под которыми лежат циновки из прутьев)*» [Терещенко 1965: 286a] > Ni., Kaz. *n̄õr̄z* 'постель', Kaz. *n̄õr̄i* 'приподнятое спальное место (в зимних чумах); нары для сна (в летних хижинах, не в берестяных чумах); спальное место в спальном углу, спальный угол; О *n̄õri* = Kaz, также **спальная циновка из травы**' [OstjWb: 591 a, b]. Впрочем, это слово ведет себя не вполне стандартно с точки зрения фонетических соответствий (нен. *a* соответствует Ni, Kaz *õ* вместо ожидаемого *ə*).

L 283 b (значение 'подстилка под постель' в ненецком, восстанавливаемое на основе производного глагола, фиксируется только в [Терещенко 1965])

Т. нен. О ОР *n̄arū''* U-Ts. *n̄arō''* Sj. К *n̄arò''*;

Л. нен. —.

2.2. Слова с нен. ə < ПС *ə:

2.2.1. нен. *ə* > манс. *o*, каз. хант. *õ*

19. (отсутствует в [Steinitz 1959]) *nyamsye-r-* ([Salminen 1998] ошиб. *nyamsye-r-*) 'успокоиться', *nyamsye-na-* ([Salminen 1998] ошиб. *nyamsye-na-*) 'находиться в состоянии покоя', *nyamsyer* ([Salminen 1998] ошиб. *nyamsye-r*) 'невозмутимый, хладнокровный (о человеке)' > Kaz. *n̄õm̄ša*, О *n̄õmsä*' [DEWOS 1055; OstjWb 622b].

L 297 b

Т. нен. О *n̄am̄š̄en̄āññv̄*;

Л. нен. Kis. *n̄am̄š̄š̄āñēš̄*, *n̄am̄š̄š̄ār̄c̄s̄* (Inf).

20. нен. *nyəb°lyuy°* 'неблюй (осенний теленок); телячья шкура, снятая примерно в сентябре, пригодная для малицы' > Ni. *n̄õp̄l̄əw*, Kaz. *n̄õp̄l̄əw*, -*l̄ūw* || манс. *n̄oplū*

DEWOS 1065

Ni. *n̄õp̄l̄əw* Kaz. *n̄õp̄l̄əw*, -*l̄ūw* О *n̄āp̄al̄əw* Ahl *nep̄l'u* Pap. (O) *nep̄l'u*;

КМ

N *n̄opluw* ~ *n̄oplu* ~ *n̄opluj* [n̄opluw] LM *nep̄lu*

L 310 a

Т. нен. О *n̄ābl'ùì* Sj. *n̄ēB'Γ'ùì* U *n̄āB'Γ'ùì* ОР *n̄ā'βl'u'j*;

Л. нен. S *n̄āmpl'u'j* P *n̄āpp̄^Alū'j*.

21. нен. *yədalabcy°h* 'скребок для выделки шкур' > хант. Kaz *jõtl̄əp̄ši* || манс. N *jotlap*

DEWOS 419

Kaz *jõtl̄əp̄ši* О *jätl̄əp̄si*, *jätalep̄sāñ* Sy. *jõtl̄əp̄sa* Sir.-Handarb. 63 (Kunov.) *jodl̄äpsä*, *jotlap̄sa*;

КМ

N *jotël* ~ *jotlap* ~ *jotl̄ep̄*;

L 85 b

Т. нен. О *jādēll̄ap̄is''* Sj. *jādēll̄ap̄is''* ОР *jādēll̄av̄is''*;

Л. нен. Nj. *jāt̄s̄ir̄c̄s̄š̄əp̄*.

22. нен. *nyəw°di°* 'теленка годовалой важеньки; внебрачный ребенок' > || Kaz. *n̄õwti* || манс. N *n̄outi*

DEWOS 1084

Kaz. *n̄õwti* О *n̄awti*

КМ

N *n̄outi* [n̄owt̄i]

L 293 b

Т. нен. О Sj. *háβδī* OP *háβδī*;Л. нен. Lj. Nj *hāmī* Kis. *hāmī* P *hāmī*.23. нен. *nəmna* ‘лоншак, олень-самец по второму году’ > Kaz *nōmna* || манс. Syg. *nomnə***DEWOS 1002**Kaz *nōmna* O *nomnə* Ahl *nomna* ‘важенка по второму году, которая еще не рожала’;**КМ** —;

L 281b

Т. нен. О Sj. U *hāmno* ‘самец домашнего оленя по второму году’;Л. нен. *hāmīōki* P *hāmīōki* ‘самец дикого оленя по второму году’.24. (отсутствует в [Steinitz 1959], но приведено в DEWOS) нен. *malk°* ‘комолый’ > Kaz. *mōlxa*,
O *mōlxi*.**DEWOS 929**Kaz. *mōlxa* Sy. *mōlxa*, *mōlax* O *mōlxi* Ahl *molke*

L 240 b

Т. нен. О T Sj. *malk*;Л. нен. Kis. *marək*.2.2.2. ? нен. *ə* > манс. *a*, каз. хант. *ǎ*25. нен. «*hātar*, в восточных говорах [тундрового диалекта] *hāttar* ‘белый олень, на шкуре которого очень много черных волосков’ [письменное сообщение Н. Терещенко, 1958]. Ненецкое слово отсутствует в словарях Лехтисало и Терещенко, но представлено в ненецких фольклорных текстах Кастрена (MSFOu 83; дружеское указание Т. Лехтисало, декабрь 1958)» [Steinitz 1959: 435] > Kaz. *hāttar*26. нен. *yəna* ‘тихий, спокойный, смирный (о человеке и животном)’ > хант. Vol. Ethn. *януу* || манс.
LO, So *jānwa***DEWOS 383****januw* (< Vol. Ethn. *януу*);

L 81a—b

Т. нен. О *janu* OP *jenə*°;Л. нен. Nj. *jenwōki*.

Но, возможно, данное обско-угорское слово связано с другой — глагольной — ненецкой основой ‘опаздывать, медлить (в том числе при ходьбе или работе)’; по крайней мере для л. нен. зафиксированы примеры, где этим глаголом характеризуется ленивый ездовой олень:

L 99 b

Т. нен. О Sj. *jāññō-tś* (Inf);Л. нен. Nj. *jāññoo-s* (Inf), *jāñnu*°’*ypə* (s3Sg).Фонетически этот вариант кажется более подходящим источником для заимствования, ср. более надежную фиксацию манс. *jānwa*, где в первом слоге представлен долгий *ā*. Остается вопрос, могла ли нен. форма аориста s.3Sg типа *yanoqə* дать хант. *януу*, манс. *jānwa*. Но, возможно, более архаичными являются ненецкие аористы, характерные для основ этого типа в большеземельском говоре: там возможен аорист типа *yanoq°* (вероятно, до перехода нен. *ə* > нен. ° — *yanoqə*), который представляется фонетически более близким мансийской и хантыйской форме. Если это так, то в разделе 2.2.2 фактически не остается (кроме п. 25, где слово недостаточно хорошо зафиксировано для ненецкого) надежных примеров перехода нен. *ə* > манс. *a*, каз. хант. *ǎ*. В этом случае можно предполагать, что нен. *ə* в обско-угорских языках всегда дает манс. *o*, каз. хант. *ǎ*.В разделе 2 был рассмотрен параметр, отражающий историческую фонетику северных обско-угорских идиомов (нен. *a* и, возможно, *ə* в более ранних заимствованиях подвергся лабиализации, как и соответствующие гласные северных обско-угорских идиомов, но в более поздних заимствованиях остался неизменным, так как соответствующий фонетический переход уже не действовал в период заимствования этих слов в обско-угорские). В следующих нескольких разделах будут рассмотрены параметры, отражающие различные стадии звуковых переходов, характерных для развития ненецкого языка.

3. Отражение гласных, перешедших в нен. в °

В современном тундровом ненецком *ə* в непервых слогах (прежде всего в ауслaute) перешел в редуцированный гласный, обозначаемый в транскрипции Т. Салминена как °. Редукции в непервых слогах подвергались как минимум следующие гласные: ПС **a*, **u*, **i*, **e* (вероятно, через стадию ПС **V* > нен. *a* > нен. °). В ряде случаев в примерах ниже ПС финальный гласный может быть восстановлен по соответствиям в других языках, нганасанском и энецком; при отсутствии таких внешних параллелей к ненецкому слову (или в тех случаях, когда общий корень оформлен в разных северносамодийских языках разными суффиксами) это невозможно. Ниже приводятся два списка слов: первым — список, в котором обско-угорские заимствования из ненецкого отражают более раннюю стадию ненецкого вокализма, то есть ненецкий гласный непервых слогов до перехода в °, вторым — список более поздних заимствований, где в обско-угорских как ноль звука отражен уже ненецкий °.

3.1. Сохранение нен. **V* в мансийском и хантыйском

27. нен. *yaŋk*° ‘горелое место в кустарнике или в лесу’ > О *jāŋki* [северносамодийских параллелей слово не имеет]

L 99 b

Т. нен. О *jāŋG* ОР *jāŋk*°;

Л. нен. Nj. *jěāŋk*°.

28. нен. *yoŋk*° ‘часть шеи у основания черепа’ > О *joŋki* ‘верхний позвонок оленя’ [северносамодийских параллелей слово не имеет]

L 138 b

Т. нен. О *jōŋG* ОР *jōŋk*°;

Л. нен. Kis. *jōŋk*.

29. нен. *nyelək*° ‘икра ноги’ > О *neləki* [внешних северносамодийских параллелей слово не имеет]

L 314 a

Т. нен. О *ñēllak* ОР *ñiēlla.k*°, Sj. K U-Ts. *ñēlk*;

Л. нен. Nj. *ñiēr*° P Kis. *ñièl*.

30. нен. *lyiw*°-*ko* (с диминутивным суффиксом *-ko*) ‘собака с длинной пушистой шерстью’ > Ni. *lipə* *amp*, Kaz *lipi amp* || манс. LO *l'ipi*, So *lipi* [северносамодийских параллелей слово не имеет]

L 235 a

Т. нен. ОР *l'ip^βkku* M MB *libko* Oks. *lībakko*;

Л. нен. —.

Возможно, следует предположить, что для нен. будет верной запись *lyib*°-*ko* (которой не противоречат приведенные Лехтисало диалектные варианты) — в том числе потому, что нен. *-w-* не отражается как об.-уг. *-p-*.

31. нен. *nyirəd*° ‘передний отросток оленьего рога’ > О *ńirti* [эн. *ńirodo*]

L 324 b

Т. нен. О *nirδ* Sj. *nīred* K U-Ts *nirδ*;

Л. нен. Lj. Nj. *ńirrat*.

32. нен. *xabt*° ‘кастрированный олень’ > Kaz *xəpti*, О *xapti* || манс. LO *xōpt*, So *xōpt* (по мансийскому словарю КМ также N *xāpt* ~ *xāpt* [xōpt] LM *khōptū* ~ *khāptū*) [в других северносамодийских языках основа осложнена аугментативным суффиксом: эн. *kate?o*, нг. *kobta?a*, что не позволяет однозначно реконструировать финальный гласный]

L 173 a

Т. нен. О Sj. U U-Ts. MB *xāpt*;

Л. нен. Lj. S Kis. Nj. *kāpt*.

33. *paŋk*° ‘1) колода (для рубки мяса, дров и т. п.); 2) обрубок, подкладываемый под лодку или нарту (чтобы закрепить их на месте); 3) наковальня’ > О *paŋki* ‘деревянный фундамент дома’ [эн. *paŋo*]

L 347 b — 348 a

Т. нен. О Sj. Sjo. *pāŋk* K U-Ts. *pāŋG^β*;

Л. нен. —.

34. нен. *pyasyik*^o ‘деревянная или костяная застежка на упряжи’ > О *pásəki* [северносамодийских параллелей слово не имеет]

L 374 a

Т. нен. ОР *pášši* ·k̄ T *pāššik* M *p^eāššik*;

Л. нен. S *pīšši*, Kis. *pīšši*, Nj. *pīšši*, P *pīššij*.

35. нен. *sarmyik*^o ‘костяной блок для аркана’ > О *šprməki* < косточка на лассо [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет]

L 405 a

Т. нен. Оks *sarmik* O *sàrmik* Sj. *sarmik* (= общетундровоненецкое ‘волк’);

Л. нен. — (основа не зафиксирована ни в специальном значении детали аркана, ни в основном для тундрового ненецкого значения ‘волк’).

36. нен. *nyidək*^o ‘хрящ (на конце ребер)’ > О *nitəki* ‘нижнее ребро’ [северносамодийских параллелей слово не имеет]

L 328 a

Т. нен. ОР *nīda* ·k̄ M *nīdæk*;

Л. нен. Nj. *nīttpr*·r̄j P *nīt* ·l̄j ‘реберный хрящ’; Nj. *nīt mār* ‘конец реберного хряща’.

37. нен. *panəd^oq* (*q* < *d*) ‘нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)’ > манс. Syg. *pānti* [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет]

L 347 a

Т. нен. О Sj. *pānt*’;

Л. нен. Lj. *pāntat*^N Nj. *pāntat*, *pānat*.

38. нен. *salm*^o ‘гладкая, зеркальная поверхность чего-либо; место на воде, которое во время массового хода рыбы словно покрыто жиром; «салмы» (места, где можно ловить неводом рыбу, стоя глубоко в воде)’ > О *salmi* ‘в дельте Оби — располагающиеся между рукавами песчаные отмели, где ловят рыбу неводом’ [северносамодийских параллелей слово не имеет]

L 404 a

Т. нен. О ОР Sj. *sā*·tm T *sātm*;

Л. нен. —⁶.

39. (отсутствует в [Steinitz 1959], но приведено в DEWOS) нен. *malk*^o ‘комоль’ > Kaz. *mōlqa*, О *mvlji* [эн. *togo*, нг. *malkə*]

L 240 b

Т. нен. О Т Sj. *malk*;

Л. нен. Kis. *marək*.

В следующих четырех примерах представлен гласный, соответствующий ненецкому *ya* < ПС **e* (до перехода его в нен. ^o, и если предполагать, что в нен. этот переход происходил через промежуточную стадию **V* > ə, — то и до реализации этого перехода). Во всех этих примерах представлен суффикс, производящий отглагольные имена с инструментальным значением ПС **p_{sen}* > нен. *-bcy^oh*, эн. *-t'e?*, нг. *-BSAN*:

40. нен. *yədalabcy^oh* ‘скребок для выделки шкур’ > О *jvtalepšəj* ~ *jvtləpši*, Kaz *jōtləpši* || манс. N *jotlap* [эн. *d'odolet'e?*]⁷

⁶ Возможно, эта основа связана с глаголом ‘быть гладким’:

L 403 b

Т. нен. О *sāllā* ‘выравнивать’ О Т *sāllaptā* ‘выравнивать’; О *sāllamís* ‘быть гладким’; О U Sjo *sālmūi* ‘гладкий’;

Л. нен. Lj. *χīlliptās* ‘выравнивать’; Kis. *χīl'li'imeš* ‘быть гладким’; Nj. *χīlmuj* P *χīlmūj* ‘гладкий’; Kis *χaləknič* Lj. *χaləknič* Nj. *χaləknič* ‘является гладким’.

⁷ В энецком это слово представлено только в лесном идиоме и, вероятно, является заимствованием из ненецкого, так как соответствующая глагольная основа в энецком выглядит как *d'odur-* ‘выделывать шкуру скребком’, и существительное с инструментальным суффиксом, производное от этой основы, имело бы в энецком вид **d'odud'e?*.

Любопытно, что это слово представлено в диалектах хантыйского в двух вариантах: более архаичном *O jntalepsaŋ*, с сохранением качества нередуцированного финального ненецкого гласного *a* (и одновременно сохранением финального согласного), и более близком к современному состоянию *O jntlapši*, *Kaz jōŋlapši*, где хант. *i* отражает нен. *ə*, но не *°* (что доказывает, что переход финальных гласных в *°* в ненецком действительно проходил через промежуточную стадию *ə*), и одновременно — без финального согласного, который в современном ненецком представлен в виде гортанной смычки.

L 85 b

Т. нен. *O jāðēllapís*'' Sj. *jāðēllapís*'' OP *jāðēllaBís*'';

Л. нен. Nj. *jātsīrčsšəp*.

41. нен. *yadəbcy^oh* ‘посох’ > *O jātəpsaŋ* [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет]

L 104 b

Т. нен. *O OP jāðavís*'' Sj. *jāðapís*'';

Л. нен. —.

42. нен. *xawocy^oh* ‘место, где находится ухо’ (*xawocy^oh* < *xawoq-* ‘иметь уши’ + *-bcy^oh* ‘NInstr’) > *O xawətsáŋ* ‘метка на ухе’ [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет]

L 163 b

Т. нен. *O U-Ts. xāββōts*'' Т *xāββats*'' Sj. *K xāββōts*'';

Л. нен. Nj. *kaββūsšəp* P *kāββūsšəŋ*.

43. нен. *nyencərcy^oh* ‘деревянный блок или металлическое кольцо, к которому прикрепляются постромки в оленьей упряжке’ > *O hentər'sáŋ* [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет]⁸

L 319 b

Т. нен. *O nēn.tsarís*'' OP *niensar'ís*'' Т *nēntarís*'' , *nēnsar'ís*'' Sj. *nēnsarís*'';

Л. нен. —.

3.2. В заимствовании отражен нен. редуцированный гласный *°*

44. нен. *pan^o* ‘нижний край (например, нюка); подол одежды’ > *Kaz pən*, *O pan* [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет, будучи дополнительно осложненной атрибутивным суффиксом ПС *-jə: эн. *padi*, нг. *хонтəə* < ПС **pāntəjə*]

L 346 b

Т. нен. *O T Sj. M pān*;

Л. нен. Lj. Nj. *pān*.

45. нен. *syoyər^oq* (*q < d*) ‘дуга (в том числе люльки)’ > *O sojar* ‘дуга над люлькой, на которую накидывается платок’ [северносамодийских параллелей слово не имеет]

L 450 b

Т. нен. *O sōjjer*'' OP T Sj. *sōjjer*'' U-Ts. *nūβun_ðzōjjer*;

L 433 b

Л. нен. Nj. *šičβ''βar*'' Kis. *šēβ''βar*'' P *šič''βal*''.

46. нен. *syor^o* ‘самое глубокое место в море (которое мыслится как бездонное), в словаре Лехтисало — глубокое место’ > *O sōr* ‘русло ручья, реки’ [северносамодийских параллелей слово не имеет]

L 451 a

Т. нен. OP *sōr*;

Л. нен. Nj. *sōr*'' P *sola* (имеет более общее значение: ‘глубокое место; середина (зимы), сердцевина дерева’).

⁸ В словах, представленных в 32, 39, 40—43 перед последним гласным стоит сочетание двух негоморганных согласных. Такой кластер на конце слова в хантыйском невозможен, но при отпадении финального гласного они, вероятно, могли бы быть адаптированы при помощи эпентетического *ə*, как в 51 *šeləw*.

47. нен. *хоу*^о ‘1) гора, хребет, холм; 2) *чаще вост.* тундра’ > О *χοj* ‘тундра’ [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет, будучи дополнительно осложненной атрибутивным суффиксом ПС *-jə: т. эн. *kuoo*, л. эн. *koju* < ПС **kojə-jə*]

L 189 b

Т. нен. О Sjo. *χòì* T Sj. K U Oks. MB *χōj*;

Л. нен. Nj. S *kōj*.

48. нен. *malyik*^о ‘верхушка (веточки, кустарника)’ > O-St. *malik* ‘холм с высокой травой’ [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет]

49. нен. *nyulək*^о ‘мягкий’ > Ni *nūlak*, Kaz. *nūlak* пух [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет]

L 331 b

Т. нен. О Sj. U *nūllak*;

Л. нен. Lj. *nūll^aəkkū* Nj. Kis. *nūlləkku*.

50. нен. *læk*^о ‘ленивый’ > O-St. *lēk* [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет, будучи дополнительно осложненной атрибутивным суффиксом ПС *-jə: т. эн. *likoo* < ПС **IVjCkə-jə*].

L 224 a

Т. нен. О *lēk* T P *lēkk*, *lǎè.k^k* T N P *lēk* Sj. P *lēk* K U-Ts Sjo *læk*;

Л. нен. Nj. *rǎè^ok*, Kis. *rǎè^oktas^o* ‘быть ленивым’ Lj. *rǎè^oktjē* ‘он ленив’.

51. нен. *syelw*^о ‘запекшаяся кровь’ > О *śeləw* [нг. и эн. соответствия не вполне однозначно определяют финальный гласный: эн. *semo* указывает на *ə, нг. *c'el'bu* — на *i*]

L 436 b

Т. нен. OP *śəl.β^o*;

Л. нен. Nj. P *śìlβ*.

52. (отсутствует в [Steinitz 1959]) нен. *xuŋkər*^о ‘выемка между ягодицами (у человека)’ > Kaz *χòŋg'ar-ʔ'*: *šǎš* χ. ‘на крупе идущее от спины вниз углубление, выемка в крестце (и спине) лошади’ [OstjWb 296a] [точных поморфемных соответствий эта ненецкая основа в других северносамодийских языках не имеет]

В. Штейниц [DEWOS 527] предполагает противоположное направление заимствования и сопоставляет хантыйское слово с нен. *xuŋkər*^о ‘рукав реки’.

53. (отсутствует в [Steinitz 1959]) нен. “neT ? (C) *nyl'u* Saft, (komp.) *ho-nyl'u* ‘Birkensaft’, vgl. (C) *ho-ŷly* id. neW (L) Lj. *nīl'l'v*” [Janhunen 1977: 27] > О *nel* ‘сок растений’, *hēlā* η ‘сочный (о дереве)’ [соответствий в других северносамодийских языках нет]

Рассмотрение этого корпуса соответствий показывает, что отпадение финального гласного в ненецком должно было происходить в несколько этапов. А именно, как можно видеть, есть примеры достаточно старых заимствований (характеризующихся переходом нен. *a* в огубленный гласный обско-угорских языков) как с отсутствующим финальным гласным (39 Kaz *pən*, О *pan*), так и с сохранившимся (28 Kaz *χəpti*, О *χəpti*); что касается многочисленных заимствований, которые представлены в обдорском диалекте хантыйского (где лабиализации гласного не происходило), они распределяются по двум группам следующим образом: слова с одиночным смычным перед финальным гласным могут попадать в обе группы, то есть в них может отражаться и редуцированный, и нередуцированный финальный гласный (что, вероятно, говорит о разном времени заимствований), слова с кластером из двух смычных перед финальным гласным все представлены в группе с нередуцированным финальным гласным. Учитывая, что по тому же принципу распределены и «старые» казымские заимствования (*pən* с одиночным согласным и редуцированным гласным, *χəpti* с кластером из двух смычных и нередуцированным гласным), можно предположить, что в ненецком процесс редукции финальных гласных начался с фонетически «легких» основ, где финальный гласный следовал за одиночным согласным, и лишь позже распространился на основы с кластером из двух смычных перед финальным гласным⁹.

⁹ Следует отметить, что наличие в обдорском диалекте форм типа *joŋki* ‘верхний позвонок оленя’ с вокалическим аусласутом не обосновано требованиями хантыйской фонотактики, ср. О *peŋ* ‘к’ ‘зуб’.

4. Отражение ненецких финальных согласных

Прасамодийские финальные согласные в современном ненецком (как и в других северносамодийских языках) представлены гортанным смычным (*myaq* ‘чум’ < ПС **mät*). Этимологический финальный согласный проявляется только в следующих формах: номинатив мн. ч. (*myad^oq*), аккузатив мн. ч. (*myado*), генитив мн. ч. (*myadoq*) и пролатив мн. ч. (*myadoqməna*). Детальную информацию об именных основах в ненецком словоизменении можно найти в [Salminen 1997].

Интересным образом, в обско-угорских языках представлен ряд заимствований из ненецкого, отражающих исконный, «прасамодийский» финальный согласный основы, а также несколько существительных, где финальный согласный не представлен (что в данном случае я трактую как отражение финального гортанного смычного).

4.1. В заимствовании отражен «этимологический» финальный согласный

54. нен. *ηútoq* (*q < s*) ‘нарта без настила для перевозки шестов от чума’ > манс. LO *ūtūus*
L 45 b

Т. нен. О *ηúttū* ‘‘ OP *ηúttū* ‘‘ Sj. *ηúttō* ‘‘ К *ηúttō* ‘‘ U *úttū* ‘‘;
Л. нен. S *ηú²ttū* ‘‘ Nj. *ηú²ttū* ‘‘ Kis. *ηú²ttūs* P *ηú²ttū* ‘‘.

55. нен. *уəηoq* ‘слой’ (*q < s*) > О *javηos*
L 82 a

Т. нен. О Sj. *jàηηō* ‘‘ OP *jěηηū* ‘‘;
Л. нен. Nj. *jàηηū* P *d'āηηū*, *d'āηηū* ‘‘.

56. нен. *xərmuq* ~ *xərmiq* (*q < t*) ‘изгиб (полоза нарты)’ > О *χarmet*, *χərmet*
L 152 b

Т. нен. О Sj. К U-Ts. *χarmī* ‘‘ OP *χarmī* ‘‘;
Л. нен. Nj. *kjrmīt*, *kjrmī* ‘‘ P *kəlmāī* ‘‘.

57. нен. *xareh* (*h < η*) ‘торос’ > О *χareη*

58. нен. *tincyah* (*h < η*) ‘аркан для ловли оленей’ > Kaz. *tĩńsaη* || манс. N *tĩńsaη*, LO *tińsaη*
L 488 a

Т. нен. О *tjñ.ĩse* ‘‘ OP *tjñse* ‘‘ Т *tjñte* ‘‘ Sj. *tjñ.ĩse* ‘‘ К *tjñ.đzē* ‘‘ U-Ts. *tjñze* ‘‘;
Л. нен. S Nj. *tjñśśəp* P *tjñśśəp*.

59. нен. *túcyah* (*h < η*) ‘женская сумочка для швейных принадлежностей (из оленьей шкуры или цветного сукна)’ > Kaz. *tũśsaη*, О *tũśsaη*, *tũśsaη* || манс. LO, So *tũśsaη*, *tuśaη*

L 499 b
Т. нен. О Sj. *tū.ĩse* ‘‘;
Л. нен. S Nj. *tuśśəp* P *tuśśəp*.

60. *tawiq* (*q < s*) ‘нганасан’ > О *tāus*
L 459 b

Т. нен. О *tāββī* ‘‘ Sj. *tāββī* ‘‘ Т *taββu* ‘‘;
Л. нен. S *tāīββīs*.

61—64. Сохранение «этимологического» финального согласного демонстрируют также четыре слова с инструментальным суффиксом ПС *-*psen* > нен. *-bcy^oh*, см. пп. 40—43.

Интересно также заимствованное название малицы:

65. нен. *mal^ycyā* ‘малица’ > Kaz. *məl'śi* [иногда: *mələpsī*¹⁰] || манс. LO *mol'śaη*, So *məl'śaη*
L 251b

Т. нен. О T1 Sj. U *mālśe*;

¹⁰ Фонетически близки именно к этому варианту, представленному в казымском диалекте, также V *mələwsj* Тг. *māləpsj* Nj. *mələpsj* A *māləpsj*. Все они, вероятно, заимствованы из казымского, иначе не удастся объяснить лабиализованный гласный первого слога.

{L 280a

Л. нен. Lj. S Ni. Nj. P *muj* }.

Если свести воедино хантыйские варианты типа Kaz. *məlapši* и манс. LO *mol' 'śaŋ*, So *māl' 'śaŋ*, можно предположить исходную форму нен. **mal(y)Vbcy^oh* (с инструментальным суффиксом, как в 40—43) или, скорее, учитывая финальный гласный, нен. **mal(y)Vbcyah* с инструментальным суффиксом, как в 52 и 53. В этом случае, вероятно, можно предположить, что в ненецком эта форма стянулась из-за высокой употребительности слова, исходно же она выглядит как отглагольное образование от основы нен. **malyV-*. Такой глагольной основы с подходящей семантикой не зафиксировано ни в словаре [Lehtisalo 1956], ни в словаре [Терещенко 1965], однако привлекательной выглядит возможность связать эту гипотетическую глагольную основу со словом *mal^o* '1) конец; 2) закрытый, цельный, сплошной, замкнутый со всех сторон' во втором его значении¹¹. Учитывая покрой малицы (ее особенностью является то, что это так называемая глухая одежда, не имеющая разреза, см. [Хомич 1966: 116]), такое семантическое сопоставление представляется вполне оправданным. В этом случае инструментальное имя означало бы приблизительно 'то, при помощи чего делают закрытым, цельным, сплошным, замкнутым со всех сторон'. В. Ю. Гусев также указал мне на фонетически точное соответствие нен. слова в нганасанском: *məl'übśa*, род. п. *məl'übśanə* 'мотня, мешок невода'. Это соответствие, с одной стороны, поддерживает семантическую связь названия этого типа одежды с мешкообразным, глухим, закрытым объектом, с другой — подтверждает, что исходно в этом слове действительно представлен инструментальный суффикс, финальный согласный которого отражен в словах обско-угорских языков. С опорой на данные ненецкого и нганасанского можно предложить гипотетическую ненецкую праформу **maly^obcyah* < ПС **mälüpsen*.

4.2. В заимствовании отражен гортанный смычный

66. нен. *nyedyecy^oh* 'передняя поперечная переключина нарты, ручных санок (между передними концами)' > манс. Syg. *ñēśa* (в словаре [Kálmán, Munkácsi 1985] *nøššäp: śun-*nøššäp* 'Stange, die den Oberteil des Schlittens mit dem Vorderteil der Kufen verbindet'.)

L 328 a

Т. нен. О *ñid' ēś*'' OP *ñied' ēś*'';

Л. нен. Nj. *ñi. śiś' śśəp* P *ñi. śiś' śśəŋ*.

67. нен. *panəd^oq* (*q < d*) 'нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)' > манс. Syg. *pānti*

L 347 a

Т. нен. О Sj. *pānt*'';

Л. нен. Lj. *pāntat^N* Nj. *pāntat, pānat*.

68. нен. *syoyər^oq* (*q < d*) 'дуга (в т. ч. люльки)' > О *śojar* 'дуга над люлькой, на которую накидывается платок'

L 450 b

Т. нен. О *śōjjer*'' OP T Sj. *śōjjer*'' U-Ts. *nūβun_đzōjjer*;

L 433 b

Л. нен. Nj. *śièβ''βar*'' Kis. *śēβ''βar* 'P *śiè''βal*''.

69. (отсутствует в [Steinitz 1959]) нен. *naroh* (*h < ŋ*) '1) шкура, подстилаемая на ездовую нарту мужчины; 2) подставка; подстилка'. Ср. также «*ва''āv уылы нароуотавы* б.-з. под постель подостлана подстилка (ненецкая постель состоит из оленьих шкур, расстилаемых на циновки из травы, под которыми лежат циновки из прутьев)» [Терещенко 1965: 286a] > Ni., Kaz. *nōrz* 'постель', Kaz. *nōrī* 'приподнятое спальное место (в зимних чумах); нары для сна (в летних хижинах, не в берестяных чумах); спальное место в спальном углу, спальный угол; О *nvri* = Kaz, также спальная циновка из травы' [OstjWb 591a,b]. Впрочем, это слово ведет себя не вполне стандартно с точки зрения фонетических соответствий (нен. *a* соответствует Ni, Kaz *ō* вместо ожидаемого *ə*).

L 283 b (значение 'подстилка под постель' в ненецком, восстанавливаемое на основе производного глагола, фиксируется только в [Терещенко 1965])

Т. нен. О OP *nārū*'' U-Ts. *nāro*'' Sj. K *nārò*'';

Л. нен. —.

¹¹ Н. М. Терещенко дает значения 1) и 2) как два разных словарных входа, однако Т. Салминен [Salminen 1998] объединяет их; я также считаю, что в данном случае правильно говорить о полисемичном слове.

Таким образом, очевидно, что случаи сохранения в обско-угорских словах финального согласного основы, в современном ненецком перешедшего в гортанный смычный, значительно превосходят по количеству те заимствования, в которых отсутствие финального согласного отражает ненецкий гортанный смычный (двенадцать против четырех или трех), что свидетельствует о том, что заимствования с отражением этимологического прасамодийского финального согласного в обско-угорских языках не являются случайными, и о том, что эти слова были заимствованы достаточно давно.

5. Отражение интервокального *-m-*

В современном тундровом ненецком (в отличие от лесного) в интервокальном положении произошел переход *m > w*. В обско-угорских языках представлено семь заимствований из ненецкого соответствующей фонетической структуры; в первом случае сохранен интервокальный *-m-*, в остальных отражен ненецкий *-w-*.

70. нен. *syobyua* (нен. *by* < нен. **wy*) ‘капюшон (малицы или совика)’ > Kaz *śoma*, O *śomā*, *śopā* || манс. N *śuma* [Kálmán, Munkácsi 1985]

L 452 a

Т. нен. O *śōbē* T *śōbe* Sj. *śōbe* N *śōjja*;

Л. нен. Lj. Nj *śōm̄m̄ap̄*.

71. нен. *xæwa* ‘костный мозг’ > O *χewa*

L 179 a

Т. нен. O Sj. K U-Ts. OP *χǎ̀ββ̄v̄*;

Л. нен. Nj *kǎ̀mm̄att̄w̄* (3Sg).

72. нен. *syel°wi°* > O. *śelwi*, *-wi* ‘неразветвленный олений рог’ [DEWOS 1508—1509; OstjWb 909a]

L 436 b

Т. нен. Sjo. O Sj. K U-Ts. *śēlβ̄j̄*;

Л. нен. Kis. *śēlm̄j̄* Nj. *śj̄erm̄j̄*.

73. нен. *nyarawa* ‘медь, латунь’ (Т. Лехтисало приводит для говоров Nj, OP также значение ‘белый (о масти оленя, об оленьей шкуре)’ > манс. N *nāraw*, *nārāw*, *naraw* ‘белый, серо-белый (об олене)’.

L 304 b

Т. нен. O Sj. K N *nārāββ̄v̄*;

Л. нен. Nj. *nā̀r̄m̄m̄p̄*.

74. нен. *nyəw°di°* ‘теленоч годовалой важенки; внебрачный ребенок’ > Kaz. *nōwti* || манс. N *nouti*

L 293 b

Т. нен. O Sj. *nā̀β̄δ̄j̄* OP *nā̀β̄δ̄j̄*;

Л. нен. Lj. Nj *nām̄t̄j̄*, Kis. *nām̄t̄j̄* P *nām̄t̄j̄*.

75. нен. *syani°*, *syaniw°*, *syaniw°* > O *sān-waj* ‘насекомое, мучающее оленей, откладывая яйца в их нос’ [DEWOS 1519], OstjWb *sā`n̄aj̄* (O)

L 430 a

Т. нен. O *sā̄nn̄u* OP *sā̄nn̄u* Sj. K *sā̄nn̄òβ* U-Ts. *sā̄nn̄ùβ* M *sā̄nn̄ūβ*;

Л. нен. S *sā̄n̄nam* Nj. P *sē̄ā̄n̄nam*.

76. нен. *yuqtu°*, *yuqtuw°* ‘связка сушеной рыбы’ > хант. Ahl *juttu*

L 429 b

Т. нен. O *jūt̄t̄ū* OP *jūt̄t̄ū* T *jīt̄t̄ū* Sj. *jūt̄t̄ūβ*;

Л. нен. Lj. *d'ūc̄ttām̄* P *d'ūc̄tt̄ā̄m̄*.

Впрочем, нельзя, конечно, исключать и того, что источником заимствования в 70 могло послужить слово не из тундрового, а из лесного ненецкого, что объяснило бы *m* в первом случае. Однако в целом фонетический облик заимствований, рассмотренных в данной статье, последовательно указывает на заимствование лексики именно из тундрового, а не из лесного ненецкого.

6. Сохранение финального ПС *w

В [Гусев 2008] показано, что в нганасанском и маторском сохранились реликты еще одного финального согласного, который по своему морфонологическому поведению близок к глайду *j*, но отличается от его рефлексов, что приводит к выводу о возможности интерпретировать этот ауслатный консонант как другой глайд — ПС *w. О реконструкции этого глайда в глагольных деривационных суффиксах см. [Гусев 2010].

Возможно, что этот финальный глайд находит свое отражение и в заимствованиях из ненецкого в обско-угорские языки. В всяком случае, слова, заканчивающиеся в современном ненецком на *-o*, достаточно систематически отражаются в обско-угорских с финальным *-Iw*. Прежде чем перейти к рассмотрению таких заимствований, необходим небольшой экскурс в историческую фонетику ненецкого языка.

6.1. Экскурс: об истории ПС *w в северносамодийских языках

Слова, заимствованные в обско-угорские языки с финальным *-Iw*, соответствуют современным ненецким словам с *-o* в ауслате. Проблема в том, что только на основании ненецкого материала невозможно определить, был ли в слове финальный ПС *w: как уже говорилось, реликты этого звука сохранились только в нганасанском и в маторском. В группе ненецких слов, заимствованных в обско-угорские языки с финальным *w, нет таких, которые имеют нганасанские соответствия, подтверждающие наличие ПС *w. Поэтому единственная возможность — посмотреть на то, какие самодийские соответствия имеют другие ненецкие основы с ауслатом на *-o*. Во-первых, это позволит понять, насколько систематически в группе *-o*-основ представлены прасамодийские *-w*-основы, во-вторых, позволит понять, нет ли, например (при отсутствии нганасанских коррелятов), специфических ненецко-энецких звуковых соответствий, которые также могли бы указывать на прасамодийскую *-w*-основу. В целом в ненецком не так много непроемных основ (либо деривационных суффиксов) с финальным *-o*. Ниже рассматриваются те из них, которые имеют параллели в других северно-самодийских языках.

6.1.1. Наиболее надежно *-w*-основы в северносамодийских языках восстанавливаются для стивно-декаузативных производных глаголов (типа нг. *kou^C* — ‘остаться’ от *kou-* ‘оставить’), см. [Гусев 2010], так как во всех северносамодийских языках эти производные глаголы сохранили определенные морфонологические особенности, указывающие на наличие финального глайда, о чем см. [Guszev, Urmancsijeva 2018].

Ниже приводятся несколько таких глаголов, иллюстрирующих ряды возможных соответствий (в том числе соответствий финальных гласных основы, что в ряде случаев при разборе других примеров позволит реконструировать финальный глайд при отсутствии нганасанских параллелей — на основании ненецко-энецких соответствий ауслатных гласных):

нен. *ŋamtyo* — ‘сидеть’, т. эн. *adu-*, л. эн. *adi-*, нг. *uomty^C*;
 нен. *wabtyo* — ‘быть опрокинутым’, эн. *bati-*, нг. *bābtya^C*;
 нен. *wadyo* — ‘вырасти’, эн. *bađe-*, нг. *bāzua^C*.

6.1.2. Нганасанские соответствия¹² позволяют надежно реконструировать финальный глайд также в следующих существительных, имеющих в ненецком в ауслате *-o*:

нен. *uābto* — ‘гусь’, эн. *d’otu*, нг. *d’ābtu^C* (ср. в записи Кастрена *jabtun* — так систематически отражается финальный *w в его записях);

нен. *kasu* — ‘плата шаману’, эн. *kasu*, нг. *kod’ū^C* (слабая ступень второго согласного корня, *d’*, показывает, что этот слог является этимологически закрытым, что подтверждает наличие финального глайда);

нен. *tato* — ‘искра’, эн. *tatu*, нг. *tomy^C* (наличие финального глайда показывает, например, форма компаратива *tomylāgu?* ‘как искры’: алломорф компаративного суффикса с *-l-* выступает после консонантной основы);

нен. *taro* — ‘польза, толк’, эн. *taru*, нг. *topy^C*;

нен. *sājo* — ‘взгляд’, эн. *sōb* [с ассимиляцией финального *u > b* под влиянием предыдущего гласного], нг. *sāju^C* (наличие финального глайда показывает, например, притяжательная форма 2 л. *sājulā* ‘твой взгляд’: алломорф посессивного суффикса с *-l-* выступает после консонантной основы);

нен. *saryo* — ‘дождь’, эн. *sare*, нг. *copya^C* (наличие финального глайда показывает, например, притяжательная форма 3 л. ед. ч. *copyatu* ‘его дождь’: алломорф посессивного суффикса *-tu* (вместо ожидаемого в соответствии с правилами ритмической градации *-zu*) выступает после консонантной основы);

¹² В статье нганасанские материалы приводятся по [Хелимский (рук.)] и [Костеркина, Момде, Жданова 2001] с сохранением транскрипции оригинала.

нен. *юно* ‘лошадь’, нг. *диндүа*^C (наличие финального глайда показывает, например, притяжательная форма 3 л. ед. ч. *диндүату* ‘его лошадь’: алломорф посессивного суффикса *-ту* (вместо ожидаемого в соответствии с правилами ритмической градации *-зү*) выступает после консонантной основы);

нен. *хүҗго* ‘гортань, горло’, нг. *күңгүд’э* (наличие финального глайда подтверждает, во-первых, слабая ступень консонантного кластера *җг*, что показывает, что слог является этимологически закрытым, во-вторых, атрибутивный суффикс, имеющий вид *-d’э*, а не *-э*, как было бы после вокалической основы);

нен. *хэдо* ‘копаница, место, объединенное оленями’, нг. *кэзүде?* (наличие финального глайда подтверждает, во-первых, слабая ступень второго согласного корня, *з*, что показывает, что слог является этимологически закрытым, во-вторых, атрибутивный суффикс, имеющий вид *-d’э*, а не *-э*, как было бы после вокалической основы);

нен. *җаҗһо* ‘утка-нырок, утка-морьянка’, эн. *җади*, нг. *җаһуоде* (наличие финального глайда подтверждает атрибутивный суффикс, имеющий вид *-d’э*, а не *-э*, как было бы после вокалической основы).

6.1.3. При отсутствии нганасанских соответствий этимологический финальный глайд в ненецких именных *о*-основах можно восстановить на основании соответствия нен. и эн. гласных в следующих случаях (ср. соответствия гласных в списке стативно-декаузативных глаголов выше):

нен. *подо* ‘младший брат мужа / жены’, эн. *пади*;

нен. *пэдо* ‘яр’, эн. *поди*;

нен. *ваһо* ‘ум’, эн. *бии*;

нен. *редуо* ‘утомление’, эн. *риде* ‘тяжелое дыхание, усталость’.

6.1.4. Нганасанские консонантные основы могут иметь соответствиями также нен. основы на ^о. Во-первых, это ряд стативно-декаузативных глаголов, как, например, нен. *тэлэ* ‘быть закрытым’, эн. *тору*-, нг. *тэлю*^C -.

Такие же соответствия могут быть представлены и в именах:

нен. *хад*^о ‘пурга’, эн. *кади*, нг. *козу*^C (наличие финального глайда подтверждает слабая ступень второго согласного корня, *з*, что показывает, что слог является этимологически закрытым);

нен. *уар*^о ‘плач’, эн. *d’ару*, нг. *дөрү*^C / *дөрү*^C (наличие финального глайда показывает, например, каритивная форма 3 л. *дөрүкали* ‘без плача’: алломорф каритивного суффикса *-кали* (вместо ожидаемого в соответствии с правилами ритмической градации *-гали*) выступает после консонантной основы);

нен. *уіу*^о ‘зять’, эн. *бии*, нг. *биуи*^C (ср. в записи Кастрена *biñij* — так систематически отражается финальный *-w* в его записях, см. об этом слове [Гусев 2008: 117, 126]).

К сожалению, по одним вокалическим соответствиям (нен. ^о, эн. *-u*, нг. *-u*, типа нен. *pod*^о ‘просека, ворота’, эн. *роди*, нг. *хуту*) невозможно различить консонантные основы и основы с вокалическим исходом.

6.1.5. Ненецкие основы на *-о* могут также соответствовать нг. основам на *-j*:

нен. *уәҗго* ‘ловушка’, эн. *d’огу*, нг. *d’әҗгүј*;

нен. *җано* ‘лодка’, эн. *оду*, нг. *җәндүј*;

нен. *-җго* суффикс с дуративным значением, эн. *-гу*, нг. *-гүј*.

6.1.6. Из ненецких *-о*-основ, имеющих соответствия в других северносамодийских языках, остаются:

а) несколько основ, не имеющих диагностических соответствий:

нен. *тәро* ‘скупой’, эн. *тору*;

нен. *нензо* ‘пленка в мясе’, эн. *ed’уо*;

нен. *пуаро* этн. ‘чистый’, эн. *һару*;

нен. *тасо* ‘желтый’, эн. *тасу*, нг. *тосиә*;

б) несколько основ, которые в нг. показывают вокалический ауслат:

нен. *вапо* ‘корень’, эн. *баду*, нг. *бәнту* (однако ср. маторское *mandoh*, где *h* может представлять ПС ^{*}-*w*, см. об этом слове [Гусев 2008: 120]);

нен. *пунзо* ‘коленный жир’, нг. *һүн’s’ü*;

нен. *-ко* диминутивный суффикс, эн *-ку*, нг. *-ку*.

Таким образом, среди ненецких *-о*-основ, имеющих внешние северносамодийские соответствия, очевидно преобладают те, в которых может быть восстановлен финальный глайд ПС ^{*}-*w*, однако это не свидетельствует однозначно о том, что все ненецкие основы на *-о* имели в ауслате глайд. Примерно такое же соотношение мы наблюдаем и среди ненецких *-о*-основ, заимствованных в обско-угорские языки: большинство из них отражаются с финальным *-Vw*, несколько — с финальным *-u*.

6.2. Финальный *-o (-u)* современных нен. слов отражается как *-Vw*:

77. нен. *nado* ‘младший брат мужа / жены’ > О *naduvem* jüngerer Bruder der Frau (Páp.-Wb.). (Это ненецкое слово имеет соответствие в энецком *nađi*, и финальный *-i* этого слова при соответствии ненецкому *-o* однозначно указывает на финальный ПС **-w*. Кроме того, П. Саммалаhti [Sammalahti 1988] восстанавливает это слово с финальным *-w* и для прауральского).

L 285 a

Т. нен. О *nāđū* Т *nāđū* Sj. К U U-Ts. *nāđō*;

Л. нен. Lj. Nj. *nāttū* P *nāttū*.

78. нен. *yamtyo* ‘украшение на оленьей упряжи (из кожи или крашеной замши) > хант. Vol. Ethn. *янду* || манс. N *jāmt'uww*

L 98 a

Т. нен. О *jāmť'u* OP *jāmťu* Sj. *jāmđu*;

Л. нен. Nj. *jěámśu* P *d'ímśūtt̃p̃* (Pl.3Sg) Lj. *jāmđzu*'' (Pl).

79. нен. *yabco* ‘хвост; задние концы полозьев нарты’ > хант. Páp.-Wb. О *ip̃s̃ə̃u* ‘задняя часть нарты’

L 102 a

Т. нен. О *jāpsū* Т *jāBso* Sj. К U-Ts. *jāp.tso*;

Л. нен. P *d'ěāv.śu* S *jāBs̃'ku*.

80. Нен. *xab°dyo* ‘плавательный пузырь (рыбы)’ > О *харэтеw* (нг. *kohədə*, ср. также сельк. *kūrətä* [SelkWb 1805], где финальный *ä* указывает на то, что в ауслауте был не одиночный гласный)

L 172 b

Т. нен. О Sj. *χāB°D°u* К *χābd'o* U-Ts. *χābd'u* Sjo. *χābad'o*;

{L 207 a

Л. нен. S Nj. *ka''vlǝkku* P *ka''vlǝkko* Ni. *ka''vlǝkku* }.

81. нен. *mālo* ‘волчья ягода; заячья ягода’ > О *mnləw* (эн. *molu*)

L 240 b

Т. нен. О Sj. *māllū* OP *māllū*;

Л. нен. P *māllū*.

82. нен. *nyarco* ‘исландский мох (из него делают подстилку в люльке)’ > О *nar'səw* (нг. *n'орсу*)

L 306 a

Т. нен. О *nār.śu* OP *nārřtsu* Sj. *nār.śō* Sjo. *nār.śo* Т *nārśō*;

{L 407 b

Л. нен. P *χāttæ* 1) ‘болотный мох (его сушат и измельчают, потом делают из него подстилку в люльке)’}.

83. нен. *purco* ‘аорта’ > О *pur'səw* (эн. *puđu*, нг. *hüirs'üä* ‘место на шее под щекой’)

L 366 a

Т. нен. О *pur.tsū* OP *purřtsū* Т *purřsū* Sj. U-Ts. *pur.tsō*;

Л. нен. S *pur'řsū* P *puřsū*.

84. нен. *pudo* / *puđu* ‘спинной мозг’ > О *putəw* (эн. *puđu*, нг. *hüđaku*, *hüđa'ku*)

L 369 a

Т. нен. OP *puđu* Sj. *püđō*;

Л. нен. S Nj. *puttū*.

Ср. также сельк. *pučä* ‘ядро (ореха)’ [SelkWb 442] < сельк. *pučä* ‘нутро’¹³.

¹³ Сельк. /a/ в непервых слогах может отражать либо последовательность VCV, где C = η, j и, возможно, w, а также сочетание Vw, ср. сельк. *kāmpa* ‘весна’ = нг. *камба*. В нганасанском слове кластер /mb/ реализуется в слабой ступени ритмической градации, что свидетельствует о том, что второй слог этого слова был этимологически закрытым: сельк. *kāmpa*, нг. *kamba* < ПС **kāmpVw* (в [SW 64] предлагается **kāmpə ~ kāmpəjə*, но такая праформа не объясняет слабую ступень ритмической градации у нганасанского кластера). Это позволяет предположить, что нен. *pudo* / *puđu* соответствует сельк. *pučä* с возможной прасамодийской праформой ПС **putVw* (в [SW 130] предлагается праформа *putə-j*).

85. нен. *waryo* ‘проталина’ > О *warəw*

Л 53 b

Т. нен. О *βārū* ОР *βārū* Sj. *βāro*;

Л. нен. Р *βāлли*.

Далее, есть три слова, в которых обско-угорский *-Vw* отражает ненецкий *-u*. В ненецком в целом мало непроизводных основ на *-u*, и они не имеют надежных соответствий в других северносамодийских языках. Но некоторые именные *-u*-основы имеют варианты с ауслатным *-o*. Кроме того, в ненецком произошла редукция узких гласных в финальных слогах (ср., например, показатель условного деепричастия нен. *b°q* = эн. *bu?* = нг. *-hü?*); можно предполагать, что финальный *-u*, как и финальный *-o*, восходит не к одиночному гласному.

86. нен. *síyu* ‘[олений] теленок, олененок’ > О *sujəw* (ср. эн. *sôari tágu?* ‘сентябрьский теленок’)

Л 417 a

Т. нен. О ОР Т Sj. К Nj *sūjjū* U U-Ts. *sūjjū*;

Л. нен. Nj. *χōjjū* Р *χōd'd'ū*.

87. нен. *syabu* ‘длинная нарта без настила с тремя копыльями на каждой стороне (используется для перевозки досок, служащих в чуме полом, настила под постелью, листа из-под очага и мешков из-под женской обуви — т. н. «поганая» нарта)’ > О *sápuw*, *sápəw*

Л 430 b

ОР *sābū* U *sābū* U-Ts. *šéábū*;

Nj. *šībū* Kis. *šīpū* Р *šīpū*.

88. нен. *nyəb°lyu*° ‘неблюй (осенний теленок); телячья шкура, снятая примерно в сентябре, пригодная для малицы’. Это слово заимствовано и в мансийские, и в хантыйские северные диалекты. Но, вероятно, современное нен. *nyəb°lyu*° содержит атрибутивный суффикс *-y*° (можно предположить, что такая форма появилась для обозначения *шкура* осеннего теленка, а затем была перенесена и на обозначение самого детеныша), а источником заимствования послужила гипотетическая форма типа нен. **nyəb°lyu* > Ni *ńōpələw*, Kaz *ńōpələw*, *-lūw*, О *ńōpələw* || манс. *ńoplū*, Їсрп. *ńoplu*.

Л 310 a

Т. нен. О *nābl'ū* Sj. *ńēb'ŋ'ū* U *nāb'ŋ'ū* ОР *nā'βl'u* `j;

Л. нен. S *nāmpl'uj* Р *nāpp'liuj*.

89. нен. *xəlcoqli*° ‘дужка на ремне передового оленя, через которую протягивается вожжа’ также предполагает атрибутивный суффикс (*-i*° < **əjə*). Возможно, *-j* атрибутивного суффикса в данном случае был воспринят так же, как другой глайд, *-w* (напомню, что и в прасеверносамодийском перед *j* появлялись лабиальные гласные, ср. случаи типа нен. *ŋano* ‘лодка’, эн. *odu*, нг. *ŋənduy*, что является именно северносамодийской особенностью, ср. камас. *ēni*, койб. *ane*) > О *χpl'sáli* || манс. *χalsaluw*.

90. нен. *syān*° ‘две плоские костяшки, скрепленные ремнем на узде оленьей упряжки’ > О *sān*, Kaz *šānəw*, *-ūw* || манс. N *sāneu*. Это слово имеет соответствие в эн. *sedo*, что указывает на праформу ПС **sāntə*, однако, а) как было показано выше, ненецкие основы на *-°* также могут восходить к основам с этимологическим ауслатным *-w*, см. 6.1.4; б) в северносамодийских языках в принципе возможны колебания в форме ауслата (что объяснило бы эн. *-o* вместо ожидаемого *-u*), ср. хотя бы нен. *syəlw*° ‘запекшаяся кровь’ (пример 51).

Л 429 b

Т. нен. О Т Sj. M *sān*;

Л. нен. S *sān* Nj. Р *šēān*.

6.3. Финальный *-o* (*-u*) современных нен. слов отражается как *o/u*:

91. нен. *tuuy°ko* ‘подночь (нижняя зимняя покрывка чума мехом внутрь)’ > Kaz. *mōjəkkq*, О *mujəku*.

Л 280 a

Т. нен. О *tūiikkū* ОР *tūj'kkū* Sj. К U-Ts. *tūiikkū* M *tūi.ikkū*, *tūjuikkū* U *tūi.ikkū* N *tūi.ikkū*;

Л. нен. Р *tūššəz*.

92. О *jortseku* ‘деревянное кольцо на рыболовной сети’: вероятнее всего, представляет собой диминутивный дериват, связанный с нен. *yərcy°h* ‘невод, рыбацья сеть’.

Примечательно, что оба слова, в которых финальный нен. *-o* отражается в обско-угорских не как *-w*, представляют собой диминутивы на *-ko*, а диминутивный суффикс, как обсуждалось выше, скорее всего, имеет вокалический ауслат, а не исход на глайд ПС **-w*. Это дополнительно подкрепляет идею о том, что распределение слов между группами 6.1 и 6.2 не является случайным.

7. Выводы

1. Языком-донором послужил, безусловно, тундровый, а не лесной ненецкий: приведенные в статье слова лесного и тундрового ненецкого, соответствующие обско-угорским заимствованиям, показывают, что в ряде случаев в лесном ненецком может вовсе отсутствовать данная основа, в других же случаях она может отстоять фонетически (и/или деривационно) слишком далеко от обско-угорского слова.

2. Заимствования в обско-угорские языки из ненецкого могут отражать следующие архаичные черты ненецкой исторической фонетики:

- сохранение финальных гласных (до редукции в $^{\circ}$);
- сохранение финальных согласных, перешедших в современном ненецком в гортанный смычный;
- сохранение интервокального *-m-*, перешедшего в современном ненецком в *-w-*;
- сохранение финального глайда *-w*, в современном ненецком перешедшего в \emptyset .

Практически по всем этим параметрам заимствования в хантыйский и мансийский разбиваются на две группы: одни отражают более архаичное состояние ненецкой фонетики, другие — более близкое к современному состоянию. Это позволяет хронологически стратифицировать заимствования. Еще одна черта, позволяющая провести такую относительную датировку, — лабиализация гласных в казымском хантыйском и в мансийском: ряд ненецких слов был заимствован в тот период, когда этот фонетический переход еще действовал, и в этом случае нен. *a* (? и *ə*) отражаются в казымском хантыйском и в мансийском как лабиальные гласные, ряд — после того, как лабиализация перестала быть «действующим» процессом; в этих словах качество нен. *a* (? и *ə*) не меняется.

В таблице ниже суммируются эти сведения, позволяющие, с одной стороны, хронологически стратифицировать заимствования, с другой — приблизительно датировать как фонетические изменения в ненецком, так и контакты ненецкого с обско-угорскими языками.

Таблица 1. Хронологическая стратификация ненецких заимствований в обско-угорских языках и относительная датировка исторических фонетических изменений в ненецком

	Более ранние заимствования ¹⁴	Более поздние заимствования
Параметр	Лабиализация гласных в обско-угорских языках (параметр релевантен только для казымского, изредка низямского, диалекта хантыйского и для мансийского языка) слова с лабиализацией	
		слова без лабиализации
Семантика, идиомы-реципиенты	‘кастрированный олень’ > Kaz LO, So, LM	‘авка’ > Kaz. Syg
	‘бесплодная важенка, которую дрессируют для езды’ > Kaz. So, Syg	‘украшение на оленьей упряжи (из кожи или крашеной замши)’ > Vol. Ethn. N
	‘малица’ > Ni, Kaz LO, So	‘группа, толпа, стадо, стая’ > Kaz
	‘ягель’ > Kaz	‘нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)’ > — Syg
	‘нижний край (например, нюка); подол одежды’ > Kaz	‘лу́жа’ > — N
	‘парка’ > Kaz LO, So	‘яловая важенка’ Vol. Ethn. N
	‘младшая жена (при многоженстве)’ > Kaz	‘две плоские костяшки, скрепленные ремнем на узде оленьей упряжки’ > Kaz. N, LO, So
	‘менструация’ > Kaz	‘кожа (под волосами) > Kaz —
	‘небллой (осенний теленок); телячья шкура, снятая примерно в сентябре, пригодная для малицы’ > Ni, Kaz N (Čern.)	‘белый’ (о масти оленя, об оленьей шкуре) > — N
	‘скребок для выделки шкур’ > Kaz N	‘белый олень, на шкуре которого очень много черных волосков’ > Kaz
	‘теленка годовалой важенки; внебрачный ребенок’ Kaz N	‘тихий, спокойный, смиренный (о человеке и животном)’ > Vol. Ethn. LO, So
	‘лоншак, олень-самец по второму году’ Kaz Syg	
	‘комоль’ Kaz	
? ‘невозмутимый, хладнокровный (о человеке)’ > Kaz		
? ‘подстилка, циновка’ > Ni, Kaz		
Комментарий	Как можно видеть, большая часть оленеводческих терминов заимствована в обско-угорские языки достаточно давно — если верить оценке К. Доннера, основывавшегося на датировке процесса лабиализации гласных в обско-угорских идиомах, — не позднее XIV века.	

¹⁴ Определяется отдельно для каждого из параметров.

		Финальные гласные в фонетически легких основах¹⁵	
Пара-метр	Семантика, идиомы-реципенты	отражается гласный до редукции	отражается редуцированный гласный
		‘икра ноги’ > O ‘собака с длинной пушистой шерстью’ > Ni, Kaz LO, So ‘передний отросток оленьего рога’ > O ‘деревянная или костяная застежка на упряжи’ > O ‘костяной блок для аркана’ > O ‘хрящ (на конце ребер)’ > O ‘нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)’ > Syg ‘скребок для выделки шкур’ > Kaz, O N ‘посох’ > O ‘место, где находится ухо’ > O ‘деревянный блок или металлическое кольцо, к которому прикрепляются постромки в оленьей упряжке’ > O	‘нижний край (например, нюка); подол одежды’ > Kaz, O; ‘дуга (в т.ч. люльки)’ > O; ‘самое глубокое место’ > O ‘1) гора, хребет, холм; 2) <i>чаще вост.</i> тундра’ > O; ‘верхушка (веточки, кустарника)’ > O ‘мягкий’ > Ni, Kaz ‘ленивый’ > O ‘выемка между ягодицами (у человека)’ > Kaz ‘сок растений’ > O
	Комментарий	Как уже было отмечено, отпадение / сохранение финального гласного в ненецком должно было происходить в несколько этапов. Можно предположить, что в ненецком процесс редукции финальных гласных начался с фонетически «легких» основ, в которых финальный гласный следовал за одиночным согласным, и лишь позже распространился на основы с кластером из двух смычных перед финальным гласным. При этом редукция в фонетически легких словах — процесс достаточно давний, она началась еще до того, как перестала действовать обско-угорская лабиализация.	
		Финальные согласные	
Параметр	Семантика, идиомы-реципенты	отражается «этимологический» финальный согласный до перехода в гортанный смычный в ненецком	в заимствованиях отсутствует финальный согласный, что трактуется как отражение ненецкого ауслатного гортанного смычного
		‘нарта без настила для перевозки шестов от чума’ > — LO ‘слой’ > O ‘изгиб (полоза нарты)’ > O ‘торос’ > O ‘аркан для ловли оленей’ > Kaz N, LO ‘женская сумочка для швейных принадлежностей’ > Kaz, O LO, So ‘нганасан’ > O ‘скребок для выделки шкур’ > Kaz, O N ‘посох’ > O ‘место, где находится ухо’ > O ‘деревянный блок или металлическое кольцо, к которому прикрепляются постромки в оленьей упряжке’ > O ‘малица’ > Ni, Kaz LO, So	‘передняя поперечная перекладина нарты, ручных санок’ > Syg ‘нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)’ > Syg ‘дуга (в том числе люльки)’ > O ? ‘подстилка, циновка’ > Ni, Kaz, O
	Комментарий	Отражение финальных согласных ненецкого языка до их перехода в гортанный смычный свидетельствует о древности ненецко-обскоугорских контактов (в том числе и контактов ненцев с предками обдорских хантов). С одной стороны, об этом говорит систематическое сохранение в заимствованиях «этимологического» финального согласного до перехода в гортанный смычный. С другой стороны, есть два заимствования с лабиализацией, но без финального согласного: нен. <i>malʷsya</i> ‘малица’ > Kaz. <i>mɔlʷsi</i> [иногда: <i>mɔlʷpʷsi</i>] наряду с манс. LO <i>molʷʷsaŋ</i> , So <i>mɔlʷʷsaŋ</i> и нен. <i>uɔdalabcyʷh</i> ‘скребок для выделки шкур’ > Kaz <i>jɔlʷpʷsi</i> наряду с O <i>jɔtalepʷsaŋ</i> ~ <i>jɔlʷpʷsi</i> . Лабиализация свидетельствует о том, что слова без финального согласного были заимствованы до XIV века — следовательно, слова с сохранившимся финальным согласным были заимствованы еще раньше. Этот вывод выглядит неожиданным с учетом того, что ряд таких заимствований представлен только в обдорском диалекте хантыйского, но, как кажется, это единственное логичное объяснение. Это заставляет считать контакты ненецкого с обскоугорскими идиомами (включая обдорский диалект хантыйского) достаточно древними. Напомню также, что эти же заимствования в обдорский сохраняют одновременно еще одну архаичную черту: этимологический гласный (ПС *e) > нен. -ya до перехода в ə и далее в ° в инструментальном суффиксе.	

¹⁵ В список вносятся фонетически легкие основы (структуры (C)VCV) и не вносятся основы вида CVCCV с консонантным кластером.

Пара-метр	Отражение интервокального <i>-m-</i>	
Семантика, идиомы-реципиенты	в заимствовании отражается <i>-m-</i> до перехода в <i>-w-</i> 'капюшон (малицы или совика)' > Kaz, O	в заимствовании отражается <i>-w-</i> 'костный мозг' > O 'носовой овод' > O 'неразветвленный олений rog' > O 'белой масти' > N 'теленки годовалой важенки; внебрачный ребенок' > Kaz, O N 'связка сушеной рыбы' > Ahl —
	Сохранение финального ПС *w	
Пара-метр	В этом случае, как показано в разделе 6, слова с наличием / отсутствием финального <i>-w</i> в обско-угорских словах, заимствованных из ненецкого, распределяются скорее не по времени заимствования, а по наличию / отсутствию этого глайда в ненецком слове. Это можно трактовать как свидетельство поздней утраты этого глайда в ненецком: вне зависимости от времени заимствования глайд в обско-угорском отражен. Об этом же свидетельствует наличие этого глайда и в «старых» заимствованиях с обско-угорской лабиализацией, и в «новых» заимствованиях без лабиализации.	

Сокращения

Языки и диалекты

б.-з. — большеземельские говоры тундрового ненецкого языка	нг. — нганасанский язык
вост. — восточные говоры тундрового ненецкого языка	нен. — ненецкий язык
каз. — казымский диалект хантыйского языка	об.-уг. — обско-угорские языки
камас. — камасинский язык	ПС — прасамодийский язык
койб. — койбальский язык	сельк. — селькупский язык
л. нен. — лесной ненецкий язык	т. нен. — тундровый ненецкий язык
л. эн. — лесной энецкий язык	т. эн. — тундровый энецкий язык
манс. — мансийский язык	хант. — хантыйский язык
	эн. — энецкий язык
мансийский	
LM — среднелозьвинский мансийский	So — сосьвинский мансийский
LO — верхнелозьвинский мансийский	Sug — сыгвинский мансийский
N — северные говоры мансийского	
ненецкий по [Lehtisalo 1956]	
лесной:	
Kis. — материалы, записанные на р. Киселёвская	OP — материалы, записанные Т. Лехтисало от информанта, происходившего с реки <i>puŕŕe</i> в системе Нижней Оби
Lj. — материалы, записанные на р. Лямин	
Ni. — материалы, записанные на реке <i>nŕ'íse''ej</i>	P — материалы, записанные в верховьях Пура
Nj. — материалы, записанные в деревне Нялина от информанта, родившегося на р. Назым	S — материалы, записанные на реке Сахалинская (тот же говор, что Lj)
тундровый:	
K — материалы, записанные на реке Колва	Sj. — материалы, записанные на реке <i>šòðp</i> , притоке Усьвы
M — материалы, записанные в Мезени	
MB — большеземельский говор, записанный в Мезени	Sjo. — материалы, записанные на реке Семжа
N — материалы, записанные в селе Несь	T, T1 — материалы, записанные на реке Таз
O — материалы, записанные в Обдорске	U — материалы, записанные в деревне Устье (недалеко от Пустозерска)
Oks. — большеземельский говор, записанный в селе Оксина	U-Ts. — материалы, записанные в селе Усть-Цильма

хантыйский

Ahl — берёзовский диалект в записи Алквиста
 J — юганский хантыйский;
 Kaz — казымский хантыйский;
 Kaz.-St. — материалы В. Штейница;
 Kunov. — хантыйские записи из с. Куноват
 Ni — низямский хантыйский;

O — обдорский хантыйский;
 O-St. — материалы В. Штейница;
 Pap (O) — материалы Й. Папаи;
 Š — шеркальский хантыйский
 Sy. — хантыйский диалект по реке Сыне
 Trj — тромьюганский хантыйский;
 V — ваховский хантыйский;

Общие

этно. — этнографическое понятие

Inf — инфинитив

комп. — композит

NInstr — отглагольное имя с инструментальным значением

Pl — множественное число

3Sg — посессивный показатель 3 л. ед. ч.

s3Sg — 3 л. ед. ч. субъектного спряжения

Сокращения источников

Тер. — Терещенко 1965

Čern — Чернецов В. Н. Термины средств передвижения в мансийском языке // Памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937. С. 349—365. {*Chernetsov V. N. Terms of vehicles in the Mansi language // In memory of V. G. Bogoraz. Moscow—Leningrad, 1937. P. 349—365.*}

DEWOS — Steinitz 1966

KM — Kálmán, Munkácsi 1985

L — Lehtisalo 1956

MSFOu — Memoires de la Société Finno-Ougrienne

OstjWb — Karjalainen 1948

Páp.-Wb. — Pápay J. Ostjakisches Wörterbuch (рукопись, библиотека Венгерской Академии наук)

PB — Beke Ö. Északi-osztják szójegyzék. Nordostjakisches Wörterverzeichnis. // Keleti Szemle. 1907—1908, 8—9 (Suppl.).

SelkWb — Alatalo 2004

Sir.-Handarb. — Sirelius U. T. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1904, 22 (1). S. 1—75.

SW — Janhunen 1977

Vol. Ethn. — материалы, извлеченные В. Штейницем из рукописи свящ. Вологодского «Остяцкий словарь. II. Этнографич.-предметный словарь» (архив АН СССР, фонд. 94, 1: № 217)

Vol H — Hunfalvy P. Az északi osztják nyelv Vologodszki fordításainak és orosz-osztják szótárának alapján. Nyelvtudományi közlemények. 1875, 11.

Литература

Гусев 2008 — Гусев В. Ю. Ауслатное -w в самодийских языках: нганасанско-маторская изоглосса // Материалы 2-й международной конференции по самодистике. СПб, 2008. С. 114—128. {*Gusev V. Yu. The stem-final -w in Samoyedic languages: a Nganasan-Mator isogloss // Proceedings of the 2nd International conference on Samoyedology. St. Petersburg, 2008. P. 114—128.*}

Гусев 2010 — Гусев В. Ю. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике. Новосибирск, 2010. С. 54—65. {*Gusev V. Yu. Statives and decausatives on *-w in Samoyedic languages // Proceedings of the 3rd International conference on Samoyedology. Novosibirsk, 2010. P. 114—128.*}

Костеркина, Момде, Жданова 2001 — Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский / Отв. ред. В. Ю. Гусев. СПб., 2001. {*Kosterkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Yu. Nganasan-Russian and Russian-Nganasan Dictionary / Ed. V. Yu. Gusev. St. Petersburg, 2001.*}

Терещенко 1965 — Ненецко-русский словарь / Сост. Н. М. Терещенко. М., 1965. {*Nenets-Russian Dictionary / Compiled by N. M. Tereshchenko. Moscow, 1965.*}

Хелимский (рук.) — Хелимский Е. А. Неопубликованные материалы к словарю нганасанского языка. {*Khelimsky E. A. Unpublished materials for the dictionary of the Nganasan language.*}

Хомич 1966 — Хомич Л. В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966. {*Khomich L. V. Nenets: Historical and ethnographic essays. Moscow — Leningrad, 1966.*}

Alatalo 2004 — *Alatalo J.* Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki, 2004.

Donner 1927 — *Donner K.* Über das Alter der ostjakischen und wogulischen Renttierzucht // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1927, XVIII (1—3). S. 115—144.

Guszev, Urmancsijeva 2018 — *Guszev V., Urmancsijeva A.* Egy kivételes morfofonológiai igeosztály ay enyecben. Általános nyelvészeti tanulmányok. 2018, XXX: Uralisztikai tanulmányok. 157—164. o.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki, 1977.

Kálmán, Munkácsi 1985 — *Kálmán B., Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. Budapest, 1986.

Karjalainen 1948 — *Karjalainen K. F.* Ostjakisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Y. N. Toivonen. Bd. 1, 2 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae X). Helsinki, 1948.

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XIII). Helsinki, 1956.

Salminen 1997 — *Salminen T.* Tundra Nenets Inflection (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227). Helsinki, 1997.

Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI). Helsinki, 1998.

Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical phonology of the Uralic languages, with special reference to Samoyed, Ugric and Permian // Ed. *D. Sinor.* The Uralic languages: Description, history and foreign influences. Leiden, 1988. P. 478—554.

Steinitz 1959 — *Steinitz W.* Zu den samojedischen Lehnwörtern im Ob-Ugrischen // Ural-Altische Jahrbücher XXXI. Wiesbaden, 1959.

Steinitz 1966 — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >